РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
INSTITUTE FOR SCIENTIFIC INFORMATION
IN SOCIAL SCIENCES

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ
INSTITUTE OF ECONOMY

РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

RUSSIA AND THE CONTEMPORARY WORLD

1(94)

В НОМЕРЕ

In This Issue:

Год 1917
The Year of 1917

Россия: Социально-экономическое неравенство
Russia: Socio-Economic Inequality

Евразийская и европейская интеграция: Взаимодействие
Eurasian and European Integration: The Interaction

Вспоминая «неизвестную» войну
Remembering the «Unknown» War

Издается с 1993 г.
Выходит 4 раза в год

МОСКВА
2017

УДК 009
ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
Р 75

ИНИОН РАН
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РАН

Редакционная коллегия:

В.С. Мирзеханов – доктор исторических наук, профессор, главный редактор, *В.Н. Бабенко* – доктор исторических наук, профессор, *Л.Н. Верченов* – кандидат философских наук, *В.И. Герасимов* – кандидат филологических наук, член-корреспондент МАИ, зам. главного редактора, *И.И. Глебова* – доктор политических наук, *Д.В. Ефременко* – доктор политических наук, *Е.Б. Калоева* – кандидат исторических наук, зам. главного редактора, *А.Д. Некипелов* – доктор экономических наук, академик РАН, *Т.Г. Пархалина* – кандидат исторических наук, *Ю.С. Пивоваров* – доктор политических наук, академик РАН, *Л.В. Скворцов* – доктор философских наук, профессор, академик МАИ, *Б.А. Хейфец* – доктор экономических наук, *Л.Н. Шаншиева* – кандидат философских наук

Ответственный секретарь *А.А. Халатов*
Редактор-консультант *И.Л. Беленький*
Ведущий редактор *Д.А. Семенова*
Художник обложки *Г.И. Козубов*

Россия и современный мир = Russia and the contemporary
Р 75 world: Научный журнал / РАН. ИНИОН, Институт экономики; Редкол.: В.С. Мирзеханов (гл. ред.) и др. – М., 2017. – ISSN 1726–5223. – № 1 (94). – 258 с.

ББК 60(2Рос); 66.4(2Рос); 65.5; 60.5; 63.3(2)
УДК 009
ISSN 1726–5223
© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков
1917 год: Лица, личины и лики революции 6

В.А. Ковалёв
Есть у революции начало? (Статья 1-я) 21

С. Дудаков
Ульянов–Ленин. Штрихи к портрету 35

М.И. Воейков, Г.В. Анисимова
Социально-экономическое неравенство: Российские тенденции 46

Н.Ю. Ахапкин
Российский рынок труда в 2014–2016 гг.: Устойчивость без развития 62

А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов
Этнический национализм в массовом сознании постсоветской России 72

RUSSIA YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

V.P. Buldakov
1917: Faces, Guises and Faces of the Revolution 6

V.A. Kovalev
Is There the Beginning of Revolution? (Article 1) 21

S. Dudakov
Ulyanov–Lenin. Touches to the Portrait 35

M.I. Voeykov, G.V. Anisimova
Socio-Economic Inequality: The Russian Trends 46

N.Yu. Akhapkin
The Russian Labour Market in 2014–2016: Stability without Development 62

A.S. Kim, E.Yu. Dovgopolov
Ethnic Nationalism in Mass Consciousness of post-Soviet Russia 72

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Л.С. Косикова
Проблемы взаимодействия евразийской и европейской интеграций 85

RUSSIA AND THE WORLD IN THE 21ST CENTURY

L.S. Kosikova
Interaction of the Eurasian and European Integrations 85

И.С. Синицина
Международная трудовая миграция в Центральной и Юго-Восточной Европе 103

С.Г. Арбузов
Тенденции развития Украины в период 2007–2015 гг. 120

Н.И. Бубнова
Новая администрация США: Военно-политические вызовы 135

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Г. Донгаров
Советско-финляндская война 1939–1940 гг. 153

С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова
Межэтническая кооперация: Казань последних советских десятилетий 172

РАЗМЫШЛЕНИЯ. СООБЩЕНИЯ. КОММЕНТАРИИ

М.А. Положихина
Электронное правительство: Опыт Запада и России 182

М.Е. Соколова
Риски всеобщей наукометризации для информационной сферы науки 197

П.М. Шульгин, О.Е. Штеле
Наследие выдающегося ученого (К 190-летию со дня рождения П.П. Семёнова-Тян-Шанского) 209

I.S. Sinitsina
The International Labour Migration of Population from Central and South-Eastern Europe 103

S.G. Arbuzov
Tendencies of Ukraine Development during 2007–2015 120

N.I. Bubnova
The New US Administration: Military-Political Challenges 135

PHENOMENOLOGY OF THE SOVIET SOCIETY

A.G. Dongarov
The Soviet-Finnish War of 1939–1940 153

S.Yu. Malysheva, A.A. Salnikova
Inter-ethnic Cooperation: Kazan of the Last Soviet Decades 172

REFLECTIONS. COMMUNICATIONS. COMMENTS

M.A. Polozhikhina
E-government: Experience of the West and Russia 182

M.E. Sokolova
Risks of the Total Scientometrics for Information Sphere of Science 197

P.M. Shulgin, O.E. Shtele
The Heritage of the Outstanding Scientist (To the 190th Anniversary Since the Birth of P.P. Semenov-Tyan-Shansky) 209

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ | **RVEYS. DIGESTS**

Н.К. Меден
Самопровозглашенные государства постсоветского пространства (По страницам немецких публикаций) 218 | *N.K. Meden*
Self-proclaimed post-Soviet States (According to the German Publications)

Непредсказуемость внешней политики России: Гипотезы немецких экспертов (Реферативный обзор) 229 | *Unpredictability of the Russian Foreign Policy: Assumptions of the German Experts (The Abstract Analysis)*

Радвани Ж., Лярюэль М.
Россия. Между страхами и вызовами 242 | *Radvanyi J., Laruelle M.*
La Russie. Entre peurs et défis

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА 247 | **SUMMARIES**

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

В.П. Булдаков

1917 ГОД: ЛИЦА, ЛИЧИНЫ И ЛИКИ РЕВОЛЮЦИИ

Булдаков Владимир Прохорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.

Не секрет, что современные представления о революции примитизировались. Несмотря на многочисленные публикации источников (главным образом мемуаров), так называемые «объективные» предпосылки революции практически не принимаются во внимание. О закономерностях революционного процесса, похоже, никто не задумывается. «Визуализация» прошлого с помощью современных *mass media* приводит к тому, что даже в академических работах все больше доминирует дискурс «гениев» и «злодеев» с соответствующей ротацией последних.

Возникает, однако, вопрос, насколько адекватно воспринимаем мы лидеров революции? В какой степени понимаем обусловленность их решений? Они ли «управляли» событиями или, напротив, события управляли ими? Стоит ли говорить о тех или иных «роковых» решениях или существовали некие альтернативы исторического развития?

Существует представление, что в дискредитации самодержавия решающую роль сыграло выступление в Государственной думе П.Н. Милюкова, состоявшееся 1 ноября 1916 г. Лидер кадетской партии (и фактически всего оппозиционного Прогрессивного блока) произнес речь, в которой повторяющимся рефреном звучали слова: «Что это: глупость или измена?» (Милюков, чтобы избежать обвинений в диффамации, сделал вид, что лишь цитирует иностранные газеты.)

Между тем Милюков был принципиальным противником революции. В годы войны ему приписывалось заявление: «Лучше поражение, чем революция». 3 марта 1916 г. он так высказался в Думе: «…Не знаю наверное, приведет ли правительство нас к поражению. Но я знаю, что революция в России непременно приведет нас к поражению, и недаром этого так жаждет

наш враг». В любом случае Милюкова никогда и никто (за исключением разве что императрицы) не воспринимали как революционера (об этом писали даже люди, склонные трактовать падение самодержавия как «дворцовый переворот») [22, с. 79].

Еще в 1902 г. В.О. Ключевский дал Милюкову такую характеристику: «Это наивный, тяжеловесный, академический либерал, в действиях своих даже глупый, а не вояка искушенный» [12, с. 179]. Хотя знаменитый историк вовсе не был заинтересован в афишировании достоинств своего ученика, главную его слабость он указал. Нечто подобное говорили и другие. «Умный человек, но, несомненно, с шорами на глазах: дальше того, что он раз когда-то придумал, никак не может идти», – так характеризовал его в 1906 г. бывший министр просвещения, человек либеральных взглядов И.И. Толстой [42, с. 13]. Видный кадет П.Д. Долгоруков также отмечал, что Милюков – «человек кабинетный, теоретик, лишенный вообще государственного и национального чутья» [10, с. 19]. Увы, за внушительностью и несомненной ученостью скрывался особого сорта догматик.

Милюков был позитивистом – и в историографии, и в политике. Из этого следовало, что он предпочитал оценивать происходящее, во-первых, в ментальных горизонтах эпохи Просвещения, во-вторых, оценивать русскую революцию в рамках аналогий с европейскими революциями прошлого, в-третьих, приписывать российским событиям предвзятую телеологичность. По его представлениям, событиям надлежало двигаться в заданном направлении, всякое отклонение воспринималось как аномалия. К сожалению, многие и сегодня воспринимают революцию аналогичным образом – как прямолинейное движение от традиции к Модерну.

Думское выступление Милюкова вызвало фурор в образованном обществе: либералы восторгались, правые неистовствовали. Между тем лидер лишь высказал то, что давно было на устах либеральной интеллигенции. Конечно, были и аполитичные люди, скептично оценивавшие эскапады Милюкова. «…Наши монархисты получили из-под полы глупую, мальчишескую речь Милюкова и носятся с нею, как кот с салом! – писал генерал А.Е. Снесарев. – Подумаешь, невидаль какая! Я стал читать, да и дочитать не мог: такая дребедень…» [39, с. 517].

Как бы то ни было, речь Милюкова приподняла градус общественного недовольства. Правый кадет В.А. Маклаков через день заявил с трибуны Думы в адрес правительства: «Либо мы, либо они. Вместе наша жизнь невозможна» [цит. по: 32, с. 529]. Однако никаких уличных волнений эти и последующие (включая антиправительственную речь монархиста В.М. Пуришкевича) думские выступления, как и последовавшее 16 декабря убийство Г. Распутина, не вызвали. Февральская революция произошла без кадетов, Милюкова и Думы – все они фактически пришли на готовое [5, с. 449].

Исследователи до сих пор не замечают, что основные события революции вообще происходили либо *помимо политико*в, либо при их минимальном, лишь невпопад «провоцирующем», влиянии. Подлаживаться под толпу Милюков никогда не пытался. «Свою речь он, например, начинал неизменно не с обращения "граждане" (как было принято тогда в его партии) и не с революционного "товарищи" (что некоторыми кадетами также практиковалось в рабочих районах), а с самого что ни на есть старорежимного: "Милостивые государыни и милостивые государи", – писал о его публичном поведении один наблюдатель. – Нужно вспомнить тогдашний Петроград, чтобы со всей ясностью представить себе, что эти "милостивые государыни и государи" действовали как красная тряпка тореадора на разъяренного быка. На солдатском митинге или где-нибудь на Выборгской стороне бывало достаточно такого обращения, воспринимаемого как вызов и насмешка и контрреволюционная демонстрация – вместе, чтобы Милюков не мог больше сказать ни одного слова»[1]. Фигура Милюкова по-своему символична. Он, пытаясь действовать во славу России, апеллировал к некоему абстрактному ее гражданину на «чужом» языке. Даже сотрудники Милюкова по внешнеполитическому ведомству считали тактику взаимоотношений своего шефа с Петроградским Советом, с одной стороны, и союзными державами – с другой, «слишком прямолинейной» [24, с. 309]. Главному дипломату явно не хватало дипломатичности.

Чисто внешне Милюков также производил странное впечатление: нечто среднее между русским купцом и прусским генералом. «Его седые синеватые волосы представлялись стерильными и ледяными, – таким этот "барственный" человек виделся К.Г. Паустовскому. – И весь он был ледяной и стерильный, вплоть до каждого взвешенного и корректного слова. В то бурное время он казался выходцем с другой – добропорядочной и академической – планеты» [31, с. 574]. Влас Дорошевич уверял, что упрямого Милюкова кадеты меж собой прозвали «богом бестактности» [11, с. 70].

В сущности именно Милюков самоубийственно спровоцировал Апрельский кризис, который вывел на авансцену революции Ленина. 18 апреля 1917 г. Милюков в качестве министра иностранных дел заверил засомневавшихся послов союзных держав, что Временное правительство продолжит войну до победы вопреки официальному курсу лидеров Петроградского Совета на «мир без аннексий и контрибуций». И в тот же день рабочие начали праздновать уже привычный Первомай (по новому стилю). Последующие события стали характерным для того времени соединением провокации и анархии, недоумения и озлобленности, утопии и психоза.

1. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 29.

Социалисты готовы были проглотить «буржуазную» пилюлю, но кадетский ЦК призвал граждан выйти на улицы для поддержки правительства. В тот же день солдаты заговорили, что милюковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им душить развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир… » [36, с. 728]. «Милюков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать…» [30, с. 35], – констатировали интеллигентные наблюдатели. Солдаты требовали отставки Милюкова и Гучкова и обещали прийти на помощь Совету с оружием в руках. 21 апреля на улицы столицы с требованиями мира вышли до 100 тыс. рабочих и солдат. Прозвучали выстрелы, три человека были убиты, несколько ранены. Кто первым открыл огонь, выяснить не удалось (большевики уверяли, что это были гражданские лица, переодетые солдатами) [5, с. 563–564].

Частично Милюков признал пагубность своего поведения. В августе 1917 г. он писал: «История проклянет вождей наших, так называемых пролетариев, но проклянет и нас, вызвавших бурю... Спасение России в возвращении к монархии… народ не способен был воспринять свободу… Все это ясно, но признать это мы не можем. Признание есть крах всего дела и всей нашей жизни, крах всего мировоззрения... Признать не можем, противодействовать не можем, соединиться с... правыми... тоже не можем»[2]. Милюков невольно оказал неоценимую услугу Ленину, хотя формально он расчистил дорогу не ему, а Керенскому.

Керенскому пришлось играть парадоксальную роль: революционера и государственника, демократа и сторонника сильной власти, социалиста и сторонника поддержания «буржуазной» власти – в общем, радикала и консерватора. В перспективе это стало самоубийственным.

Жесткую характеристику Керенскому дал Н.Н. Суханов: «…На посту министра-президента Керенскому пришлось остаться тем же, чем он был в роли агитатора, лидера парламентской “безответственной оппозиции”..: беспочвенником, политическим импрессионистом и... интеллигентным обывателем» [40, с. 40, 72]. Пафос революции, вознесший Керенского, не мог держаться долго. Между тем Керенский, как отмечал кадет В.Д. Набоков, был «соткан из личных импульсов», «душа его была “ушиблена” той ролью, которая история ему – случайному, маленькому человеку – навязала…» [25, с. 35]. Сходным образом, но более язвительно высказался Л.Д. Троцкий. «...Керенский был и остался… временщиком исторической минуты. Каждая новая могучая волна революции, вовлекавшая девственные, еще не разборчивые массы, неизбежно поднимает наверх таких героев на час, которые сейчас

2. ГА РФ. Ф. 579. Д. 6392. Л. 1об.

же слепнут от собственного блеска...» [44, с. 8–9]. Однако интеллигентным дамам в апреле-мае 1917 г. Керенский казался «чуть ли не сошедшим с неба ангелом – и именно ангелом мира» [2, с. 188]. В Москве после его пылкого выступления в Большом театре женщины принялись бросать на сцену драгоценности. Как вспоминал британский консул Р. Локкарт, речь Керенского «продолжалась два часа, эффект от нее держался два дня» [19, с. 188].

Поразительная картина растущей неустойчивости харизмы Керенского прослеживается по дневникам студентки Одесской консерватории. «Я полна радости и счастья… Вчерашний день (15 мая 1917 г.) – один из лучших и радостных дней в моей жизни: приехал Александр Федорович Керенский – и я его видела! – восторженно писала она. – Все были в каком-то религиозном экстазе, и толпа превратилась в дикарей… Многие стояли и плакали от восторга и умиления… Про него никто не может сказать ничего дурного, даже его враги, даже ленинцы… Милый дорогой Керенский, гений и главный двигатель Русской Революции». Ей казалось, что по случаю визита «гения» «все сразу подешевело», и вообще «наша революция справедливая и не похожа на кровавую французскую расправу». Увы, через полмесяца ей пришлось выслушать иное мнение от столичной знакомой: Керенский – «морфинист и дни его сочтены», у него «пять любовниц-евреек». А 25 июля 1917 г. она сама признала, что Керенский «делает ошибку за ошибкой», и она его «больше не любит и не преклоняется» [33, с. 141–144]. Создается впечатление, что появление тех или иных лидеров было запрограммировано всем «излишне эмоциональным» ходом русской революции. Но до поры до времени они оказывались вполне востребованными.

Несмотря на стремление казаться «сильным», многие видели в Керенском скорее стремление «покрасоваться», «женское» тщеславие, жеманство и склонность к истерике [6, с. 394–399]. Известные слухи о переодеваниях Керенского в женское платье при бегстве от заслуженного возмездия – закономерное развитие образа «сфальшивившего» лидера.

Тем не менее фигур масштаба и дарований Керенского среди социалистов не было. Эсеровский лидер В.М. Чернов столь восторженных эмоций ни у кого не вызывал. Скорее наоборот. Так, к примеру, описывалось его поведение на Демократическом совещании в авторитетной социалистической газете: «Несмотря на седую шевелюру, у него цветущее, бодрое, румяно здоровое лицо, окаймленное острой бородкой... Это самый говорливый из всех ораторов. С необычайным количеством словесного сахара. С пряной вычурностью... Вместо аграрного вопроса... получается очень крепкий ликер из деревенского большевизма и розового варенья... Полемист он плохой. Замечания, брошенные сверху... рождали в нем растерянность» [13]. В Чернове не видели силы, но уловили стремление использовать действия других ради торжества своей доктрины. «“Не бойтесь чрезмерно политических чрезмер-

ностей Ленина", – таково одно из ставших знаменитым изречение Чернова», – уверял очевидец[3]. «Чернов слишком склонен к неразборчивой в средствах демагогии», – такова еще одна из его характеристик[4]. «Чернов способен на всякое предательство», – записывала З. Гиппиус в конце декабря 1917 г. [9, с. 39].

Некоторые усматривали нечто мефистофельское в самой внешности Чернова [27, с. 132]. Здесь, похоже, сказывался избыток воображения контрразведчика. Впрочем, для менее подозрительных людей, Чернов был «шутник, приятный человек» [41, с. 133]. Независимо от справедливости подобных характеристик, само наличие столь противоречивых характеристик свидетельствовало, что Чернов – сомнительная фигура тогдашнего политического ландшафта.

Фактически Чернов был авторитетен скорее своими литературными трудами внутри своей – пусть самой многочисленной – эсеровской партии (ухитряясь при этом интриговать против другого виднейшего ее члена – Керенского). Слишком многие люди самых разных политических склонностей относились к Чернову с подозрением. В отличие от Керенского он ухитрялся раздавать реверансы налево – иной раз даже Ленину. Злословили, что Чернов «с прибауточками и стишками», с особой, порой «плотоядной, ужимочкой стремится всучить лежалый товар» [8, с. 300]. Он был многословен, но отнюдь не обладал ораторским темпераментом. Казалось, что этот политик попросту ждал, когда волна крестьянской революции вознесет его и его партию на вершину власти. Вероятно, ему также казалось, что «углубление революции» будет происходить в соответствии с принципами формальной демократии. В общем, как типичный человек революционного подполья, он не понимал ни природы открытой политической борьбы, ни законов крестьянского вождизма, ни азов харизматического лидерства вообще. В сущности, он провалился на посту министра земледелия, так и не поняв, до какой степени подвел этим «свою» партию [6, с. 399–401]. А в «бесконечной» речи Чернова на открытии Учредительного собрания некоторые увидели «бездарную перефразировку большевицкой программы» [10, с. 79].

Революция не прощает тех, кто бездарно претендует на роль ее лидера. Не случайно во время июльских событий в Петрограде разбушевавшаяся толпа сначала требовала, чтобы Чернов «принял власть», а затем арестовала. Склонность к лицедейству спасает лишь на время. Чернова невозможно было представить во главе победившей революции – символично, что в июле 1917 г. его «спас» от толпы не кто-нибудь из «своих», а Л.Д. Троцкий [38, с. 384; 34, с. 203–205].

3. ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 370. Л. 25–26.
4. Там же. Оп. 2. Д. 807. Л. 83.

Троцкий был человеком иного типа. Для солдат он был «своим»; последующее появление его на посту большевистского наркомвоена символично. Описан случай, когда во время митинга солдаты едва не растерзали оборонцев из числа гвардейцев-гусар, один из которых во время выступления Троцкого осмелился выкрикнуть «Долой еврея» [18, с. 228]. Напротив, обозреватель еврейской газеты высказался о Троцком с ненавистью: «…Это же зверь, подхлестнутый сатанинским честолюбием, настоящий апокалипсический зверь из бездны, сжигаемой своей неутоленной жаждой разрушения…» [47, с. 3]. Увы, подобным оценкам суждено было пережить свое время. Скрижали исторической памяти прописаны неостывающими эмоциями. Сами «герои» революции вольно или невольно подыгрывали людскому воображению, приноровляясь к выданным им революцией маскам.

Троцкий никого не оставлял равнодушным – из-за неистовой язвительности по отношению к противникам. «Худое, заостренное лицо Троцкого выражало мефистофельскую злобную иронию», – так описывал его презрение к «соглашателям» на II Всероссийском съезде Советов Джон Рид, не забыв отметить, что присутствующие встретили его громом аплодисментов [37, с. 90]. «...Вот имя, которое публика повторяет все чаще теперь... – писала о Троцком правосоциалистическая газета. – Имя, собравшее вокруг себя уже огромные каталоги восторгов и брани...» Корреспондент отметил особенности его митингового поведения: «От оратора требуется умение внедрять по желанию то или иное убеждение в умы своей аудитории. Этим даром Троцкий владеет в высокой мере и пользуется своим искусством с удивительным мастерством... Троцкий обладает холодным рассудком и еще более холодным сердцем, но одарен железной настойчивостью… Она придает его выпадам огромную ударную силу. Вместе с этим Троцкий владеет всеми оттенками сарказма... Чтобы вызвать улыбку одобрения в слушателях, Троцкий весь свой талант превращает в игру остроумия – остроумия злого, тщеславного и парадоксального... Троцкий никогда не способен превратиться в раба идеи. Но жажда аплодисментов нередко превращает его в раболепного демагога...» [13].

В сущности Троцкий довел до логического конца демагогию Керенского, заменив надоевшие абстракции («свобода», «республика», «демократия»), доступными словами «земля, хлеб, мир». Естественно, последние подносились в тогдашнем агрессивном наполнении. «Чернь слушает Троцкого, неистовствует, горит, – свидетельствовал контрразведчик. – Клянется Троцкий, клянется чернь» [27, с. 209]. Этот «интеллигент» был виртуозом охлократии.

На людей «буржуазного» лагеря Троцкий производил иное впечатление. «Небольшого роста человек, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный

нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И – непостижимая странность! Чрезвычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближающемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народной фантазиею» [20, с. 17–18]. Понятно, что человек, не принимающий большевизм, увидел в его проповеднике то, что желал увидеть. Троцкий, надо заметить, вовсе не был низкорослым (175–177 см), глаза имел не черные, а голубые, некрасивым человеком его вряд ли можно назвать.

Перед французским послом Ж. Нулансом предстал еще один Троцкий: «Что поражало в нем сразу же, это выражение воли, дух властности и уверенности в себе, который отпечатался и в форме носа, длинном и остром, изогнутом ко рту, и в тонких, чувственных губах, подчеркнутых подстриженными усиками, извилистый изгиб их был четко обрисован. Густые черные волосы зачесаны направо и отброшены назад, открывая лоб, широкий, но низкий. Темная бородка выделяла подбородок. Глаза – большие и черные, в пятнышках крови у внутренних уголков век – усиливали жестокость этой физиономии». Французу казалось, что перед ним был «восточный деспот, лицо которого выдавало жесткий абсолютизм» [28, с. 149]. «Политическое зрение» деформировало реальный облик человека.

Существуют и другие «портреты» Троцкого: «...Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы... голос немного резкий... (без богатого тембра), но отчетливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом» [23, с. 147]. По-своему описал внешность легендарного наркомвоена художник Ю. Анненков. Оказалось, что тот «был хорошего роста, коренаст, плечист и прекрасно сложен», глаза «блестели энергией» [1, с. 626]. Впрочем, в графическом портрете Анненков явно постарался (или даже перестарался) подчеркнуть в Троцком волевое и властное начало. «Обаяние», которым, с его слов, обладал любитель поэзии С. Есенина Л. Троцкий, начисто исчезло.

Британский консул Р. Локкарт увидел еще одного «Троцкого»: «У него изумительный живой ум и густой, глубокий голос. Широкогрудый, с огромным лбом, над которым возвышалась масса черных вьющихся волос, с большими горящими глазами и толстыми выпяченными губами, он выглядел как воплощение революционера с буржуазной карикатуры. Он одевается хорошо. Он носит чистый мягкий воротничок, и его ногти тщательно наманикюрены… Он производит впечатление человека, который охотно умер бы, сражаясь

за Россию, при том условии, однако, чтобы при его смерти присутствовала достаточно большая аудитория…» Именно таким стал *казаться* Троцкий, оказавшись у власти. Но здесь важно отметить другое. По замечанию Локкарта, сделанному, правда, после краха большевистской карьеры Троцкого, этот «революционер, наделенный темпераментом художника и несомненной физической храбростью, он никогда не был и не мог быть хорошим партийцем» [19, с. 236–237]. Революции нужны пассионарные лицедеи. Но только до определенного времени.

«Портретисты» революции словно работали на разных «заказчиков». В любом случае преобладали личины и лишь в некоторых случаях – «лики». Кто-то видел брюнета Троцкого, кто-то блондина. Кому-то от казался тонкогубым, а кому-то, напротив, толстогубым. Ухитрялись даже перепутать цвет глаз. Все это достаточно типичные аберрации зрения революционной поры. И потому историк должен разглядывать персонажи революции с пристальным «равнодушием», меняя угол зрения. Только так можно создать подобие голографического изображения, с которым только и можно «работать».

Возможно, наиболее близко подошел к «загадке» Троцкого В.Д. Медем, тоже еврей, но православный по вере и бундовец по политическому призванию. Вероятно, одному «этнополитическому» маргиналу было проще понять другого. Троцкий, писал Медем, обладал «хлестким языком, и влияние этого языка на самого Троцкого было сильнее рассудка». Он напоминал человека, который, согласно русской пословице, «ради красного словца не пожалеет и отца». При этом «для него были важны не именно слова, а то, как ими уколоть». «Он мог блестяще писать, а говорить – даже еще лучше, – считал Медем. – Но не производил впечатления человека, на которого можно положиться» [21, с. 237]. До революции Троцкого недолюбливали буквально все. В революции случилось нечто противоположное: крушение прежних логических структур и сакральных символов привело к тому, что люди стали «думать языком», выражавшим сиюминутные эмоции. По мере остывания революционного хаоса Троцкий остался не у дел.

Троцкий пришел к большевикам, признав, наконец, первенство Ленина – куда менее яркого литератора и оратора. Он понял, что именно Ленин изоморфен русской смуте. «Ленин олицетворяет собой русский пролетариат – молодой класс... но класс глубоко национальный, ибо в нем резюмируется все предшествующее развитие России... – писал Троцкий. – Свобода от рутины и шаблона, от фальши и условности, решимость мысли, отвага в действии – отвага, никогда не переходящая в безрассудство, – характеризуют русский пролетариат и с ним вместе – Ленина». С другой стороны, Ленин отражал «русский рабочий класс не только в его пролетарском настоящем, но и в его столь еще свежем крестьянском прошлом». Он усмотрел в нем «мужицкую сметку... развернувшуюся до гениальности, вооруженную последним словом

научной мысли» [43, с. 5–6, 8–9]. Эта характеристика могла бы показаться надуманной, если бы не некоторые характерные совпадения ее с впечатлениями меньшевика Н. Валентинова (Н.В. Вольского). Тот считал, что Ленин – настоящий русский тип, и даже его ближайшая партийная среда, несмотря на этническую пестроту, была «очень русской» [7, с. 72]. А у Ю. Анненкова Ленин – «человек мелкобуржуазного типа, с усами, с бородкой и хитроватой улыбкой» [1, с. 596].

Понятно, что противникам большевизма хотелось увидеть у Ленина «дьявольскую» проницательность. Размышляя над его портретом, некий московский обыватель так комментировал его «насмешливый взор»: «Несчастное людское стадо, как легко тебя одурачить самой фантастической сказкой! Стоит только поддакивать твоим страстишкам и низменным инстинктам, стоит поднять в тебе зависть, злобу и месть, польстить твоей хвалёной мудрости, которая века держала тебя в рабстве, ...и ты пойдешь, страдая и погибая от лишений и невзгод, за любым фантазером-крикуном, за любым проходимцем…» [17, p. 500]. Судя по некоторым воспоминаниям, элементы «умудренной циничности» в поведении Ленина в 1917 г. были. «В перчатках ведь рябчиков не изжаришь» [35, с. 91], – якобы говорил он. Возможно, такие впечатления были связаны с привычкой Ленина слегка щуриться по причине астигматизма – некоторые фотографии действительно производят соответствующий эффект.

Вся структура поведения Ленина была такова, что его воспринимали – любя или ненавидя – только всерьез [4, с. 649]. Он был искренен и в своей вере, и в своем негодовании. Это вызывало уважение даже у противников.

Когда и как могли сформироваться у Ленина подобные черты? Уже в школьные годы он держался более чем своеобразно. Внешность он имел неказистую, но, похоже, ничуть от этого не страдал. «Маленького роста, довольно крепкого телосложения, с немного приподнятыми плечами и большой, слегка сдавленной с боков головой, Владимир Ульянов имел неправильные... черты лица: маленькие уши, заметно выдающиеся скулы, короткий, широкий, немного приплюснутый нос и вдобавок – большой рот, с желтыми, редко расставленными зубами», – таким он смотрелся среди однокашников. При таких данных внешне копировать своих литературных героев не имело смысла. Приходилось быть самим собой. По-видимому уже тогда Ленин производил впечатление пугающего сгустка энергии: «При беседах с ним вся невзрачная его внешность как бы стушевывалась при виде его небольших, но удивительных глаз, сверкавших недюжинным умом и энергией». В школьной среде будущий вождь держался с самодостаточной отчужденностью – качество, свойственное харизматичному от природы лидеру. «Ульянов... довольно резко отличался от всех нас – его товарищей», – вспоминал все тот же его одноклассник. – Казалось, это был на редкость

«правильный» ученик: «...Даже во время перемен Ульянов никогда не покидал книжки и, будучи близорук, ходил обычно около окон, весь уткнувшись в свое чтение. Единственно, что он признавал и любил, как развлечение, – игру в шахматы, в которой обычно оставался победителем даже при одновременной борьбе с несколькими противниками». Впечатлял он учеников и даже учителей тем, что всегда ухитрялся найти исчерпывающий ответ на любой вопрос. При всей «веселости нрава» он оставался «до чрезвычайности скрытен» и никогда не опускался до доверительных откровенностей. Все это порождало характерную реакцию: «...Он пользовался среди всех его товарищей большим уважением и деловым авторитетом, но... нельзя сказать, чтобы его любили, скорее – ценили». Однако в те времена своего превосходства Ленин никогда «не выказывал и не подчеркивал» [26, с. 42].

Тем не менее среди политиков Ленину постоянно приходилось самоутверждаться – в борьбе с народниками, отечественными и зарубежными «предателями» дела революции, либералами. Сохранить почтение к «авторитетам» при всей потребности в них становилось невозможно. Напротив, очевидцы не раз отмечали, что, публично полемизируя, Ленин обычно обходил существо дела, предпочитая сосредоточиться на тех персональных чертах противника, которые могли не понравиться присутствующим [7, с. 178, 181]. Стремление выставить противника в жалком свете – стало со временем приметной чертой всей большевистской пропаганды.

Главный парадокс состоял в том, что Ленин «побеждал» и «проигрывал» вопреки исповедуемой им доктрине. В 1917 г. он инстинктивно действовал по законам хаоса и выиграл; в Гражданскую войну прямолинейно придерживался коммунистических установок – и проиграл, уступив «мелкобуржуазному» крестьянству. История по-своему шутит с неистовыми доктринерами. В этом, кстати сказать, источник нескончаемого изумления перед результатами их практических деяний.

Впрочем, эмоции приходящи и преходящи. В литературе о Ленине значительное место занимает проблема «немецких денег». Между тем вопрос элементарен. Ленин, разумеется, понимал, что объективно он работает на военных противников России. Но моральная сторона вопроса мало его смущала – его цели лежали поверх той ненавистной действительности, которую он намеревался «перевернуть». К тому же, если мировому империализму суждено самому себя революционно уничтожить, то субсидии со стороны Германии – лишь подтверждение верности марксистского прогноза. С этой идейной «высоты» любое чистоплюйство казалось Ленину глупостью. Деньги «империалистов» должны работать против них самих. С кого начать – в манящем свете мировой революции казалось не столь важным.

В отличие от лидеров других социалистических партий Ленин производил впечатление предельно делового и деловитого человека. «Тут я понял,

что имею дело с человеком, который привык понимать с двух слов... – вспоминал Шаляпин. – Он меня сразу покорил и стал мне симпатичен». «Это, пожалуй, вождь, – подумал я» [46, с. 210]. Впрочем, нельзя забывать, что писалось все это уже тогда, когда выдающаяся революционная харизма Ленина стала фактом истории. И это не только лишало его противников привычных аргументов, но и заставляла вписывать его образ в самоутешительные теории.

В этом смысле особенно примечательна позиция Н.А. Бердяева. Для него «масштабность» Ленина стала символическим воплощением грандиозности русской революции. Из среды людей образованных Ленина выделяло то, что «в нем черты русского интеллигента-сектанта сочетались с чертами русских людей, собиравших и строящих русское государство». В Ленине сочеталось несоединимое: он был одновременно «революционер-максималист и государственный человек», соединяющий в себе «предельный максимализм революционной идеи, тоталитарного революционного миросозерцания с гибкостью и оппортунизмом в практической политике». По мнению Бердяева, «только такие люди успевают и побеждают» [3, с. 94, 95].

Конечно, революционная стихия «подправляла» Ленина. В 1917 г., отчаявшись «просветить народ», он увидел властный идеал в том, чтобы «следовать за жизнью», «предоставить полную свободу творчества народным массам», больше полагаться на их «опыт и инстинкт» [15, с. 27, 275]. Обычно русская интеллигенция опирается на «непогрешимые» теории; Ленин взял в союзники охлократию. И хотя его проекты «государства-коммуны» выглядят настоящей моделью тоталитарного Левиафана, весь его пафос связывался с надеждой-утопией, что рабочие и крестьяне сами сумеют овладеть «безошибочным искусством делать революцию» [16, с. 69].

Надо заметить, что Ленин по-своему, т.е. с минимумом фантазии, работал над собственным имиджем. Мягкие шляпы и котелки сменила простецкая кепка – головной убор шансонье парижских рабочих кабачков. Для российских пролетариев человек в потертой, но все же господской «тройке», нелепо соседствующей с нелепым картузом, вряд ли стал более близким (даже иные красногвардейцы носили котелки). Однако Ленин сумел невольно сломать привычные классовые маркеры: теперь он визуально не походил ни на кого, а потому мог «приподняться» над всеми. Вожделенному «слиянию с массой» препятствовала, вроде бы, природная картавость речи – в глазах низов признак принадлежности то ли к еврейскому племени, то ли к грассирующему барскому сословию [12, с. 18]. Но вождь и не должен быть подобием «человека толпы». Ему нужны черты «иного своего».

Похоже, что всякий пролетарий мысленно «примерял» внешность Ленина к своей среде. Одному рабочему, борцу за Советскую власть на Дону (в г. Шахты) в декабре 1917 г. Ленин предстал в таком виде: «Нам показа-

лось, что к нам подходит похожий на монтера человек, костюм его был слишком прост – табачного цвета, на груди висела железная массивная цепь, один штиблет на правой ноге был заштопан, редкие волосы окаймляли его выдвинутый череп, бородка и усы, которые он, очевидно, недавно сбрил, щетинились...»[5]. Как видно, в память особенно врезались «пролетарские вериги» вождя. Вероятно, эффект неожиданности сработал на «убедительность» речей вождя.

Некогда Ленин находился в дружеских отношениях с партийным спонсором М. Горьким. Однако осенью 1917 г. не в меру эмоциональный «буревестник революции» принялся морализировать на тему большевизма. 10 ноября 1917 г. газета писала, что Ленин при всех своих несомненных достоинствах «вождя» отличается «чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс», с инстинктами которых он работает «как химик в лаборатории». Однако вряд ли это ленинское – реальное или придуманное – качество было заметно «снизу».

Воспоминания Р. Локкарта также впечатляют «контрастным» изображением «вождя»: «В его внешнем виде не было ничего хотя бы отдаленно напоминающего сверхчеловека. Невысокий, довольно плотный, с короткой толстой шеей, широкими плечами, круглым красным лицом, высоким умным лбом, слегка вздернутым носом, каштановыми усами и короткой щетинистой бородкой, он казался на первый взгляд похожим скорее на провинциального лавочника, чем на вождя человечества». Вместе с тем и Локкарт отдал дань уже сложившимся представлениям о Ленине: «Что-то было, однако, в его насмешливом, наполовину презрительном, наполовину улыбающемся взгляде, что говорило о безграничной уверенности в себе и сознании собственного превосходства». Вместе с тем Локкарт, потрясенный ленинской «силой воли» и «непреклонной решимостью», выделял в нем «полное отсутствие эмоций», с одной стороны, и «сардонистический юмор, высоко развитый у него», – с другой. Сочетания этих качеств и давало эффект непогрешимости. И, конечно, в своей вере в мировую революцию Ленин, действительно, мог быть «беззастенчив и непреклонен, как иезуит» [19, с. 149–150].

Конечно, большевизм был неоднороден. Среди лидеров встречались и лица, пораженные своего рода революционным нарциссизмом. «Произошло то, чего я хотел, о чем мечтал: я действительно популярный вождь пролетарских масс, – уверял А.В. Луначарский. – Быть может ни одно имя, кроме Троцкого и Ленина, не пользуется такой известностью и любовью. Но счастье, великое счастье быть передовым деятелем революции и горько!» [45,

5. Центр документации Новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 3. Д. 368. (Воспоминания Дьякова.) Л. 36.

с. 234]. Вероятно, Луначарскому было горько от сознания, что революция *заставила* его надеть на себя совсем не свойственную ему – человеку творческой элиты – «ультрареволюционную» личину. Но оставайся он самим собой – он тут же был бы исторгнут из эмоционального потока революции.

Забавно, что тот же Луначарский, по некоторым свидетельствам, сравнивал Ленина с Христом, и уверял, что если бы Христос был жив, он стал бы большевиком [19, с. 271]. Большим и искренним фантазерам революции сопутствует сладкоголосая мелюзга. И это тоже одна из черт революционного карнавала.

Революция эта, по выражению Троцкого, «великая пожирательница людей и талантов», прежде чем до конца использовать человека, заставляла его надеть ту или иную маску. Порой под рукой Клио оказывался случайный человек, едва годный на одноразовое применение, который быстро и бесследно исчезал во мгле людской памяти. Но были и те, которых революция – «заслуженно» или «незаслуженно» – возносила словно специально для того, чтобы проверить, способны ли новые поколения правильно оценить тот или иной ее выбор. Увы, как правило, эту проверку мало кто выдерживает, ибо трудно заставить человека разглядеть в героях и злодеях прошлого самого себя.

Литература

1. Анненков Ю.П. Дневник моих встреч. – М., 2005.
2. Бенуа А.Н. Мой дневник. 1916–1917–1918. – М., 2003.
3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Париж, 1955.
4. Булдаков В.П. Ленин: Парадоксы жизни и смерти // Русский исторический журнал. – 2000. – Т. III. – № 1–4.
5. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. – М., 2015.
6. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М., 2010.
7. Валентинов Н. О Ленине. – Нью-Йорк, 1991.
8. Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. – Тбилиси, 1991.
9. Гиппиус З. «Черные тетради» // Звенья. Вып. 2. – М.; СПб., 1992.
10. Долгоруков П.Д. Великая разруха. – Мадрид, 1964.
11. Дорошевич В.М. При особом мнении. – Кишинев, 1917.
12. Ильин-Женевский А.Ф. Один день с Лениным (из воспоминаний «виттемеровца»). – М.; Л., 1925.
13. Киевская мысль. – 1917. – 22 сентября.
14. Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. – М., 1968.
15. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
17. Лившин А.Я., Орлов И.Б. Революция и социальная справедливость: Ожидания и реальность («Письма во власть» 1917–1927 годов) // Cahiers du monde Russe. Vol. 39 (4). Octobre–Decembre 1998.

18. Литтауэр В. Русские гусары. Мемуары офицера императорской кавалерии. 1911–1920. – М., 2006.

19. Локкарт Р. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. – М., 2016.

20. Лопухин В.Б. После 25 октября // Минувшее. – 1990. – Т. 1.

21. Медем В.Д. Из моей жизни: Воспоминания. – М., 2015.

22. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. – Париж, 1979.

23. Минувшее. – 1996. – Т. 20.

24. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Т. 1. – М., 1993.

25. Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. – М., 1991.

26. Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868–1917. – Нью-Йорк, 1955. – Кн. 1.

27. Никитин Б.В. Роковые годы. Новые воспоминания участника. Мемуары начальника контрразведки Петроградского военного округа. – М., 2000.

28. Нуланс Ж. Визит Троцкого во французское посольство // Первая мировая война: История и психология. Под ред. В.И. Старцева. – СПб., 1999.

29. Одесский листок. – 1917. – 7 марта.

30. Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. – М., 1990.

31. Паустовский К. Собр. соч. Т. 3. – М., 1957.

32. Политическая история России. Россия – СССР – Российская Федерация. – М., 1996. – Т. 1.

33. «Претерпевший до конца спасен будет». Женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. – СПб., 2013.

34. Рабинович А. Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. – М., 1992.

35. Раупах фон Р.Р. Facies Hippocratica (Лик умирающего). – СПб., 2007.

36. Революционное движение в апреле 1917 г. Апрельский кризис. – М., 1958.

37. Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. Кн. 1. – М., 1987.

38. Следственное дело большевиков. Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3–5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль–октябрь 1917 г. Сб. док-тов в 2 кн. – М., 2012. Кн. 1. С. 638, 755–756, 771, 791–793, 798; Кн. 2. Ч. 2.

39. Снесарев А.Е. Письма с фронта. 1914–1917. – М., 2012.

40. Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 1. – М., 1991.

41. Тоган З.В. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М., 1997.

42. Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. – СПб., 1997.

43. Троцкий Л.Д. Ленин как национальный тип. – Л., 1924.

44. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 2. – Берлин, 1930.

45. 1917: Частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова / Сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая. – М., 2005.

46. Шаляпин Ф.И. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. – М., 1990.

47. Шполянский А.М. Ормузд и Ариман // Еврейская трибуна. – 1920. – № 40. – 1 октября.

В.А. Ковалёв

ЕСТЬ У РЕВОЛЮЦИИ НАЧАЛО?
(Статья 1-я)

**Ковалёв Виктор Антонович – доктор политических наук,
профессор Сыктывкарского госуниверситета им. Питирима Сорокина.**

В связи с 100-летней годовщиной революции 1917 г. в России наблюдается повышение интереса и к этим событиям и феномену революции как таковому. Проблематика революции сегодня актуальна как в теоретическом, так и в прикладном отношении. Тем более что в мире происходит немало разнообразных революций (и «революций»). Понятие «революция» сейчас употребляется часто, пожалуй, даже слишком часто, и по довольно разным поводам. Автор этой статьи также обращался к данной теме на примере «Социологии революции» П.А. Сорокина [8]. Теперь, несколько лет спустя, в связи с проблематикой революции появляются новые варианты старых вопросов, не в последнюю очередь и в силу важных политических событий, произошедших и происходящих в России и в мире.

Прошлое тесно переплетается с актуальной повесткой дня, и порой трудно определить, где история, а где политика. Надо учитывать, что такое смешение проистекает из-за того, что «великий Октябрь» – для нашего общества не просто «страница истории» – пусть очень яркая, но, казалось бы, уже перевернутая. Нет, события прошлого продолжают довлеть над нами не только в телевизоре или на страницах книг, а оказывают явное или подспудное влияние на текущее положение дел. Что поделать, если советские стереотипы, коммунистическая мифология в нашей стране по-прежнему имеют власть над умами миллионов людей и оказывают влияние на их поступки.

Была ли революция осени Семнадцатого года неизбежностью или ее можно было избежать, направив события по другой траектории? Эти и подобные вопросы и сегодня, столетие спустя после произошедший катастрофы, многим не дают покоя. Сегодня прийти к согласованному ответу совершенно невозможно. Многие продолжают утверждать, что избежать

революции в России никак было нельзя, она произошла бы в любом случае; более того, положительные оценки большевистского переворота тоже не являются редкостью. Автор этих строк резко отрицательно относится к подобному телеологизму (фатализму) и согласен с оценкой ее как русской трагедии, но это просто зафиксированная авторская позиция, но никак не приглашение к дискуссии по данным вопросам (которая, если начнется, то не кончится никогда). Продуктивнее сосредоточиться на других проблемах.

Революция как распад государства. Феномен революции и актуальная повестка дня

Определений революций множество. Одна из обобщенных характеристик социально-политической революции содержится у Ш. Эйзенштадта: «Принято считать, что предпосылками революции становятся фундаментальные социальные аномалии или вопиющие проявления несправедливости, соединение борьбы между элитами с более широкими или глубокими социальными факторами, подобными классовой борьбе, социальные сдвиги, вовлечение в социальное движение крупных (особенно вновь возникающих) общественных групп и их политическая организация.

Результаты революций представляются многогранными. Во-первых, это насильственное изменение существующего политического режима, основ его легитимности и его символики. Во-вторых, замена неспособной политической элиты или правящего класса другими. В-третьих, далеко идущие изменения во всех важнейших институциональных сферах, в первую очередь в экономике и классовых отношениях, – изменения, которые направлены на модернизацию большинства аспектов социальной жизни, на экономическое развитие и индустриализацию, централизацию и расширение круга участвующих в политическом процессе. В-четвертых, радикальный разрыв с прошлым (хотя еще А. Токвиль указывал на относительность этого разрыва в своей книге “Старый порядок и революция”). [20]. Исходя из крайне идеологизированных, милленаристских представлений участников революции считают, в-пятых, что революции осуществляют не только институциональные и организационные преобразования, но и вносят изменения в нравственность и воспитание, что они создают или порождают нового человека. Эти пять черт составляют образ чистой революции, как он сложился в общественном сознании и социологической литературе» [23, с. 45].

Более краткое определение политической революции дает популярный исследователь революций Джек Голдстоун: «Революция – это насильственное свержение власти, осуществляемое посредством массовой мобилизации (военной, гражданской или той и другой вместе взятых) во имя социальной справедливости и создания новых политических институтов» [7, с. 15]. Для

целей нашего исследования эти современные определения революции вполне подходят. В то же время остаются актуальными и подходы к социологии революции, которые были предложены в 1920-х годах Питиримом Сорокиным. Творческое наследие П.А. Сорокина привлекает тем, что в изучении социальных трансформаций он подробно описал и проанализировал политические перевороты, сравнивая российскую катастрофу с другими революциями в истории. Он также попытался объяснить базовые причины кризисных изменений через общемировую социокультурную динамику. В середине 1920-х годов Питирим Сорокин писал о причинах политических революций в основном как об «ущемлении базовых инстинктов» и, грубо говоря, как о неком массовом помешательстве, «растормаживании условных рефлексов». Социальная революция – это когда природа как бы берет вверх над культурой и социальностью: «“Ущемленные” рефлексы начинают давить на другие, эти – на следующие, происходит взрыв и наступает “извержение вулкана”. Кора социальных форм поведения лопается и разрывается, огонь биологических импульсов прорывается наружу…» [19, с. 277].

Устарел ли такой сорокинский подход или, наоборот, выживший в той российской Смуте социолог видел то, от чего закрывается сознание современных ученых? Как пишет В.П. Булдаков: «Увы, в своем большинстве современные “аналитики” шарахаются от попыток поиска истоков социальных кризисов в исторических надрывах человеческой психики» [3, с. 19]. Сам В. Булдаков в своих обширных и многочисленных исторических трудах эти «надрывы» изучает и описывает очень подробно [1; 2].

Да, идеологические и психологические факторы играют в революциях огромную роль. Массами порой овладевают идеи, «становящиеся материальной силой», которые при спокойном и стороннем рассмотрении трудно охарактеризовать иначе, как «безумные». Часто они связаны с соблазном окончательного решения проблем «старого мира», через его уничтожение и переход к «Новой земле под Новым небом». Масса населения быстро превращается в подобие стада баранов, которое ведут на гибель провокаторы и безумцы. Как замечал Ш. Эйзенштадт: «Центральное место в этом лидерстве приобрели особые культурные группы – религиозные или секулярные, – прежде всего интеллигенция и политические активисты, среди которых выделялись носители гностических представлений о построении Небесного Града или же какой-то его секулярной версии на Земле» [23, с. 31]. В российском случае вековой давности это можно объяснить как малограмотностью населения, так и аномалиями в сознании отечественно образованного класса (возможно, обусловленными недостаточностью того, что можно обозначить как «светский рационализм»), отсюда и повальное увлечение дикими революционными «теориями». Но в любом случае «психологии» для объяснения революционных завихрений явно мало.

Да, идеи и образы разрушения «до основанья» Старого порядка порой могут приобрести над людьми огромную власть. Однако почему происходит это бурление масс, вдохновляемых идеями типа «всемирной коммуны» или исламского фундаментализма. Нам представляется, что в этих процессах ведущую роль играет демографический фактор; в условиях перенаселения, пусть и относительного, масса людей, не находящих в окружающих условиях места для сколько-нибудь достойной жизни, ищет и находит идеи, предлагающие эти условия уничтожить. В итоге «лишние люди» успешно уничтожают друг друга под теми или иными радикальными лозунгами.

В предвидении и анализе революций и других кризисных явлений наиболее актуальным, по-моему, продолжает оставаться неомальтузианство, конечно, в сочетании с другими подходами [15].

Когда недостаточно развитые экономические структуры не могут справиться с возросшим демографическим давлением (возможно также, что если этого давления нет, и доля молодежи в населении страны не слишком велика, то революционные процессы протекают в гораздо более мягкой и мирной форме, как мы можем наблюдать это в целом ряде нынешних революционных или псевдореволюционных событий[1]), а государственная власть, как представляется, совершает ошибку за ошибкой, то массы дружно заводят песню «вскипел наш разум возмущенный», чувствуя себя не только глубоко ущемленными, но и готовыми к решительной борьбе.

Понятно, что одного «ущемления базовых инстинктов» для наступления революционного кризиса недостаточно, должны действовать и другие факторы. Как показал Токвиль, радикализм того или иного движения не соотносится со степенью обнищания масс, на самом деле то, что предопределяет степень радикализма, находится скорее в области идеологической и эмоциональной динамики возникающего конфликта, хотя теоретическое осмысление

1. «Миллионные жертвы и массовое насилие вовсе не обязательный атрибут революции. В мире происходило и происходит немало бескровных революций. Более того, для революций последних двух-трех десятилетий вообще характерны минимизация насилия» [18, с. 17].

Сейчас во многих странах, в том числе и РФ, невысока доля молодежи, нет давления демографического фактора. Но нельзя исключать того, что этот фактор проявится, даже если население будет медленно расти или сокращаться. Это вполне может произойти при очередной технологической революции в развитых странах, когда большинство населения окажется объективно «лишними» [см.: 11]. Некая «постмодернистская» параллель такого кризиса возникает и в слаборазвитых государствах, например зависящих от экспорта ограниченного сырьевого ресурса или пораженных острым внутренним противостоянием. Тогда деградирующая экономика не сможет поддерживать даже прежний уровень бедности, если население сокращается недостаточно быстро.

этого обстоятельства так и осталось незавершенным, считает Ф. Коллинз. Вплоть до настоящего момента истории практически все известные революции стали следствием не экономического кризиса капиталистических рынков, а следствием краха правительств [13, с. 48].

Собственно, это отмечал еще и П. Сорокин: «Для революции нужно не только ущемление инстинктов, но и наличие недостаточно сильного и умелого торможения со стороны власти и командующих слоев» [19, с. 578].

Современные теории революции [24; 7] делают упор не только на восстания народа, ущемленного в своих базовых инстинктах, но и на политические кризисы государств, не справившихся с теми или иными вызовами: «Когда… обычные социальные механизмы, которые восстанавливают порядок во время кризисов, перестают работать, и общество переходит в состояние неустойчивого равновесия. Теперь любое неблагоприятное событие может вызвать волну народных мятежей и привести к сопротивлению элит, и тогда произойдет революция» [7, с. 35].

Для революции нужен только толчок, ведь «выбивают общество из колеи, выводят его из состояния равновесия не структурные, а случайные причины. Их диапазон широк: от резкого скачка цен или вопиющего политического скандала до военного поражения и спонтанного начала массовых акций протеста. От использования неоправданных, с точки зрения общества, репрессий до ощущения национального унижения и морального негодования в связи с фальсификацией выборов» [18, с. 48].

В последние годы по миру прошла волна так называемых «цветных» революций, имевших весьма противоречивые результаты и последствия. Это и демократические трансформации в рамках так называемой «третьей волны» [21], и среди них особенно «бархатные революции» в Восточной Европе, покончившие с коммунизмом, и политические перевороты на постсоветском пространстве [6], и события так называемой «арабской весны» [17].

Естественно, что к этому феномену привлечено у нас повышенное внимание, так как многие здесь опасаются повторения чего-то подобного и в РФ, другие считают это возможным или необходимым, желательным или неизбежным, тем, что вполне укладывается в нынешние мировые тенденции: «Во всем остальном мире (за исключением Китая и Белоруссии) “цветные” революции считаются полноценными революциями. С этих позиций “цветные” революции вполне укладываются в тип так называемых “демократизирующих” революций» [18, с. 40]. Если признать демократизацию неотъемлемой чертой модернизации (наряду с бюрократизацией, секуляризацией, индустриализацией и т.д.), то при модернизации вопрос о демократических преобразованиях как наиболее соответствующей форме существования современных политий будет вставать вновь и вновь. Поэтому рано или поздно обречены на крах и персоналистские диктатуры, о которых Голдстоун писал: «Режим,

который первоначально опирался на выборы, военных или партию, превращается в персоналистскую диктатуру. В таких режимах, чем дольше правитель остается у власти, тем более коррумпированной она становится и тем большую выгоду извлекают из этого члены его семьи и близкие друзья. Правитель может утратить представление о реальности, и ему теперь безразлично, страдает или нет население от его экономической политики. По мере того как все большие слои элит и групп населения чувствуют притеснение и отчуждение, режим в их глазах становится нелегитимным и несправедливым. Когда экономический кризис ослабляет или провоцирует мятеж, такой правитель вскоре обнаруживает себя изолированным и покинутым собственными элитами» [7, с. 41]. Такие революции могут развиваться и относительно мирным путем – так называемая «переговорная революция» [там же, с. 47].

«Верхи не могут, а низы не хотят». Вариаций на эту тему довольно много. Валерий Соловей полагает, что «верхи» вполне способны своей политикой довести до революционного взрыва, ведь «дорогу к потрясениям торят глупость, трусость и жадность правящего класса», когда «низам» это, наконец, надоест: «Если вы имеете дело с диктатурой или обезумевшим от безнаказанности (полу)авторитарным режимом, то должны ясно понимать, что такой режим никогда и не при каких условиях не откажется от власти добровольно. И что у вас не существует никаких легальных средств заставить его уйти или поступиться властью. Выборы будут фальсифицированы. Моральные призывы и критика проигнорированы. Люди, пытающиеся изменить власть изнутри, коррумпированы или вычищены. Вы всё испробовали и ваши надежды рухнули? Неправда! У вас осталась воля к переменам, воля к борьбе и появился интеллектуальный реализм. Теперь вы твердо и окончательно убеждены, что власть / режим невозможно трансформировать, а можно лишь свергнуть» [18, с. 298–299].

Есть ли в принципе то, что может помешать такому развитию событий? Что если попробовать в этом вопросе выступить в роли «адвоката дьявола».

Силы «контрреволюции»: История и современная практика

Почему революции происходят или не происходят? Как и почему силы контрреволюции могут перевесить революционные порывы и возможности. В чем проблема установления и сохранения того или иного порядка [22], либо бунта против него [4].

Рассмотрим этот вопрос с нейтральной позиции без положительных и отрицательных оценок. Что может помешать успешному началу и результативному итогу революции в некой стране с той или иной разновидностью авторитарного режима, где «базовые инстинкты» (Сорокин) периодически и

значительно ущемляются, «верхи» не справляются с задачами национально-государственного развития или вовсе заняты другим, а в «низах» зреет глухое недовольство.

Если взять российский случай, то в нынешних условиях мы бы обратили внимание прежде всего на такие важные факторы, как сохраняющаяся консолидация правящего режима, отсутствие привлекательных претендентов на власть и популярных программ, привлекательных по сравнению со статус-кво, а также страх населения перед неопределенностью и неверие в успех альтернатив, вследствие отрицательного отечественного опыта попыток радикальных преобразований; большое значение имеет также мобилизация режимом патриотических настроений в целях собственного укрепления. Попробуем взглянуть на эти факторы, применительно к текущему положению дел в РФ.

Сохраняющаяся консолидация режима

Экономический кризис в России сейчас налицо, вслед за ним можно увидеть и признаки кризиса политического. К числу таковых можно, например, отнести грызню среди представителей «верхов» из-за убывающей «кормовой базы», жертвами которой (предположительно) становятся министры, «силовики» из конкурирующих ведомств, губернаторы [10] и т.д. При этом режим в целом сохраняет признаки большой устойчивости. Сложившиеся институты (пусть даже далекие от формально-конституционных) серьезно не оспариваются ни «снизу», ни «сверху», хотя по их поводу можно заметить серьезное недовольство. В свое время в США была создана специальная группа для изучения политической нестабильности в странах мира в период 1955–2002 гг. (в руководство группы вошли, в частности, Т. Гарр и Д. Голдстоун). По результатам исследования, наиболее значимым фактором политической стабильности была признана устойчивость политических институтов [16, с. 102]. Именно так, хотя формулировка «устойчивость политических институтов» в конкретных условиях звучит весьма расплывчато. Еще раз повторим, что речь не идет только лишь об институтах, как они закреплены в основном законе и т.п.; в случае ряда стран гораздо важнее тот порядок («режим»), который сложился в ходе существующей практики. К тому же «нестабильность» часто не вызывает никаких революций: и если первую предсказать можно с высокой долей вероятности, то вторые практически этому не поддаются.

Для политизированной публики общим местом стало рассуждение о том, что режим в РФ укрепился благодаря высоким нефтяным ценам и их падение ослабит его в политическом отношении. В этом есть доля правды. Как будто верно, что государство обречено на кризис, когда попадет в критическую

зависимость от одного ресурса (углеводородов); и падение нефтяных цен, а также появление серьезных энергетических альтернатив на мировом рынке объективно ослабляют режим, но автоматически это к его распаду, конечно, не приведет.

Революции происходят из-за распада сверху, а не из-за восстания снизу. Не имеет значения уровень лишений широких групп населения: они не способны разрушить государство до тех пор, пока сплочены элиты и их военный репрессивный аппарат [12, с. 55]. Пока деятели режима выступают как «скованные одной цепью, связанные одной целью», а цель эта в сохранении существующего положения независимо от внутренних острых конфликтов. Выпадение «слабых звеньев» пока не ослабляет этой цепи, а наоборот, укрепляет всю «цепь» внеэкономическоого принуждения и экономического монополизма, делая ее звенья более зависимыми друг от друга, и от сохранения существующего порядка, и от лидера, его олицетворяющего, вне зависимости от того, как «бульдоги под ковром» относятся к нему и / или друг к другу.

Субъективный фактор – отсутствие альтернативных претендентов и обнадеживающих перспектив. Страх масс перед Хаосом

В рассуждениях «о грядущей революции в России» некоторые авторы полагают такую революцию делом вполне реальным, которое могло бы уже произойти, и успеху которого помешала лишь какая-то случайность. Так, В. Соловей в своей последней книге о революции, которая опять не произошла в нашей стране, утверждает, что революционная ситуация была «в декабре 2011 г. в России, когда организаторы протестных митингов пошли на фактический сговор с властью. А ведь ситуация тогда висела в прямом смысле слова на волоске и Кремль был готов был пойти на существенные уступки, включая досрочные парламентские выборы» [18, с. 58].

Довольно наивно, по-моему, рассматривать выступления против фальсификации выборов в РФ, случившиеся в конце 2011 – первой половине 2012 г., как опыт неудавшейся революции. Неправильно также сводить причины ее неудачи исключительно к субъективному фактору. Да, он очень важен, и лидеры «болотных протестов» действительно трусили и допускали ошибки. Но была ли «белоленточная» революция возможной и / или даже желательной для российского населения. Довольно странно было бы видеть в качестве лидеров «народного протеста» персонажей, откровенно презирающих большинство населения России (как «быдло», «анчоусов», «серую массу» и пр.) и относящихся к «этой стране» и ее народу с поистине зоологической ненавистью. С такими «вождями» выступления «белоленточников» были изна-

чально обречены и в критерии потенциально успешной революции никак не вписывались.

Это, кстати, вполне подтвердили и последующие события в мире, после которых тупиковость многих «революций» и бесперспективность участия в них в ряде конкретных ситуаций стала еще более ясной. Зачем людям рисковать «выйти на площадь», если видно, как после Тахрира происходит лишь реконфигурация власти военных, а после майданных шабашей лишь смена у власти криминальных группировок. Если эти или подобные аргументы используют апологеты режима, вызывающего не лучшие чувства, то это не значит, что с этими аргументами не стоит считаться или отбрасывать их по соображениям «партийной» солидарности. Группам, претендующим на звание «оппозиции», это, конечно, нравиться не может, но тем хуже для такой «оппозиции». Тем более если говорить о значительной части «оппозиции» в Российской Федерации, бесконечно демонстрирующей неумеренное «низкопоклонство перед Западом», с зашкаливающим градусом русофобии и презрения к «этой стране».

И, однако, замечание В. Соловья о субъективном, личностном факторе в политической борьбе само по себе не вызывает сомнений: «Воля к борьбе, включая готовность умирать за свои взгляды и идеалы, – абсолютно необходимое условие революции. И обратите внимание: это относится к человеческой экзистенции, а не к социологическим абстракциям. Если эта экзистенция отсутствует, то даже самые благоприятные условиях обернутся пшиком» [18, с. 58]. За «социологическими абстракциями» и теориями революции совсем упускается из виду то, что наряду с отсутствием раскола в «элитах», попросту отсутствуют те, кто всерьез готов бороться за власть в стране[2]. В РФ фактически нет никакой оппозиции правящему режимы – ни системной, ни внесистемной, ни «сверху», ни «снизу» – никакой и нигде.

Кстати, здесь уместными будут суждения Гегеля, извлеченные из его размышлений о диалектике господина и раба, в «Феноменологии духа»: «Только риском жизнью подтверждается свобода… Индивид, который не рисковал жизнью, может быть, конечно, признан *личностью*, но истины этой признанности как некоторого самостоятельного самосознания он не достиг»

2. О какой революции можно говорить при отсутствии революционеров. В социально-политической теории такой авторитетный автор, как Ч. Тилли, связывает революционную ситуацию с появлением серьезного претендента на государственную власть, когда, например, сами эти «претенденты возникают и завоевывают поддержку, когда действующий режим предъявляет своим подданным новые требования (чаще всего требования новых налогов), но при этом у правителя недостаточно сил для того, чтобы обеспечить их выполнение» [14, с. 73]. В теории всё выглядит логичным, но даже крайне непопулярный режим остается на месте, если ему не находится альтернативы.

[5, с. 102]. С этим в принципе согласен и современный автор: «В наши дни почти не нашлось людей, готовых жертвовать жизнями за свои убеждения и заблуждения. Нынешняя российская – легкоуправляемая – многопартийность превращается в средство имитации демократии» [3, с. 38].

Согласимся, что действительно мучительно тяжело осознавать пределы выбора в невыносимой ситуации, тем более что со времен немецкого классика трагический опыт бытия обогатился новыми гранями[3].

В общем старый лозунг партии социал-революционеров (к которой, кстати, вначале принадлежал, а потом, разочаровавшись в политической борьбе, ее ряды покинул Питирим Сорокин) – лозунг: «В борьбе обретешь ты право свое!» – остается предельно актуальным. Но это всегда риск.

Для того чтобы быть готовым к «борьбе» и поставить свою жизнь на кон, нужно выйти за рамки обычной, «нормальной» жизни. Далеко не все готовы к этому. Рискующие вожди, как правило, далеко выходят за рамки принятой человеческой морали и тем самым часто представляют для массы людей немалую опасность. Потому, более приемлемым для осторожного обывателя выглядит – оставить «бодливых коров» в положении политических маргиналов и не дать им обрести «рога» (по народной пословице).

Было бы странно, если бы господствующий режим оставлял без внимания происходящее в лагере своих противников и не заботился об укреплении своих позиций ценой огромных пропагандистских усилий: «Угроза гражданской войны в России используется властью как пропагандистский миф для

3. Изучение опыта борьбы с невыносимым давлением чужого и попытками выживания и сохранения достоинства под этим прессом не оставляет особого выбора. Это подтверждает, в частности, духовный опыт таких противоречивых мыслителей, как К. Шмитт, Э. Юнгер (на написание этого пассажа автора вдохновило чтение шмиттовской «Теории партизана» и юнгеровского эссе «Уход в лес». – В. К.), век жизни которых был опытом подлинных личностей. Выбор однако очень суров: «Как жить, если ты встретился взглядом с ликом Медузы Горгоны, если твое бытие соприкоснулось с Ничто или враждебным Иным, если душа дрожит от страха перед безжалостным врагом. Зеркальным щитом, отражающим горгоний взгляд ужаса, для героя может стать истинное понимание ситуации и духовная смелость видеть вещи такими, какие они есть, даже если истина предстает в ужасном обличии. Нация, которая не имеет своих "персеев", со щитом ума и понимания, обречена на гибель под гнетом парализующего ее страха и / или даже непонимания приближающегося конца. Духовное сопротивление в почти полностью безнадежной ситуации – это пример, вдохновляющий как избранных мыслителей, так и тысяч анонимных бойцов против наступающего зла. В условиях торжества современной глобальной цивилизации, становящейся все более античеловеческой, под финансовой и информационной властью Чужих, жестоко репрессируемых локальными полицаями, скоро уже "просто жить", даже очень скромно и тихо, станет практически невозможным делом. В этой перспективе МЫ ВСЕ – ЛИБО РАБЫ, ЛИБО ПАРТИЗАНЫ» [9, с. 154].

борьбы с оппозиционными настроениями. Посредством немудреных пропагандистских операций выстраивается так называемая “пугающая альтернатива”, обществу направляется послание: поддержите Кремль или вы получите революционный хаос; даже плохой порядок лучше хорошего беспорядка. *Подогреваемый властью дискурс гражданской войны в России спекулятивен и безоснователен, он служит ключевым моментом классической пропагандистской тактики “торговли страхом”. Людей элементарно запугивают, чтобы добиться их политической лояльности*» (курсив мой. – *В. К.*) [18, с. 129].

Полагаем, что всё не так просто. Дело не только в том, что по телевизору *врут, как дышат* (повторим, что ждать иного в существующей ситуации было бы странно), но «обычный человек» просто не может справиться со своими опасениями: он не понимает, зачем ему бороться, если в итоге он будет жить еще хуже. Рационально или не рационально, но простой обыватель, даже если отвлечься от влияния интенсивной проправительственной пропаганды, видит и понимает, что какая-нибудь «цветная революция», даже в случае успеха, мало что может ему дать, но зато многое может отнять. Ну и, наконец, нельзя не отметить, что при отсутствии достаточного революционного потенциала внутри страны, очень много зависит от внешнего фактора.

Отпор иностранному вмешательству и мобилизация режимом патриотических настроений

Феномен внешнего, иностранного вмешательства – явление, известное с древности. Оно встречается еще у Фукидида на примере событий на острове Керкира, связанных с войной между Афинами и Спартой [7, с. 47]. А уж если обратиться к опыту русских Смут…

Впрочем, посмотрим на то, что гораздо ближе. Разве усилия противника России в Первой мировой войне и подлость союзников не повлияли на события 1917 г. в России и судьбу последнего российского царя? «Закономерность» великой революции и наличие серьезных предпосылок для нее отрицать глупо, ввиду произошедшего революционного взрыва огромной разрушительной силы. Но при этом начало и ход революций, что прошлых, что современных, что будущих – без субъективного фактора и злонамеренного внешнего вмешательства представить невозможно. Трагическую гибель исторической России можно, конечно, объяснять множеством противоречий ее исторической траектории: от политики последнего царя до «неправильной» отмены крепостного права, а также безумствами Петра, церковным расколом, монгольским игом, выбором веры князем Владимиром и т.д. и т.п. Но это не отменяет того простого факта, что историческая Россия не потерпела решающего поражения в Мировой войне, а была убита при одобрении или

равнодушии как политизированного и образованного меньшинства, так и большинства малограмотного и инертного населения, не ведавшего, что оно творит. Бессмысленно отрицать, что в стране к Семнадцатому году накопилось очень много «революционной взрывчатки» («рвануло во всемирно-историческом масштабе»!), но почему указание на деятельность, например, какого-нибудь Парвуса (блестяще описанного А.И. Солженицыным в соответствующих «узлах» «Красного колеса») должно считаться махровой конспиралогией? А ведь подобных фактов и фигур было множество.

А уже если вернуться совсем в наши дни, то речь пойдет об ином развороте темы.

Итак, если режим консолидирован, видимая альтернатива ему отсутствует, а массы не горят желанием круто изменить свою жизнь, то остается внешний фактор разжигания революции. Действие его многообразно. Можно говорить и о «геополитическом напряжении» государства, и о том, что тот или иной авторитарный режим сам резко ухудшит свое положение, ввязавшись во внешнеполитическую авантюру типа «маленькой победоносной войны», и о вмешательстве внешних акторов на стороне (контр)революции или же о чужом положительном (или отрицательном) примере. В ходе (или после) революции отношение к этому вмешательству может кардинально меняться; яркий пример политического цинизма продемонстрировали большевики, перейдя от пожеланий поражения своего правительства в мировой войне к лозунгам типа «Социалистическое отечество в опасности!». Все логично: чужого не жалко, а свою власть не отдадим.

Но часто бывают ситуации, когда правящий режим мобилизует патриотические настроения с целью консолидации против внешнего врага. Укрепить существующий порядок *превентивно*, показав как альтернативу существующие внешние угрозы – это сильный политический козырь. Разумеется, здесь не обходится без интенсивной пропаганды и тенденциозных передержек.

Сейчас в Российской Федерации стремятся заменить обсуждение внутренних напряжений указанием на внешнее вмешательство и «иностранных агентов». Якобы только субъекты, «шакалящие у посольств», призывают в Россию «майдан». Нужна особая выдержка, чтобы пройти между этими «партийными» крайностями. Здоровый социально-политический организм «агенты» не разложат, но довольно глупо надеяться на международную помощь после очередной «геополитической катастрофы». Гуманитарную помощь, быть может, и предоставят, но обглодают страну основательно – неужели история великого разграбления России в начале и, подчеркнем, в конце XX в. ничему не учит. И неужели внешняя помощь в «свержении диктаторов» в Сирии, Ираке, Ливии и ее видимые последствия – это только результат авторитарной пропаганды? Неудивительно, что такая угроза (пусть

и поданная специфическими пропагандистскими методами) оказывается очень сильным аргументом против антиправительственных выступлений и блокирует ныне многие протестные порывы.

Таким образом, пока власть в РФ весьма удачно использует «внешнюю угрозу цветных революций» для собственного укрепления. Трудно сказать, будет ли такой подход иметь успех и дальше. По контрасту, можно предположить, что именно внешние факторы будут иметь решающее значение в сохранении или падении существующего режима.

* * *

Предсказывать революцию в России (равно как и в других странах) дело не только неблагодарное, но, по сути, и невозможное. Вряд ли о революции где-либо можно со всей определенностью говорить: «Она произойдет» в силу того, что невозможно и по субъективным, и по объективным причинам оценивать степень вызревания предпосылок революции на ее предварительной стадии, невозможно также измерить постоянно меняющуюся (не)готовность людей к преодолению критических порогов, резко отделяющих одно состояние общества от другого. Невозможно указать конкретный момент, когда участвующие в событиях люди в массе своей сделают решающий выбор, чтобы оказаться на стороне победителей: сторонников старого или нового порядка. Современная наука практически не располагает средствами для таких выводов. Это возможно констатировать только в прошедшем времени: «революция в данной стране произошла» (и, соответственно, о стране, в которой она произошла, тогда можно сказать, воспользовавшись известным выражением: «она утонула»).

Что касается российской революции в прошлом, то, на наш взгляд, здесь лучше всего сказать: «она не состоялась», так как не достигла своих целей…

Литература

1. Булдаков В.П. Красная Смута: Природа и последствия революционного насилия. – Изд. 2-е, доп. – М.: РОССПЭН, 2010. – 967 с.

2. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с.

3. Булдаков В.П. Кризисный ритм российской истории: К культурно-антропологическому переосмыслению // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2015. – № 2. – С. 18–52.

4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. – СПб.: Питер, 2005. – 461 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука. – 445 с.

6. Гилев А.В. Политические трансформации на постсоветском пространстве: Имеют ли значение «цветные революции»? // Полития. Журнал политической философии и социологии политики. – 2010. – № 2 (57). – С. 107–121.

7. Голдстоун Д. Революции. Очень краткое введение / Пер. с англ. А. Яковлева. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

8. Ковалёв В.А. Русская «смута» как предмет социологии революции П.А. Сорокина: Воспоминания о будущем? // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии. Сб. научных трудов / Под ред. Д.В. Ефременко. – М.: ИНИОН РАН, 2012. – С. 168–192.

9. Ковалёв В.А. Наша фантастическая политика: Социально-политические утопии в современной фантастике: Россия между прошлым и будущим: монография. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2014. – 172 с.

10. Ковалёв В.А. «Гайзергейт» в Республике Коми: Неработающие институты авторитарного администрирования и проблемы политического порядка // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 2. – С. 22–38.

11. Ковалёв В.А. «Лишние» люди – новые «расколы: Основа конфликтов в современном мире // Россия и современный мир. – М., 2016. – № 3. – С. 76–87.

12. Коллинз Р. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. Пер. с англ. / Послесл. Н.С. Розова. – М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015. – 504 с.

13. Коллинз Р. Технологическое замещение и кризисы капитализма: Выходы и тупики // Политическая концептология. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 1. – С. 35–50.

14. Лахман Э. Что такое историческая социология? / Пер с англ. М.Н. Дондуковского; под науч. ред. А.А. Смирнова. – М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. – 240 с.

15. Нефедов С.А. Концепция демографических циклов. – Екатеринбург: Изд. УГГУ, 2007. – 141 с.

16. Никифоров А.А. Революция как объект теоретического осмысления: Достижения и дилеммы субдисциплины // Полис. – 2007. – № 5. – С. 92–104.

17. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны. – М.: ЛЕНАНД, 2013. Ответственный редактор: Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина, А.В. Коротаев.

18. Соловей В. Революtion! Основы революционной борьбы в современную эпоху. – М.: Эксмо, 2016. – 320 с.

19. Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2015. – 848 с. (Питирим Сорокин. Собрание сочинений).

20. Токвиль, Алексис де. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2008. – 248 с.

21. Хантингтон С. Третья волна. Демократия в конце XX века / Пер с англ. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2003. – 368 с.

22. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

23. Эйзенштадт Ш. Революции и преобразования обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. – М.: Аспект-Пресс, 1999. – 416 с.

24. Skocpol T. States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia and China. – Cambridge University Press, 1979. – 407 p.

С. Дудаков

УЛЬЯНОВ-ЛЕНИН. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Дудаков, Савва – историк, публицист (Иерусалим).

В апреле 1917 г. Ленин прибывает на станцию Белоостров. Его встречает многочисленная делегация рабочих Сестрорецкого завода. На площади у Финляндского вокзала собралась многотысячная толпа, а у дворца Кшесинской – десятки тысяч. От вокзала до Кронверкского проспекта он двигался на броневике, и толпа народа возрастала в геометрической прогрессии. Это был триумф. Почему картавый человек стал оратором, превосходящим Керенского и Троцкого? Почему он одной лишь силой убеждения стал первым в русской социал-демократии? Почему Плеханов и Мартов – пасовали перед ним?

Одним террором большевики не могли удержаться у власти – это аксиома. Тогда чем? Лозунгами? Одних лозунгов недостаточно. Фигура Ленина стала цементом Новой России. Собственно – он сохранил русскую империю, уступив некоторые окраины. Даже удержал полуколонию Монголию и присоединил Бухарский эмират. Площадь России к 1897 г. составляла 22,35 млн км^2. В 1905 г. Россия потерпела поражение в войне с Японией и уступила Южный Сахалин и прилегающие острова, всё, что ниже 50-й параллели, города Порт-Артур и Дальний на Ляоданском полуострове.

После Первой мировой войны, войны с Польшей, отделения Финляндии и Прибалтики, оккупации Румынией Бессарабии и добровольной отдачи Турции Карса территория будущего СССР уменьшилась до 21,7 млн км^2. Как видим, потери не столь значительные, если учесть масштаб катастрофы. За одно это – националисты должны быть благодарны Первому коммунисту.

Этот человек был способен признаваться в своих ошибках и заблуждениях. Думаю, что НЭП был рассчитан не на одно десятилетие. Отменить продразверстку еще в 1919 г. предлагал Троцкий. Ленин был категорически против. Поворот к НЭПу был произведен через год под грохот Кронштадтского восстания и в «атмосфере угрожающих настроений всей армии». А концессии

двинули бы промышленный и социальный потенциал далеко вперед. Это не были бы кровавые сталинские пятилетки. Залогом того являлось то, что к 1926 г. потенциал России, уменьшившейся территориально, достиг уровня 1913 г. НЭП был направлен и против большинства партийных работников. Замечание И. Эренбурга: «Открывались новые пути и новые возможности. Нечеловеческая воля прозвучала в этом приглашении "учитесь торговать", брошенном бескорыстнейшим борцом своим товарищам, принужденным менять теперь диаграммы главков и карты Генштаба на стук костяшек или на книги двойной бухгалтерии. Трезвость, эта самая требовательная и, скажем откровенно, наименее заманчивая изо всех добродетелей, быстро вернула людям сознание времени и пространства». (Советская цензура вычеркнула эти слова из собрания сочинений Ильи Григорьевича, изданном в 1961 г.)

Кто первый разглядел в Ульянове Ленина? Сложно ответить на этот вопрос. Но одним из первых был Виктор Мандельберг (1869/70–1944), бывший член второй Государственной думы от социал-демократической фракции, меньшевик, с 1907 г. – в эмиграции. Он был делегатом II съезда РСДРП, где произошел раскол эсдеков на большевиков и меньшевиков. Со съезда делегаты понесли в Россию семена раздора. Отношения между двумя фракциями установились самые скверные. Дрязги, сплетни, усиление разногласий… Почему?

Вот ответ Мандельберга: «Потому, что причина, вызвавшая разногласия на съезде, именно – специфическое ленинское упрощенное… понимание задач партии и сущности революционной борьбы – не только оставалось, но, наоборот, благодаря расколу получило возможность выкристаллизироваться в последовательно проводимую систему… Чем сложнее задачи ставила всё стремительнее развивающаяся революция, тем, понятно, всё более и более ошибочные ответы должен был давать всё упрощающий **ленинизм**»[1]. Это потрясающее свидетельство. К тому же, кажется, впервые употреблено слово «ленинизм».

Взаимные выпады и обвинения эмигрантская среда выбрасывала на территорию империи, и лишь социальные низы могли стать электоратом нового движения. Кстати, первые оценки социал-демократов со стороны народовольцев были негативными. Конечно, на лицах выживших героев 70–80-х годов XIX в. можно было прочесть отпечаток мученичества и трагизма, и в оценке нового движения они были почти единогласны: «Мы» – народовольцы – «аристократы», а «вы» – социал-демократы – «плебс». В прошлом

1. Мандельберг В. Из пережитого. – Давос, 1910. – С. 41.

народоволец и народоправец, позднее правый эсер Н. Тютчев высказался так: «Теперь в Сибирь улица пошла»[2].

Множество версий выдвигалось относительно происхождения псевдонима, который избрал Владимир Ульянов – ЛЕНИНЪ. Позволю себе изложить свою, пусть и причудливую, версию[3]. В Германии существует одно стихотворное пророчество на латинском языке, приписываемое монаху Герману, жившему в XIII в. Иногда называют «точную» дату появления пророчества – 1300 г., но получило известность оно лишь в 1693 г. и многократно переиздавалось.

Пророчество называется – Vaticanium Lehniness (Лени́нское пророчество), названное по местечку Лени́н (ударение на последнем слоге), неподалеку от Потсдама, известное развалинами старинного цистерцианского монастыря Гиммельпфорт, основанного в 1180 г. (Цистерциане – монашеский орден, ветвь бенедиктинцев. В Польше их называют бернардинами.) Вероятно, пророчество фальшивка.

В этом подложном пророчестве, с одной стороны, оплакивается гибель дома Асканиев (им когда-то принадлежал Лени́н), а с другой – возвышение династии Гогенцоллернов, должное привести к объединению Германии. Предрекается и гибель последней династии в одиннадцатом поколении. Наследниками Асканийской династии были князья Ангальт-Цербстские. Иначе говоря, дом Романовых был тесно связан через Екатерину Великую с этой династией, ибо она была принцессой Ангальт-Цербстской. (Кстати, эта династия ведет свой род от славян – сербов. *Отсюда – цербстская*.) Возможно эти исторические изыскания смогут помочь в выяснении происхождения странного псевдонима.

Как бы то ни было, можно заметить, что в этом псевдопророчестве имеются антироялистские тенденции, которые, зная биографию Ульянова, могли сделать для него привлекательным этот псевдоним. Учтем, что впервые псевдоним «Ленинъ» появился в газете «Заря» в 1901 г. Том энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона со статьей о «Ленинском пророчестве» вышел в 1896 г. Так что версия имеет право на существование[4].

2. Сергиевский Н. Ленин в ссылке // Красная летопись: Исторический журнал. – Л., 1924. – № 1 (10). – С. 15.

3. Я не первый, кому она пришла в голову. Думаю, что первыми были сотрудники института К. Маркса и Ф. Энгельса во времена директорства Давида Борисовича Рязанова (Гольдендаха) (1870–1938). Рязанов лично знал Ленина и вполне мог задать ему этот вопрос.

4. Статья о пророчестве имеется также в «Настольном энциклопедическом словаре» (М., 1892. Т. IV). Издание А. Гербеля и Ко. Это как раз тот IV том, с которого начинается будущая энциклопедия братьев Гранат. Но вполне вероятно, что Ульянов мог быть знаком с «Ленинским пророчеством» и по немецким источникам.

Добавим, что псевдоним «Ленин» использовался в артистическом мире в начале XX в.

Информативны воспоминания Владимира Александровича Поссе (1864–1940). Он был одним из самых интересных людей своего времени, публицистом, народником, марксистом и, по словам Л.Н. Толстого, принадлежал к лучшим образцам «интеллигенции»[5]. Являясь личным другом Горького, Поссе оказал на него и Ленина громадное влияние, хотя оба они отрицали это[6].

Характеризуя Ленина и Плеханова, Поссе замечает: «Съезд партии – это турнир между социал-демократами и нарождающейся партией социалистов-революционеров. Самый солидный теоретик первых был Плеханов, самый боевой теоретик и практик Ленин»[7].

Плеханов и Ленин – русские, и в наружности – русское, купеческое, но у каждого своеобразное. «Ленин, почти ровесник Чернова, казался в то время (т.е. в 1902 г.) значительно старше его, – продолжает Поссе, – а теперь, пожалуй, выглядит помоложе, ибо Ленин раньше Чернова и внешне, и внутренне установился. Уже тогда у него была очень солидная плешь, обнажавшая хорошо вылепленный череп с остатками рыжих волос. Лицо с сильно развитыми скулами, с рыжей бородкой – некрасиво, но вся суть в глазах, карих, умных, смеющихся и лукаво и ласково. Небольшого роста, коренастый, жилистый, с быстрыми уверенными жестами – он мог сойти за смышленого прасола, промышляющего скупкой у крестьян шерсти и льна»[8].

Блестящий портрет, сделанный вовремя, в будущем он сошел бы за карикатуру. Еще неожиданнее отношение Поссе к Плеханову. «На подмогу Ленину под шумные аплодисменты поднимается на кафедру пожилой плешивый интеллигент с густыми черными бровями, мефистофельски загнутыми над живыми, во все стороны стреляющими глазами. Это был Плеханов. Говорит он с продуманной жестикуляцией, говорит красно, точнее пестро: так и сыплются остроты, цитаты, в том числе из Крылова, ссылки на героев Гоголя и Щедрина… Несмотря на это или именно поэтому, слушать его было жутко, ибо легкая шутливая форма особенно ярко оттеняла зловещую жестокость содержания. Нападая на террор социалистов-революционеров, он восхвалял

5. Толстой Л. Дневник, 24 июля 1909 г. // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – М.: Художественная литература, 1952. – Т. 58. – С. 101.

6. Горький М. Из литературного наследия // Горький и еврейский вопрос. – Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986 / Сост. М. Агурский и М. Шкловская. Примечание на с. 90.

7. Поссе В. Воспоминания (1905–1917). – Пг.: Мысль, 1923. – С. 88.

8. Там же. – С. 89.

террор Великой французской революции, террор Робеспьера. Каждый социал-демократ, говорит Плеханов, должен быть террористом, a'la Робеспьер. Мы не станем, подобно социалистам-революционерам, стрелять в царя и его прислужников, по после победы мы воздвигнем для них гильотину на Казанской площади. Не успел он закончить этой фразы, когда среди жуткой тишины, переполненной залы раздался отчетливый голос: "Какая гадость!" Сказано это было громко, но спокойно, убежденно и потому внушительно, Плеханов побелел, вернее, посерел…»[9]

На следующий день Поссе написал резкое письмо Плеханову о разрыве с ним, Лениным и другими, и печатно стал выступать против тогдашней социал-демократии. Обратим внимание, что в 1923 г. Поссе имел мужество отвергать классовый террор, прозрачно намекая на советский режим: «Обещание поставить гильотину на Казанской площади стоит в тесной связи с обещаниями, данными Плехановым и его сторонниками на съезде РСДРП в 1903 г., разогнать русский парламент через две недели, если состав его будет не соответствовать интересам Социал-Демократической Партии, или, напротив, сделать его бессрочным, если состав его будет этим интересам соответствовать, лишить буржуазию избирательных прав, ограничить свободу слова, не считаться с неприкосновенностью личности…»

Не надо быть особенно прозорливым, чтобы узреть под анонимными словами «его сторонников» истинных руководителей Октября, одним махом решивших проблему Учредительного собрания и прочих «мелочей»: свободы слова, свободы личности и т.д. Резюме о встрече с Плехановым и Лениным следующее: «Злость сильна, и на этот раз победа осталась за "искровцами", несмотря на гадость Плеханова»[10].

И еще одна деталь. Думаю, она касается больше Ленина, чем царя: «Будь на месте Николая II человек с такими способностями и с такой могучей волей, какие были у Петра I, русская история конца XIX и начала XX века была бы несколько иной, чем мы ее теперь знаем. Совершенно отрицать роль личности в истории для тех, кому интересно общественное творчество Ленина, невозможно. И надо помнить, что в социологии, как в математике, приходится считаться с величинами не только положительными, но и отрицательными»[11].

Среди причин возвышения Ленина следует отметить его несомненную «харизму». Обратимся к ранним воспоминаниям одного из первых соратников вождя, затем исчезнувшего в «никуда» (к счастью, он умер в своей постели). По его словам, он рано отошел от революционной деятельности

9. Поссе В. Воспоминания (1905–1917). – Пг.: Мысль, 1923. – С. 90–91.
10. Там же. – С. 90–91, 93.
11. Там же. – С. 22–23.

и потому со временем перестал существовать для Ленина. Речь идет об экономисте Михаиле Александровиче Сильвине (1874–1955). «Остановлюсь на некоторых личных свойствах Владимира Ильича. Как я уже сказал, мы единогласно, бесспорно и молчаливо признали его нашим лидером, нашей главой; это его главенство основывалось не только на его подавляющем авторитете как теоретика, на его огромных знаниях, необычной трудоспособности, на его умственном превосходстве – он имел для нас и огромный моральный авторитет… он импонировал нам также моральным величием. Нам казалось, [что] он был совершенен, свободен от тех мелких слабостей, которые можно найти в каждом»[12].

В качестве примера его «харизмы» приводится встреча в Риге с латышскими социал-демократами, которые с предубеждением относились к россиянам. В течение трех дней общения с ними Владимир Ильич полностью очаровал латышей.

«Здесь еще раз убедился я, насколько этот человек был одарен способностью увлекать сердца, внушать к себе беспредельное доверие, наполнить чувством беззаветной преданности единой цели – всё это я не раз имел случай наблюдать и в отношении целых групп и отдельных лиц.

Бывали случаи, что человек достаточно зрелый, независимый в своем образе мыслей, в своих суждениях, образованный и опытный, которого никак нельзя упрекнуть в недостатке самостоятельности, после нескольких недель общения с Владимиром Ильичом совершенно подпадал под влияние его железной воли, его сильного ума...

В личных отношениях В.И. был обаятельный человек с большой выдержкой, деликатный, терпеливый к собеседнику – не всегда интересному, очень гостеприимный.

[Я] знал его позже в Сибири, во время ссылки, я видел его затем в эмиграции; и знаю, что, когда этот человек имел дело с теми, кого он считал врагами своей идеи, а стало быть, и своими личными, он был беспощаден. На мои сомнения в некоторых случаях, и с той насмешкой, которая часто смотрела из его глаз, замечал мне: “Революция – не игра в бирюльки”… “Для того чтобы она победила, нужно сосредоточить на ней всё внимание, всю свою энергию, все свои силы и всю волю, сосредоточить, отбрасывая всё лишнее, всё не идущее к цели”. И эти, как иногда говорят, односторонность и исключительность, нетерпимость и беспощадность были ему свойственны».

Ссылаясь на слова самого Ильича, Сильвин напоминает, что «будущий вождь мирового пролетариата был исключен из Казанского университета,

12. Сильвин М.А. К биографии В.И. Ленина. Из воспоминаний // Пролетарская революция. – М., 1924. – № 7 (30). – С. 77.

несмотря на то что в студенческих беспорядках не играл “никакой заметной роли”. Но для власть имущих фамилия Ульянов была одиозной с 1887 г. – года попытки покушения Александра Ульянова и его сотоварищей на императора»[13].

Илья Лохматый (партийный псевдоним Ильи Эренбурга) был знаком с Лениным. Они встречались в эмигрантском Париже. Эренбург об этом рассказывает в своих воспоминаниях. Встречались большевики в кафе «д’Орлеан». На втором этаже была небольшая зала, заполненная людьми, человек 30. Эренбург глядел только на Ленина. Шел 1909 год... Одет Ленин был в темный костюм, со стоячим накрахмаленным воротничком – выглядел корректно, по-видимому, как средний буржуа. Молодой Илья попросил слова и высказал возражение по обсуждаемой теме. Ленин ответил мягко, не обругал (обычно в полемике он был несдержан), а разъяснил его неправоту. Молодой человек заинтересовал Первого большевика. Он подошел к Илье и расспросил его о московских делах. Илья Лохматый к этому времени побывал в большевистской организации со своим однокашником по Первой московской гимназии Бухариным, был арестован, а теперь эмигрировал. Ленин пригласил «мальчишку» к себе на улицу Бонье. Тот испытывал робость перед сильной личностью. Открыла дверь Крупская, «сам» работал у письменного стола, чуть щуря глаза. Эренбург подробно рассказал о провале московской ученической организации, о положении в Полтаве. Вождь внимательно слушал.

Выяснилось, что Эренбург помнил адреса, по которым можно было рассылать газеты. Надежда Константиновна всё записала. Настало время обеда, и Илья хотел раскланяться, но не тут-то было: его гостеприимно накормили. Поразил Илью порядок на столе Ленина: он этого никогда не видел среди своих друзей. И еще: «Меня поразила его голова. Я вспомнил об этом пятнадцать лет спустя, когда увидел Ленина в гробу. Я долго глядел на этот изумительный череп: он заставлял думать не об анатомии, но об архитектуре»[14].

По воспоминаниям Эренбурга, сходными с воспоминаниями других, В.И. Ленин говорил спокойно, без пафоса, без красноречия, слегка картавя, иногда усмехался. Его речи похожи на спираль, для разъяснения и убеждения собеседника он возвращался и повторял. Эренбург подчеркивает простоту жизни вождя, демократичность и участие в судьбе товарищей – черты, свойственные большим людям. В конце рассуждений о Ленине Эренбург приходит к выводу, что Ленину чужд культ личности.

В эмиграции с Лениным встретился очень интересный человек, в будущем сильный шахматный мастер А.Ф. Ильин-Женевский, победитель Капаб-

13. Сильвин М.А. К биографии В.И. Ленина. Из воспоминаний // Пролетарская революция. – М., 1924. – № 7 (30). – С. 66, 73–74, 80.

14. Эренбург И. Люди, годы, жизнь. – М.: Советский писатель, 1990. – Т. 1. – С. 96.

ланки, брат Ф.Ф. Раскольникова. Произошло это в весенний день 1914 г. Александр Фёдорович был совсем юным гимназистом, только что исключенным из гимназии Витмера и заканчивающим учебу в Швейцарии на деньги некоего благотворителя. Встреча состоялась в Женеве, куда Ленин приехал всего на один день с лекцией. Остановился он на квартире своего старого друга Вячеслава Алексеевича Карпинского. Как вспоминает Ильин, он увидел низенького, коренастого человека и в памяти всплыл облик Сократа. Растерянно протянув руку «Ильичу» для приветствия, он почувствовал в свою очередь широкое и крепкое рукопожатие. Лицо вождя расплылось в приветливой и ясной улыбке.

Молодой Саша Ильин отвечал на вопросы Ленина по поводу ареста их юношеской организации. Жена хозяина – «товарищ Ольга», она же Софья Наумовна Равич, (первая жена Г.Е. Зиновьева) пригласила всех к столу. Разговор перешел на сугубо личную тему – Ленин беспокоился о состоянии здоровья своей жены: у Надежды Константиновны была базедова болезнь. Предлагалось два пути решения проблемы: опасная операция или консервативный способ лечения. «С какой заботливостью и тревогой говорил Владимир Ильич о здоровье своей неразлучной и верной подруги». Революционер, решительно расправившийся «операционным» путем со старой Россией, в личной жизни оказался консерватором: семья Ульяновых не решилась на операцию.

Неожиданно Ленин обратил внимание, что юноша не ест мяса, и Равич быстро приготовила для него яичницу. Александр был вегетарианцем и со свойственной юности горячностью стал защищать «безубойный» способ питания. (Это было время всеобщего увлечения толстовством.) Ленин развеселился: «Ого, – сказал он, хитро улыбаясь и подмигивая Карпинским, – этак, вы, пожалуй, произведете новый раскол в партии и организуете новую фракцию большевиков-вегетарианцев». Так смеясь и пикируясь, они перешли в библиотеку, где был приготовлен послеобеденный чай[15].

Тему для доклада Ленин выбрал вызывающую для космополитической среды эмигрантов, живущих в Женеве: «Национальный вопрос». По словам Ильина, различные эмигрантские национальные социалистические группировки считали преступлением всякий последовательный интернационализм. Аудитория пришла огромная: яблоку негде было упасть. Все ожидали полемики. Ленина встретили весьма прохладно, исключая кучку большевиков.

Как оратор Ленин глубоко поразил Ильина, хотя, казалось бы, его нельзя было назвать блестящим оратором. Он не обладал такими артистическими данными, как, например, местная достопримечательность – итальянский

15. Ильин-Женевский А.Ф. Один день с Лениным: Из воспоминаний «витемеровца». – Л.–М., 1925. – С. 11.

анархист Бертони. Тот отличался внешностью актера-трагика, бархатным голосом и прочими атрибутами, необходимыми, чтобы обворожить женскую часть публики.

Ленин был его антиподом. Невзрачная внешность, несколько хрипловатый голос и «привычка часто причмокивать в конце фраз» – этим не покоришь зрителя. Но Ильин поймал себя на мысли, что он, слушая оратора, как бы читает книгу. «Удивительная стройность мыслей, строгая последовательность изложения и неумолимая логичность сделали то, что вся это большая и в большинстве чуждая нам аудитория, не двигаясь и почти не дыша, как зачарованная, прослушала до конца лекцию Владимира Ильича». Когда он окончил говорить, большая часть зала аплодировала ему. Но настоящее мастерство проявилось во время полемики. Он разделался с ними быстро – «это был не бой, а избиение младенцев!». Враги повержены, собрание закончено, и дружные аплодисменты сопутствовали победе логики полемиста.

Карпинские и Ильин провожают Ленина до поезда.

Последняя реплика Ильича из окна вагона:

«– Советую вам перестать быть вегетарианцем!

– Советую вам сделаться вегетарианцем! – с юношеским задором отвечаю ему я. Ленин смеется…»

Юноша запомнился Ленину, и он неоднократно справлялся у Карпинских о его житье-бытье, приглашал на отдых в Краков, но этому помешала война. А после приезда Ленина в Петроград они коротко встретились снова. Вождь не узнал его: загорелый, запыленный, в офицерских погонах – он не был похож на довоенного юнца. Ильин напомнил о себе:

«– Мы с вами видели в Женеве». Я – «витмеровец»…

«– А, вегетарианец! – воскликнул он, и веселая ласковая улыбка озарила его лицо. По-видимому, это обстоятельство всего сильнее врезалось ему в память. Милый, добрый Ильич!»[16].

16. Ильин-Женевский А.Ф. Один день с Лениным: Из воспоминаний «витемеровца». – Л.–М., 1925. – С. 18, 19.

Следует добавить несколько слов в адрес А.Ф. Ильина-Женевского (1894–1941). Во время Октябрьского переворота он вывел на «Штурм Зимнего» химический батальон. Фраза «милый, добрый Ильич» – неслучайная. Ф.П. Богатырчук, профессор – рентгенолог и чемпион СССР по шахматам 1927 г., а впоследствии – власовец, писал об Ильине-Женевском, как об одном из немногих известных ему коммунистов, «искренне веривших в величие своего пророка Ленина. С ним можно было даже спорить на скользкие темы и высказывать мысли, не боясь, что он донесет… У этого коммуниста было действительно человеческое лицо, но таких, как он – раз, два и обчёлся». (Богатырчук Ф.П. Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту. – Сан-Франциско, 1978. – С. 79.)

Здесь уместно и мнение графа П.Н. Зубова об ораторском искусстве Ленина: «Его ораторское дарование было удивительно: каждое его слово падало, как удар молота, и проникало в черепа. Никакой погони за прикрасами, ни малейшей страстности в голосе; именно это было убедительно. Позже я имел случай сравнить способ его речи с Муссолини и Гитлером. Последний сразу начинал с истерического крика и оставался все время на этой форсированной ноте, не имея дальнейшего подъема; я никогда не мог понять, как этот человек мог влиять на слушателей, разве что они все были истериками. Прекрасноречие Муссолини могло действовать на настроение итальянцев, но по сравнению с ленинским оно не было таким же понятным. Лишь единственный европейский оратор мог сравниться с Лениным – это Черчилль»[17].

К этому можно добавить свидетельство московского обывателя Н.П. Окунева, который в годы 1914–1923 вел дневник. Для историка этого времени он необыкновенно интересен важнейшими деталями быта: ценами на хлеб, сахар, рыбу, мясо, на услуги парикмахерской, баню, на одежду и обувь. В записи от 17 и 30 апреля 1918 г. читаем следующее: «Ленин всё пишет, всё говорит… Энергия этого человека действительно выдающаяся, и оратор он, как Троцкий, – безусловно, замечательный. На их выступления идут уже не одни серые большевики, пошла и “пестрая публика”. Залы выступления буквально ломятся от жаждущих послушать их. Ни кадетам, ни Керенскому такого длительного и бесспорного успеха не давалось. И говорят ведь, в сущности, вещи довольно неутешительные, не хвалятся своими успехами, а вот, подите, каких оваций удостаиваются! Куда тут Шаляпин!»[18].

Интересно это признание человека, относящегося отрицательно к большевизму. Автор дневника дает такую характеристику главным деятелям революции: «Все-таки надо признать, что наши настоящие властители Ленин и Троцкий – люди недюжинные. Идут к своей цели напролом, не пренебрегая никакими средствами. Если это и нахалы, то не рядовые, а своего рода гении. Керенский перед ними мелок. Он может умереть, про него лучше того, что писали весной и летом, – уже не напишут»[19].

По воспоминаниям Н.К. Крупской, во время болезни вождя она читала ему «Хулио Хуренито». Книга только что (1921) вышла в издательстве «Геликон» в Берлине. Крупская писала: «Из современных вещей, помню, Ильичу понравился роман Эренбурга, описывающий войну: “Это знаешь, – Илья Лохматый (кличка Эренбурга), – торжествующе рассказывал он. – Хорошо у него вышло”». Эта оценка потрясающа – ибо в «Хулио Хуренито» достается

17. Зубов В.П. Страдные годы России: Воспоминания о Революции [1917–1925]. – München, 1968. – С. 76.

18. Окунев Н.П. Дневник москвича 1917–1920. – М., 1997. – С. 174.

19. Там же. – С. 111.

не только новой власти, но и самому вождю. (Ясно, что в девятитомном советском собрании сочинений Эренбурга двадцать седьмая глава о Ленине выпущена.) Чего стоит само название выпущенной главы «Великий инквизитор вне легенды?» Эренбург вспоминает о своих товарищах, ныне занимающих крупные посты. Автор боится их. Почему? Его ответ: «…Не то чтоб я верил очаровательным легендам досужих жён бывших товарищей прокуроров, кои изображали большевистских главарей чем-то средним между Джеком Потрошителем и апокалипсической саранчой. Нет, я просто боялся людей, которые что-то могут сделать не только с собой, но и с другими. Этот страх перед властью я испытывал всегда… В последние же годы, увидев ряд своих приятелей, собутыльников, однокашников в роли министров, комиссаров и прочих "могущих", я понял, что страх мой вызывается не лицами, но чем-то посторонним, точнее: шапкой Мономаха, портфелем, крохотным мандатиком. Кто его знает, что он, собственно, захочет, во всяком случае (это уже безусловно), захотев – сможет»[20]. Отдадим должное объективности вождя, не обидевшегося на эти страницы. Причина, думается, в том, что Ульянов прекрасно знал действительность и искренне верил: иначе в России – нельзя.

Говоря об увековечивании Ленина, припомним фразу Троцкого из автобиографии: «Отношение к Ленину как к революционному вождю было подменено отношением к нему, как к главе церковной иерархии. На Красной площади был воздвигнут, при моих протестах, недостойный и оскорбительный для революционного сознания, мавзолей… Набальзамированным трупом сражались против живого Ленина и против Троцкого»[21].

И еще одно свидетельство. Будущим диктатором называл Ленина посол Франции в России Морис Палеолог. 21 апреля 1917 г., на пятый день после появления лидера большевизма на Финляндском вокзале, посол записал в дневнике: «Утопист и фанатик, пророк и метафизик, чуждый представлению о невозможном и абсурдном, недоступный никакому чувству справедливости и жалости, жесткий и коварный, безумно гордый, Ленин отдает на службу своим мессианским мечтам смелую и холодную волю, неутомимую логику, необыкновенную силу убеждения и уменье повелевать… Субъект тем более опасен, что говорят, он целомудрен, умерен, аскет. В нем есть, как я представляю, черты Савонаролы, Бланки и Бакунина»[22].

20. Эренбург И. Хулио Хуренито // Аврора. – Л., 1988. – № 10. – С. 37.
21. Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. – Берлин, 1930. – Т. II. – С. 259.
22. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. – М., 1991. – С. 306.

М.И. Воейков, Г.В. Анисимова

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: РОССИЙСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ

Воейков Михаил Илларионович – доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Института экономики РАН.

Анисимова Галина Владимировна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Советское равенство и постсоветское неравенство

В современной научной литературе отмечается, что за последние 30 лет во многих странах мира сформировалась устойчивая тенденция роста социально-экономического неравенства [7; 8; 10; 15; 16; 18]. Причем растущее неравенство в области заработной платы и доходов происходит независимо от уровней национального дохода и сокращения масштабов крайней нищеты. Об этом свидетельствуют исследования международных организаций [2]. С начала 1990-х годов примерно две трети стран испытали существенный рост доходного неравенства. В среднем разрыв в доходах между 10% самых высокооплачиваемых семей и 10% самых низкооплачиваемых увеличился на 70%. Причем доходы богатых семей росли быстрее, чем доходы среднего класса и малообеспеченных групп.

За последние 20 лет в большинстве стран (в 51 из 73 стран, по которым у Международной организации труда имеются данные статистики) произошло существенное изменение в распределении доходов от труда к капиталу – доля заработной платы в общем объеме доходов снизилась. Наибольшее снижение доли заработной платы в ВВП произошло в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна (на 13%); за ними следуют страны Азии и Тихого океана (на 10%) и промышленно развитые страны (на 9%). В результате, по сравнению с предыдущими периодами, работники в мень-

шей степени смогли воспользоваться преимуществами экономического роста [20, p. 1].

Углубление экономического неравенства характерно и для современной России. Более того, неравенство в российском обществе чрезмерно, особенно на фоне ведущих европейских стран. В советский период официальная идеология провозглашала тезис о социальной однородности и равенстве всех членов социалистического общества. И примерно с 1970-х годов началось планомерное уменьшение дифференциации в уровне жизни советских людей и прежде всего – снижение дифференциации по зарплате.

Статистические данные показывают весьма незначительное расслоение советского общества по уровню доходов. За период с 1950 по 1985 г. на фоне устойчивой тенденции роста среднемесячной заработной платы (у работников промышленности она возросла с 70,8 до 210,6 руб., т.е. прирост составил почти 200%) произошло значительное сокращение численности низкооплачиваемых работников. Если в 1956 г. заработки менее 80 руб. получала основная часть работающего населения (70,3%), то спустя 30 лет – менее 5%, и таким образом численность малообеспеченных работников сократилась почти в 15 раз. Еще интенсивнее возросла доля высокооплачиваемых работников (в 23 раза) [19, с. 146]. Основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов. Отчетливо складывались тенденции развития социального государства и формирования массового среднего класса. Советское государство вполне можно было назвать социальным, ибо подоходная дифференциация населения была весьма незначительной. Децильный коэффициент (который рассчитывается как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в Скандинавских странах.

Вместе с тем темпы роста заработной платы различных категорий работников были неодинаковы. Более быстрыми темпами возрастала зарплата промышленно-производственных рабочих. Заработная плата ИТР и служащих увеличивалась медленнее, что привело к значительному сближению уровней оплаты труда инженеров и рабочих. Так, если в 1940-е годы зарплата ИТР была выше заработка рабочего более чем на 100%, то в середине 1980-х годов – всего на 10,2%. Таким образом, социальное государство стало перерастать в уравнительное [13, с. 40–41]. К концу советского периода дифференциация по зарплате настолько снизилась, что некоторые специалисты заговорили об опасных тенденциях уравниловки.

Так, известный советский специалист по проблемам дифференциации зарплаты Н.Е. Рабкина, давая профессиональный анализ причин неуспеха экономических реформ 1990-х годов, вполне справедливо отмечала тенденцию к уравниловке в оплате труда. Эта «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы стала проводиться Гос-

комтрудом с конца 1950-х годов и «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 1960-х годов экономика страны была еще «на краю воронки» и можно было вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено, и события вышли из-под контроля» [11, с. 151].

В конце XX в., когда разрушалась советская система, многие граждане полагали, что приходит пора справедливости. Будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей почти уравнительной системе. Однако, как показала практика, прошедшие 25 лет экономических преобразований не создали общество социальной справедливости, скорее наоборот. С 1990-х годов в России появилась четко выраженная тенденция устойчивого роста подоходной дифференциации населения.

Коэффициент фондов позволяет наиболее четко оценить состояние доходов групп населения, находящихся на краях распределения – бедных и богатых. Как показывает его динамика, соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% или 20% населения с самыми высокими доходами и 10% или 20% населения с самыми низкими доходами стремительно увеличивается (см. рис. 1). За период 1992–2015 гг. значение коэффициента фондов выросло почти в 2 раза. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2016 г. – уже более чем в 15,6 раз.

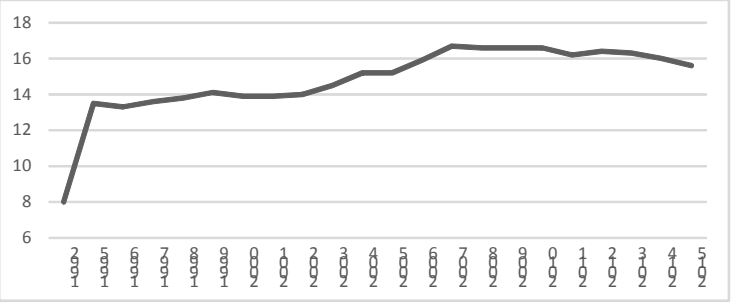

Рис. 1. Динамика коэффициента фондов

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Госкомстат России, 2002. – С. 130. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#). (Дата обновления: 11.05.2016.)

В современной России чрезмерное неравенство населения по материальному уровню благосостояния является одной из главных социальных проблем. Согласно принятой в мировой практике оценке, если соотношение доходов наиболее и наименее обеспеченных групп населения превышает 10:1, то страна находится в зоне социальной нестабильности [1, с. 61]. Таким образом, в настоящее время в России речь идет не столько о дифференциации доходов, сколько о переходе ее в крайние, особо опасные формы социально-экономического неравенства.

Отметим, что анализируемая динамика показателей дифференциации доходов исчислена на основе данных официальной российской статистики, что приводит официально рассчитываемый коэффициент фондов к существенному занижению (не менее чем в 2 раза) реальной дифференциации доходов населения по нескольким причинам:

– коэффициент фондов рассчитывается по информации бюджетной статистики. А любое обследование домашних хозяйств включает не все слои населения (военнослужащих срочной службы, находящихся в местах заключения, маргинальные слои населения). Так, доля последних, по оценкам социологов, сегодня достигает 7–10% населения. В сеть обследования не попадают доходы сверхбогатых (примерно 5%). В целом бюджетная статистика описывает уровень жизни 80–85% населения страны;

– при расчете коэффициента фондов учитывается лишь величина официально зарегистрированных доходов, без учета теневых выплат (по различным оценкам, около 30–40% финансовых средств), сосредоточенных в основном в руках наиболее обеспеченных слоев населения.

Тем не менее, опираясь только на официально публикуемые данные, можно сделать вывод о существенном социально-экономическом расслоении российского общества. Постсоветский период характеризуется ростом концентрации доходов в руках богатых. Об этом свидетельствует динамика коэффициента Джини. В России за период 1992–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,289 до 0,412. Наиболее богатые 20% населения концентрируют почти половину доходов всего общества.

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества являются наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ, так как «две России» различаются не только уровнем материальной обеспеченности, но у них появляются разные системы ценностей и приоритетов, разные предпочтения и потребительский спрос. Для них характерны разные мотивации и стереотипы общественного поведения.

Все это хорошо видно на процессах внутрикорпоративного неравенства. Например, доходы топ-менеджеров и средняя заработная плата в типичной корпорации во Франции отличаются в 5–6 раз, в Японии – в 8–9 раз, в США – в 20–25 раз. По некоторым данным, в США (2004) разница между вознагра-

дением генеральных директоров корпораций и средней заработной платы рабочего составила 392 раза. «Мы видим, – пишет американский исследователь этого вопроса Д. Богл, – как вознаграждения генеральных директоров за успешную работу стали доходить до 92, 125, 151 и даже – хотите верьте, хотите нет – 872 млн долл. На одного человека в год!» [3, с. 61]. Российские корпорации, конечно, отстают от американских, но не намного. На российских предприятиях дифференциация доходов также может достигать сотен раз. Например, исследование более 20 крупных холдинговых компаний разных отраслей экономики показало, что в 2003 г. в их центральных управляющих компаниях наемные управленцы первого уровня в среднем зарабатывали 1 029 000 долл. в год (включая оклады и бонусы), а менеджеры второго уровня – 297 000 долл. В тот же период средняя заработная плата по промышленности составляла 6626,5 руб. в месяц, или примерно 2840 долл. в год. Если предположить, что в исследованных компаниях заработки соответствуют этой общероссийской величине, то можно заключить, что доходы топ-менеджеров первого и второго уровней и средняя оплата труда различались примерно в 360 и 104 раза соответственно [6; 13]. Сегодня доходы самого верхнего слоя топ-менеджеров даже госкорпораций стали предметом пристального внимания не только федеральных СМИ, но и правоохранительных органов.

Чрезмерное социально-экономическое неравенство раскалывает страну на несколько частей, которые перестают понимать друг друга. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высоко обеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет и выживает большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

В среде специалистов существует точка зрения, что усиление социально-экономического неравенства сдерживает экономический рост [7; 17]. Однако эмпирически вывести зависимость неравенства и экономического роста очень трудно. Об этом, например, свидетельствуют примеры, взятые из российской практики. На рисунке 2 отражена динамика ВВП (в процентах к предыдущему году) и коэффициента Джини, характеризующего степень социально-экономического расслоения населения в России за последние годы.

С 1999 г., как показывают данные официальной статистики, начался устойчивый экономический рост. В 2007 г. Россия достигла объема ВВП уровня докризисного 1989 г. За период 1999–2008 гг. ВВП вырос почти на 70%, объем промышленной продукции – на 60, а сельскохозяйственной – увеличился на 49%. В условиях улучшения экономической ситуации можно было бы ожидать и сглаживания социально-экономического неравенства. Но действительность свидетельствует об обратном. На фоне начавшегося

в 1999 г. экономического роста степень социального расслоения продолжала расти. За период 2000–2015 гг. коэффициент Джини вырос с 0,395 до 0,412.

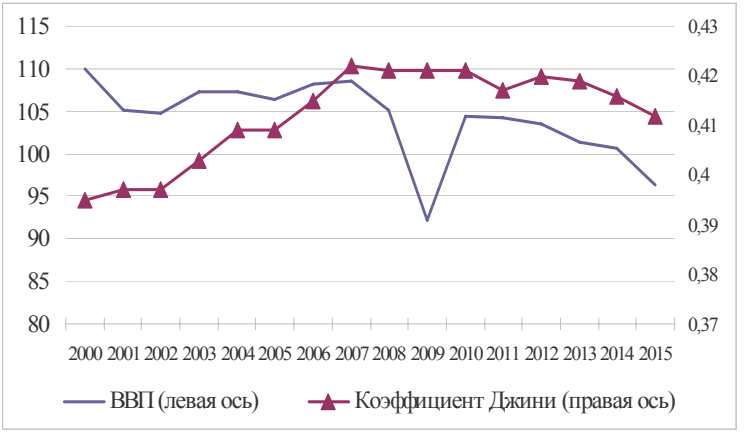

Рис. 2. Динамика темпов роста ВВП и коэффициента Джини

Источник: Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году). – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/vvp/vvp-god/tab3.htm (Дата обновления: 04.04.2016); Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (Дата обновления: 11.05.2016.)

Таким образом, на протяжении всего периода более или менее устойчивого экономического роста (1999–2008) в России, несмотря на позитивную динамику доходов бюджета и растущие возможности проведения активной государственной политики, наблюдалась ярко выраженная тенденция роста социально-экономического неравенства. Более того, в период кризиса и существенного сокращения реального объема ВВП в 2007–2009 гг. в России также имел место рост неравенства. Именно в этот период коэффициент фондов по дифференциации доходов достиг своего наивысшего значения (16,7–16,6 раз). На рисунке 2 хорошо видно, что за последние 15 лет в России кривая экономического роста в целом не соответствует кривой неравенства за некоторым исключением.

Сопоставление экономического роста и роста неравенства в современной России означает, что плоды экономического успеха, когда он есть, достаются у нас исключительно верхушке общества. И рост неравенства в кризисные годы

при отсутствии собственно экономического роста означает, что расплачиваться за кризис пришлось в основном средним и малодоходным слоям населения. Это вызвано в первую очередь диспропорциями в оплате труда по видам экономической деятельности, регионам, типам предприятий, ослаблению системы трудовых стимулов, низкой эффективности действующих механизмов регулирования подоходной дифференциации. Экономическое неравенство характерно для всех срезов российской экономики, территорий и видов хозяйственной деятельности по уровню доходов, потребления и сбережений населения. Поэтому можно утверждать, что в данном случае статистические данные показывают, что экономический рост порождает экономическое неравенство.

Неравенство, сбережения и инвестиции

Если рассматривать взаимосвязь экономического неравенства, инвестиций и сбережений, то, следуя логике либерального подхода в России, должна была бы наблюдаться тенденция к их росту. Однако, как видно на рисунке 3, устойчивая тенденция роста характерна только для коэффициента Джини. Рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения и инвестиций. Особенно настораживает тенденции сокращения темпов роста инвестиций в машины и оборудование. Неслучайно, столь велика степень износа основных фондов (2005 г. – 45,3%, 2014 г. – 49,4%), которая неуклонно возрастает [12, с. 68].

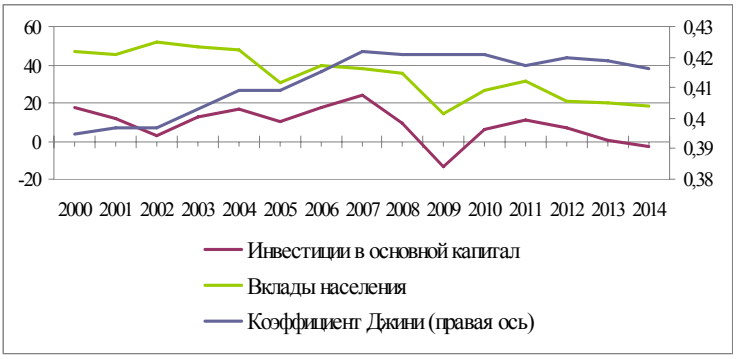

Рис. 3. Динамика инвестиций, сбережений и неравенства

Источник: Динамика инвестиций в основной капитал в Российской Федерации (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/enterprise/investment/nonfinancial/#; Структура использования денежных доходов (динамика) (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#).

В России также наблюдается высокий уровень неравенства и по возможности формирования запаса денежных средств (табл. 1).

Таблица 1

ДИНАМИКА ПРИРОСТА СБЕРЕЖЕНИЙ

	Прирост сбережений	
	2011 г.	*2014 г.*
Все домашние хозяйства, %	100	100
в том числе по 20%-ным группам обследуемого населения:		
первая (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	3,5	2,9
вторая	7,3	6,1
третья	12,8	10,8
четвертая	22,6	24,8
пятая (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	53,8	55,4
Коэффициент фондов по приросту сбережений, в разах	27	33
Коэффициент фондов по доходам	16,2	16

Источник: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2012. – С. 152; Социальное положение и уровень жизни населения России. – М.: Росстат, 2015. – С. 188.

Как видим, коэффициент дифференциации прироста сбережений (коэффициент фондов) даже существенно (в 2011 г. 1,6 раза, а в 2014 г. уже более чем в 2 раза) превышает уровень дифференциации населения по доходам. Сбережения в существенном размере оказываются только у высокодоходной группы населения. При этом инвестиции в экономику (в основной капитал) остаются минимальными. Даже в самом благополучном по данному показателю 2007 г. инвестиции составили примерно 20% к ВВП, а в последнем году советского периода (1990) этот показатель составлял примерно 38%.

Необоснованное неравенство уровней доходов населения в России является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост, который тесно связан с величиной потребительского спроса населения. При проведении экономических реформ в России не учитывается позитивный зарубежный опыт использования сбережений населения. Именно сбережения населения во многих промышленно развитых странах являются одним из основных источников финансирования долгосрочных инвестиций. В России лишь малая часть населения обладает крупными неиспользуемыми сбережениями. Основная же часть – зачастую не только не имеет сбережений, но и вынуждена себе во многом отказывать. Как показывают данные официальной статистики, на долю 20% наиболее обеспеченных граждан приходится почти 50% денежных доходов, а на долю 20% наименее обеспеченных – практически в 10 раз меньше. Это порождает фрагментацию социальной структуры общества на множество всё более автономных и изолированных друг от друга

слоев и групп, подрыв общественной солидарности, а в конечном счете – выдавливание отдельных категорий населения из социальной жизни.

Неравенство доходов в значительной степени детерминирует объем и структуру потребительского спроса. Чем выше неравенство, тем ниже совокупный потребительский спрос при одних и тех же доходах населения. Это объясняется тем, что, чем выше неравенство, тем бóльшая доля населения вынуждена снижать свои расходы по отношению к своим потребностям, и тем больше часть населения, которая, достигнув определенного уровня насыщения потребления, переключает свои денежные ресурсы отчасти на потребление эксклюзивных товаров и услуг, а в основном – на сбережения. Такой механизм сильнее всего действует на совокупный спрос на отечественные товары, резко снижая его. На этом фоне следует отметить сохранение спроса на продукцию российского сельского хозяйства и пищевой промышленности. Это, с одной стороны, обусловлено тем, что расходы населения на продукты питания дифференцированы значительно меньше, чем расходы на непродовольственные товары, с другой – нередко низким качеством импортируемой сельскохозяйственной продукции. В условиях политики импортозамещения на продукты питания увеличение потребительского спроса в этом сегменте внутреннего рынка может повлиять в определенной мере на увеличение экономического роста.

Экономический рост при нарастающем социально-экономическом неравенстве не способен привести к качественным изменениям, принципиально не решая проблему бедности и повышения благосостояния всего общества. Большинство населения России получают слишком низкие доходы по сравнению с величиной прожиточного минимума, из-за чего их человеческий и трудовой потенциал используется неэффективно. По оценкам специалистов, уровень бедности населения за весь период реформ как минимум превышает 20%. Как показывают данные официальной статистики за 2013–2015 гг., численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума увеличилась. Если в 2013 г. в России насчитывалось 15,5 млн человек с доходами ниже прожиточного минимума, то в 2015 г. их число составило около 20 млн. Причем, бедными стали большие слои именно работающих. Иными словами, трудящийся класс сегодня не имеет нормальной, достойной этого названия зарплаты. Вот эти «новые бедные» или «работающие бедняки» есть свидетельство нежизнеспособности общества, невозможности воспроизводства трудового потенциала. Имеются расчеты, согласно которым численность малообеспеченных работников сегодня в стране превышает треть занятых. Тогда как зарплата начинает выполнять свою гарантийную функцию воспроизводства рабочей силы, если численность малообеспеченных работников не превышает 7%. В 1989 г. зарплату меньше прожиточного минимума получали 8% рабочих и служащих [17, с. 115], и мы

имели коэффициент рождаемости 14,6 на 1 тыс. человек, а смертности – 10,7[1] (наблюдался естественный прирост населения). С 1992 г. смертность стала превышать рождаемость, и Россия вступила в полосу сокращения численности населения. Этот процесс остановился лишь в 2013 г. Сегодня естественный прирост населения фактически нулевой (составляет всего 0,3 на 1 тыс. человек).

Неравенство материального положения влечет за собой *неравенство жизненного уровня и состояния здоровья*, дискриминацию при получении образования и медицинского обслуживания. Известно, что состояние здоровья во многом зависит от возможности качественного питания, т.е. прежде всего от уровня доходов. Эту зависимость подтверждают и результаты обследования, проведенного при участии Минздравсоцразвития России, Росспорта, Института социальных исследований в 24 субъектах Российской Федерации (табл. 2). Люди с высокими доходами не испытывают проблем и с высококачественным медицинским обслуживанием, и с покупкой любых лекарств, и с расходами на отдых.

Таблица 2

ЗАБОЛЕВАЕМОСТЬ В ГРУППАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ (в %)

Заболевания	*Уровень доходов*			*Всего*
	высокий	*средний*	*низкий*	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и / или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и / или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения». – М.: Росстат, 2009. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (Дата обращения: 05.04.2016.)

1. Рождаемость, смертность и естественный прирост URL: // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Обновлено: 26.05.2016.)

Как свидетельствуют данные социологических опросов, в группе респондентов с низким уровнем доходов практически каждый второй опрошенный указал на наличие болезней опорно-двигательного аппарата и системы кровообращения, а в среднем восемь-девять респондентов из каждых десяти опрошенных страдают двумя заболеваниями. Данные опроса дают веские основания для вывода о том, что главным источником стрессов является социальная неустроенность. Например, в группе респондентов, имеющих низкие доходы, в 1,5–2 раза чаще, чем в высокодоходной группе, проявляется состояние острой психологической тревоги по поводу неясной перспективы существования, чувство одиночества, беспокойство, вызванное возможностью потери работы. Такое нервное состояние, сохраняющееся в течение многих лет, обусловливает широкое распространение аномии общества. Она выражается в противоречивости сознания и поведения многих людей, в том числе в отношении к своему здоровью как ценности и главному фактору, определяющему полноценность жизни. Чрезмерное социально-экономическое расслоение население, вызывая стрессы и депрессии, приводит к ухудшению здоровья, повышая уровень смертности у низкодоходных групп населения.

Очевидно, что проблема неравенства давно уже вышла за рамки чисто экономического фактора и приобрела серьезный социально-политический аспект. Господствующие в обществе представления о справедливости предопределяют уровень неравенства в распределении доходов, который признается обществом как норма. Поэтому формы и уровень неравенства оцениваются в обществе по критерию справедливости. Отклонение от этой нормы оказывает негативное влияние на экономическое развитие. «Неравенство ведет, – пишет Дж. Стиглиц, – к снижению совокупного спроса и ослаблению экономики в целом» [16, с. 28].

Экономическое неравенство воспроизводится в правовом неравенстве, которое, в свою очередь, влияет на экономические и социальные отношения. Рост неравенства усиливает властные позиции немногих и создает барьеры для большинства, т.е. противоречит демократии и способствует развитию авторитарных тенденций. Как показывают международные исследования, существует связь между неравенством и коррупцией, аналогичные связи наблюдаются и между неравенством и преступностью. Коррупция гораздо выше в неравном обществе, чем при более равномерно распределенных ресурсах [20; 22]. Неравное распределение доходов и богатства создает возможность для лиц с высокими доходами вмешиваться в политические процессы и демократическое управление. В частности, значительная концентрация богатства и доходов предоставляет богатым людям ресурсы, достаточные для дачи взятки высокопоставленным чиновникам и политикам. Неравенство увеличивает вероятность воздействия богатых домохозяйств на распределение государственных денег, лоббирования своих интересов.

Для компенсации неравномерности распределения доходов необходимо проведение эффективной государственной социально-экономической политики. А эта политика будет эффективной только в том случае, если она способствует преодолению необоснованного неравенства, которое является избыточным с точки зрения общественных интересов, т.е. оптимальная степень неравенства складывается под влиянием взаимодействия рыночных механизмов и социального регулирования государства.

Экономическая политика

Изменение сложившегося положения зависит от многих объективных и субъективных факторов, но главное определяется политикой, проводимой властью и бизнесом, прежде всего системой институтов, образованных для проведения этой политики. В странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, так как опасны все крайности в распределении доходов. Чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. Чрезмерно *высокое* неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства, – это страны низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

В этом отношении можно вспомнить позицию А. Маршалла. «С одной стороны, – писал он, – “равное распределение национального дохода” приведет лишь к разорению многих предпринимателей. К тому же в этом случае доходы народных масс “близко не поднимутся даже временно к уровню, предсказуемому социалистическими ожиданиями ‘Золотого века’. Однако, с другой стороны, нет никакой необходимости и потому морального оправдания для существования крайней нищеты бок о бок с огромным богатством.

Неравномерность богатства... – серьезный дефект в нашем экономическом устройстве. Любое уменьшение его, достигнутое средствами, которые не подрывают мотивов свободной инициативы и силы характера, было бы, по-видимому, явным общественным достижением» [9, с. 132–133].

В экономически развитых странах уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на смягчение экономического неравенства между различными доходными группами населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 3).

Таблица 3

ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НА УРОВЕНЬ НЕРАВЕНСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКИ РАЗВИТЫХ СТРАНАХ

	середина 1970-х годов	*середина 1980-х годов*	*начало 1990-х годов*	*середина 1990-х годов*	*начало 2000-х годов*	*середина 2000-х годов*	*конец 2000-х годов*
коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов							
США	0,406	0,436	0,450	0,477	0,476	0,486	0,486
Швеция	0,389	0,404	0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Канада	0,385	0,395	0,403	0,430	0,440	0,436	0,441
Великобритания	0,338	0,419	0,439	0,453	0,458	0,445	0,456
Нидерланды	0,426	0,473	0,474	0,484	0,424	0,426	0,426
коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Великобритания	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294

Источник: Составлено авторами по: Income Distribution and Poverty: by country – Inequality – OECD Stat. URL: // http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670 (Дата обращения: 16.04.2016.)

В большинстве стран в качестве механизма экономической политики, смягчающего дифференциацию личных доходов, применяют следующие средства:

– необлагаемый вычет из среднегодового заработка работающего (который соотносится с принятым минимальным уровнем заработной платы или с прожиточным минимумом);

– пропорциональное налогообложение с минимальной ставкой (10–30%), а в случае прогрессивного налогообложения – с максимальной ставкой налога (40–50% и более);

– прямые выплаты социально уязвимым слоям населения.

Основной путь экономической политики корректировки распределительных механизмов – это механизмы перераспределения доходов в системе «налогообложение – социальные льготы». Необходимым условием функционирования национальных систем распределения доходов считается применение прогрессивной шкалы налогов. Россия же с 2001 г. отказалась от такого подхода и практикует единую ставку налогов на личные доходы в размере 13%. Применение единого налога, по сути, представляет собой мультипликатор неравенства: доходы бедных уменьшаются, а доходы богатых увеличиваются.

В отличие от России в большинстве стран действуют прогрессивные шкалы налогообложения доходов физических лиц, а в ряде из них с минимальных доходов налоги не берутся (Швеция). В Бразилии и Индии минимальный налог ниже, чем в России (7,5–10%). В то же время наиболее состоятельные граждане платят высокие налоги. Особенно это касается Швеции (57%), Германии (45%) и США (35%)[2].

Когда высокие заработки облагаются прогрессивным налогом и налоговые поступления используются не для прямых трансфертов бедным, а для повышения низких зарплат, то при избыточном экономическом неравенстве государство может, используя такую политику, повысить общую продуктивность экономики.

Для разработки эффективной социальной политики необходимо использовать современный зарубежный опыт, а также отечественные научные теоретические и практические разработки, учитывающие российские реалии, в том числе определение оптимального уровня неравенства.

В мировой экономике накоплен определенный опыт именно такой экономической политики. Речь идет о социальном рыночном хозяйстве или социальном государстве, опыт которого характерен прежде всего для стран Северной Европы. Эти страны характеризуются сравнительно невысоким экономическим неравенством и устойчивым экономическим ростом.

Есть серьезный теоретический вопрос, который научное сообщество пока еще не решило и даже пытается как-то обойти. А это очень сложный вопрос: как совместить либеральную рыночную модель и социальное государство и можно ли их совмещать вообще? Как ни странно, но вполне можно утверждать, что социальная политика начинается с активизации промышленной политики. Решение отдельных социальных вопросов не решит проблем развития экономики страны, не предоставит всем людям нормальную работу с нормальной зарплатой. Чтобы удовлетворить потребности людей, чтобы дать им зарплату, надо прежде всего дать им работу. Именно практическое

2. Tax Rates Around the World 2016: [сайт]. URL: http://www.worldwide-tax.com/ (Дата обращения: 10.08.2016.)

решение социальных проблем, формирование социальной политики лежит в сфере промышленной политики [5].

Говоря о создании социального государства, нельзя обойти вниманием современные процессы капитализации страны, которые характеризуются существенным ростом социальной поляризации общества. Говорить только о рабочем классе в традиционном его понимании сегодня уже мало. Надо брать весь трудящийся класс, значительная часть которого составляет так называемый средний класс. Пока это разрозненные отряды наемных трудящихся, лишенных общей солидарности, общих политических интересов. Средний класс в постсоветской России демонстрирует отчетливую тенденцию к стабилизации своей числовой величины, которая, по некоторым оценкам, достигает 30% от всех занятых в экономике. Даже в годы последнего экономического кризиса (2008–2009), когда ВВП страны снизился на несколько процентных пунктов, динамика численности среднего класса, хотя и несколько снизилась, но в целом оставалась положительной [4]. Она в определенной степени коррелируется с кривой роста покупательной способности населения и кривой приобретения недвижимости, которые в кризисные годы несколько просели, но затем продолжали расти, хотя и меньшими темпами.

Именно средний класс или средние слои общества выступают наиболее активным актором на внутреннем рынке, именно от численности и экономического поведения среднего класса зависит потребительский спрос. Увеличение неравенства говорит о сжатии среднего класса, о сокращении потребительского спроса, что в конечном счете сказывается и на снижении темпов экономического роста.

Обоснование пределов неравенства доходов и экономических благ является одной из наиболее сложных и социально конфликтных проблем экономической науки. Согласно нашему предположению, уровень неравенства в доходах (зарплатах) должен соответствовать степени неоднородности труда, измеряемой его производительностью (продуктивностью) по различным видам деятельности и квалификациям. Минимальное неравенство, которое может оказаться существенно ниже уровня неоднородности труда, ведет к искусственной уравниловке, снижению трудовой мотивации, замедлению экономического роста. Чрезмерное неравенство, формируемое под влиянием негативных факторов дифференциации (финансовые спекуляции вместо инвестиций, провалы в социальной политике, безработица, инфляция и др.), может существенно превышать степень неоднородности труда. Факторы, определяющие оптимальный уровень неравенства, связаны с профессионально-квалификационными характеристиками труда (сложность, качество, условия, интенсивность труда). Оптимальный уровень неравенства стимулирует экономический рост, в то время как чрезмерное неравенство тормозит общест-

венный прогресс, а при определенных условиях, достигая критического значения, создает угрозу стабильности общества.

Литература

1. Абалкин Л. Проблемы современной России. – М.: ИЭ РАН, 2011. – 110 с.
2. Анисимова Г.В. (2013). Неравенство и экономический рост в глобализационной экономике // Экономика и предпринимательство. – № 2 (31). – С. 62–68.
3. Богл Д.К. Битва за душу капитализма. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 424 с.
4. Воейков М. Средний класс в динамике постсоветских трансформаций // Неравенство доходов и экономический рост: Стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 253–265.
5. Воейков М. Экономическая система и экономическая политика модернизации // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 12. – С. 8–19.
6. Воейков М.И., Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Природа, факторы и социальные аспекты внутрикорпоративного неравенства в России // Вестник РГНФ. – 2012. – № 3 (68). – С. 43–51.
7. Дитон А. Великий побег. Здоровье, богатство и истоки неравенства. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 368 с.
8. Дорлинг Д. Равенство. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2014. – 224 с.
9. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. III. – М.: Прогресс, 1984. – 351 с.
10. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 592 с.
11. Рабкина Н.Е. Избранные труды по макроэкономике. – М.: ООО «Эребус», 2000. – 416 с.
12. Россия в цифрах. – М.: Росстат, 2015. – С. 68.
13. Соболев Э.Н. Социально-трудовые отношения в России: История, современное состояние, перспективы. – М.: ИЭ РАН, 2008. – 279 с.
14. Соболев Э.Н., Анисимова Г.В. Неравенство распределения корпоративных доходов: Российская специфика, механизмы регулирования // Экономика и предпринимательство. – 2013. – № 12–4 (41–4). – С. 298–303.
15. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М.: Эксмо, 2015. – 512 с.
16. Стиглиц Дж. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? – М.: Эксмо, 2016. – 480 с.
17. Токсанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. – М.: Наука, 2006. – 259 с.
18. Трауб-Мерц Р. Неравенство и выход из экономического кризиса // Неравенство доходов и экономический рост: Стратегии выхода из кризиса / Под ред. А. Бузгалина, Р. Трауб-Мерца, М. Воейкова. – М.: Культурная революция, 2014. – С. 9–19.
19. Труд в СССР. Стат. сборник. – М.: Финансы и статистика, 1988. – С. 146.
20. Glaeser E., Scheinkmann J., Shleifer A. The Injustice of Inequality // Journal of Monetary Economics. – 2003. – Vol. 50. – N 1. – P. 199–222.
21. World of Work Report 2008: Income Inequalities in the Age of Financial Globalization. – Geneva: ILO, 2008. – 180 p.
22. You J., Khagram S. A comparative study of inequality and corruption // American Sociological Review. – 2005. – Vol. 70. – N 1. – P. 136–157.

Н.Ю. Ахапкин

РОССИЙСКИЙ РЫНОК ТРУДА В 2014–2016 гг.: УСТОЙЧИВОСТЬ БЕЗ РАЗВИТИЯ

Ахапкин Николай Юрьевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЭ РАН.

Волнообразное движение от подъема к спаду – естественная форма развития любого рынка. Но причины, характер, длительность различных этапов каждого экономического цикла всегда имеют свои особенности. Их общая природа проявляет себя в повторяемости, но не в единообразии. И траектория движения российской экономики и российского рынка труда в 2014–2016 гг. вполне определенно это подтверждает.

В отличие от кризиса 2008–2009 гг., когда почти одновременно с резким ухудшением ситуации в реальном секторе и дестабилизацией финансового рынка произошел существенный рост уровня безработицы[1], в 2014–2016 гг. ситуация развивается иначе. Движение идет и не по траектории V – значительное падение и быстрое восстановление (вариант 2008–2009 гг.), и не по траектории L – существенное падение и долгая стагнация. Резкой и внезапной смены повышательной тенденции на понижательную, что Дж. Кейнс рассматривал как ключевую характеристику экономического цикла, не было [2, с. 466]. Ожидание кризиса многими было воспринято как сам кризис. Экономика находилась и продолжает находиться на этапе медленного перехода к повышательной тенденции. Пульсация показателей экономического роста в 2014–2016 гг. – это следствие внешних шоков и использования государством неэффективных механизмов борьбы с ними.

1. К концу 2008 г. безработица достигла 7,8%, увеличившись по отношению к декабрю 2007 г. на 2,1 п.п. Максимума она достигла в феврале-марте 2009 г. – более 9%. Затем проявилась устойчивая тенденция к снижению безработицы. В 2012 г. ее уровень составил 5,5%, что на 0,5 п.п. ниже, чем в докризисном 2007 г.

Замедление темпов экономического роста и угроза формирования понижательной тенденции проявились еще в 2013 г., когда индекс физического объема ВВП составил, по данным Росстата, всего 101,3%, а инвестиции в основной капитал по отношению к предыдущему году выросли менее чем на 1 п.п. Замедление продолжилось и в 2014 г., когда в отношении России были введены санкции и началось падение цен на нефть. Но это по-прежнему было замедление роста, а не спад. Только в 2015 г., когда сокращение совокупного спроса стало ощутимым, произошло снижение объемов производства и валового внутреннего продукта. Но это снижение было существенно меньшим, чем в 2009 г., а уже в начале 2016 г. стало отмечаться снижение темпов спада. По оценке Минэкономразвития России, если в I квартале 2016 г. снижение ВВП составляло 1,2% к соответствующему периоду прошлого года, то во II квартале – 0,6%. При этом к середине года «сезонно очищенный спад ВВП практически остановился…» [4, с. 3]. Что касается промышленного производства, то в 2016 г. оно показывает слабо выраженную положительную динамику.

В 2014–2016 гг. резкого сжатия экономики, как это было в период со второй половины 2008 до середины 2009 г., не произошло. Минфин России и Центральный банк, пытаясь минимизировать риски бюджетной и финансовой дестабилизации, что с точки зрения функций и полномочий этих ведомств вполне оправдано, вели политику, фактически направленную на сокращение спроса. При отсутствии структурных барьеров и развитых финансовых институтов, способных обеспечить если не стабильность, то хотя бы минимизировать последствия внешних шоков, в качестве инструментов регулирования, как и 2008 г., были использованы снижение курса рубля и повышение ключевой ставки, а затем реструктуризация и сокращение незащищенных статей бюджетных расходов. Результатом стало существенное падение инвестиций, сокращение реальных доходов населения и оборота розничной торговли. Экономика попала в ловушку макроэкономической устойчивости (низкие темпы падения, а в перспективе – низкие темпы роста), сформированную ограниченным спросом, что и определило динамику российского трудового рынка трех последних лет.

Судя по макроэкономическим показателям, на национальном уровне трудовой рынок стабильность сохранил. Более того, изменившиеся условия функционирования экономики обусловили и некоторые позитивные изменения, что показывает соотношение совокупного предложения и спроса на труд (табл. 1). Так, в 2015 г. и, по оценкам, в 2016 г. несколько увеличилось предложение труда. Произошло это в первую очередь за счет повышения уровня

экономической активности населения[2]. Совокупный спрос при этом оставался стабильным, а некоторое сокращение числа вакантных рабочих мест поглощалось ростом числа занятых и усиления напряжения на рынке не происходило.

Таблица 1

ДИНАМИКА ПРЕДЛОЖЕНИЯ И СПРОСА НА ТРУД В 2014–2016 гг.

	2014	*2015*	*2016 (оценка)*
Совокупное предложение труда[1]:			
млн человек	75,4	76,6	76,8
в % к 2013 г.	99,9	101,4	101,7
Совокупный спрос на труд[2]:			
млн человек	73,0	73,1	73,1
в % к 2013 г.	99,9	100,0	100,0

Источник: По данным Росстата (http://www.gks.ru).

[1] Совокупное предложение труда приведено как общая численность рабочей силы (занятых в экономике и безработных).

[2] Рассчитано на основе данных Росстата о численности занятых и о числе вакантных рабочих мест с корректировкой на общую численность занятых в экономике.

Траектория безработицы отразила особенности движения российской экономики в 2014–2016 гг. Особо следует выделить 2014 г., когда безработица оказалась на самом низком за 20 лет уровне – 5,2%. Сказалось сочетание таких факторов, как сохранение общего уровня экономической активности, ускорение по отношению к 2013 г. роста промышленного производства, положительная динамика на потребительском рынке и начавшееся снижение цены труда. В первой половине 2015 г. безработица незначительно – в пределах 0,5 п.п. – выросла. Затем ее уровень с исключением фактора сезонности стабилизировался в интервале от 5,5 до 5,9%.

Что касается безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, то их численность оставалась стабильной – на уровне 1 млн человек. Услугами этой службы традиционно

2. Скорее всего свою роль сыграл «эффект дополнительного работника». В наших условиях он проявился как реакция на общее сокращение доходов – на рынок труда вышли люди, пытающиеся за счет новой занятости это сокращение минимизировать. При этом важно учитывать, что рост предложения труда в сложившихся демографических условиях, когда наблюдается сокращение численности вступающих в трудоспособный возраст, возможно только за счет роста экономической активности населения. Однако ее уровень в России уже сейчас примерно таков, как в большинстве экономически развитых стран (в том числе с существенно более высокой, чем в России, безработицей). Поэтому дальнейшая динамика предложения труда ожидается отрицательной.

пользовались люди, являющиеся наименее конкурентоспособными на рынке труда, или рассчитывающие получать пускай незначительное по размеру (максимум – 4900 руб.), но регулярно выплачиваемое пособие по безработице. В отличие от 2009 г., когда уровень регистрируемой безработицы в феврале–апреле приближался к 3%, в 2014–2016 гг. он в среднем составлял 1,3% численности рабочей силы, изменяясь в интервале 0,1–0,2 п.п. Так что зарезервированные Правительством России 5,5 млрд руб. на «обеспечение выплаты пособия по безработице в случае роста количества безработных до 1,3 млн человек» в 2016 г. окажутся невостребованными [5].

Как и уровень безработицы, продолжительность поиска работы (незавершенная безработица) следовала за экономической динамикой. В 2014 г. среднее время поиска снизилось до 7,3 месяца (на 0,3 месяца меньше, чем в 2013 г.). В целом за 2015 г. оно не изменилось. Но в IV квартале наметилось повышение, продолжившееся и в 2016 г. По итогам года среднее время поиска работы составит 7,8 месяцев. Рост коснется всех возрастных групп. Исключением станут безработные предпенсионного возраста и старше 60 лет. Но происходит это не за счет расширения возможностей их трудоустройства. Скорее всего часть людей этих возрастов, долгое время не находя работу (а именно в этих возрастных группах время поиска работы максимальное), судя по показателю участия в рабочей силе, просто уходят из состава экономически активного населения.

Динамика структуры безработных по полу, возрасту, образованию в 2014–2016 гг. существенно не менялась. По-прежнему, по отчетным данным Росстата за 2015 г., сохраняется превышение мужской безработицы над женской (5,1 против 4,6%), в составе возрастных групп продолжается рост безработицы среди молодежи до 24 лет, а среди лиц с высшим образованием уровень безработицы самый низкий – 3,4%, тогда как у имеющих только среднее общее, основное общее и не имеющих основного общего образования он, соответственно, составил 8,6, 13,4 и 21,3% [6, с. 114, 118].

Не изменились и тенденции трансформации структуры занятости (по видам экономической деятельности). Эти сдвиги почти всегда идут очень медленно, отражая постепенную структурную трансформацию экономики в первую очередь за счет технологических инноваций и смены приоритетов потребления. Тем не менее в 2014–2016 гг. объективно обусловленная тенденция постепенного перемещения занятых из первичного и вторичного секторов экономики в третичный, судя по данным обследований Росстата, проявилась достаточно определенно (табл. 2). Например, в 2016 г. по отношению к 2013 г., по расчетам, занятость в сельском хозяйстве снизится на 0,2 п.п., в обрабатывающих производствах – на 0,6 п.п. За тот же период занятость в гостиничном и ресторанном бизнесе вырастет на 0,3, а в сфере

операций с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг – на 0,4 п.п.

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАНЯТЫХ ПО ОСНОВНЫМ ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (%)

	2014	*2015*	*2016 (оценка)*
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	6,6	6,5	6,4
Добыча полезных ископаемых	2,1	2,1	2,1
Обрабатывающие производства	14,5	14,3	14,2
Строительство	7,6	7,6	7,6
Оптовая и розничная торговля; бытовые услуги, гостиницы, рестораны	18,4	18,4	18,5
Транспорт и связь	9,5	9,5	9,5
Финансовая деятельность	2,2	2,2	2,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7	7,2	7,2
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	7,3	7,4	7,4
Образование	9,2	9,2	9,2
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	7,9	7,9	7,9

Источник: Рассчитано по данным Росстата.

Сохранив макроэкономическую устойчивость, российский трудовой рынок сохранил и присущие ему проблемы структурного и институционального свойства. Эти проблемы носят фундаментальный и долговременный характер. Они обусловлены прямой зависимостью от пространственной и отраслевой структуры российской экономики, существенными масштабами теневого (неформального) сектора, особенностями и многообразием трудовых практик, слабостью институтов поддержки инвестиционного обеспечения, создания современных высокопроизводительных рабочих мест.

По значимости на первое место среди этих проблем следует поставить региональную дифференциацию трудовых рынков. Сама по себе такая дифференциация – явление естественное. И не только для нашей страны с ее огромными и разнородными по трудовому и производственному потенциалу территориями, а для практически любой национальной экономики. Но дело в уровнях региональных различий, их характере и возможностях сглаживания.

Самое общее представление о пространственных различиях дают данные о максимальном и минимальном уровнях безработицы в российских регионах (субъектах Федерации) (размах ряда в III квартале 2016 г. составил 28,6).

В числе первых традиционно находятся Республика Ингушетия, Республика Тыва и Чеченская Республика, а с 2015 г. к ним добавилась Карачаево-Черкесия. В число вторых также традиционно входят Санкт-Петербург и Москва (табл. 3).

Таблица 3

РОССИЙСКИЕ РЕГИОНЫ С МАКСИМАЛЬНЫМ И МИНИМАЛЬНЫМ УРОВНЕМ БЕЗРАБОТИЦЫ (III квартал 2016 г.)

Максимальный уровень		*Минимальный уровень*	
Республика Ингушетия	30,2	Санкт-Петербург	1,6
Чеченская Республика	15,9	Москва	1,7
Республика Тыва	14,8	Ямало-Ненецкий авт. округ	1,8
Карачаево-Черкесская Республика	12,8	Московская область	3,0
Республика Калмыкия	11,6	Липецкая область	3,4
Забайкальский край	10,8	Камчатский край	3,4
Республика Дагестан	10,2	Самарская область	3,6
Кабардино-Балкарская Республика	9,5	Чукотский авт. округ	3,7
Ненецкий авт. округ	9,4	Республика Мордовия	3,8
Республика Коми	9,2	Республика Татарстан	3,8
Иркутская область	9,1	Белгородская область	3,9
Республика Адыгея (Адыгея)	9,0	Тульская область	4,0
Республика Бурятия	9,0	Курская область	4,1
Курганская область	8,8	Рязанская область	4,2
Республика Карелия	8,6	Нижегородская область	4,2

Источник: По данным обследований рабочей силы (III квартал 2016 г., Росстат).

Несмотря на экстремальные разрывы, пространственная структура российского рынка труда не хаотична. Дифференциация проявляет себя прежде всего как различия между группами регионов. Это иллюстрирует кривая нормального распределения безработицы (рис. 1). Она определенно показывает, что в России сложились как минимум три группы регионов, существенно различающиеся по напряженности на трудовых рынках.

В первой базовой и самой многочисленной группе находятся регионы, в которых показатели тяготеют к среднему по России уровню. В III квартале 2016 г. таких регионов насчитывалось 67. Безработица здесь колеблется в интервале 4–10%. Причем более чем в половине этих регионов отклонение от среднего по стране уровня безработицы не превышает 1 п.п.

Во вторую – наиболее благополучную группу входят 11 регионов с уровнем безработицы, не превышающим 4% (табл. 3). Здесь относительно невысокая напряженность на рынке труда сочетается со значительно превосходящим средний по стране уровнем ВРП (валовым региональным продуктом) в расчете на душу населения.

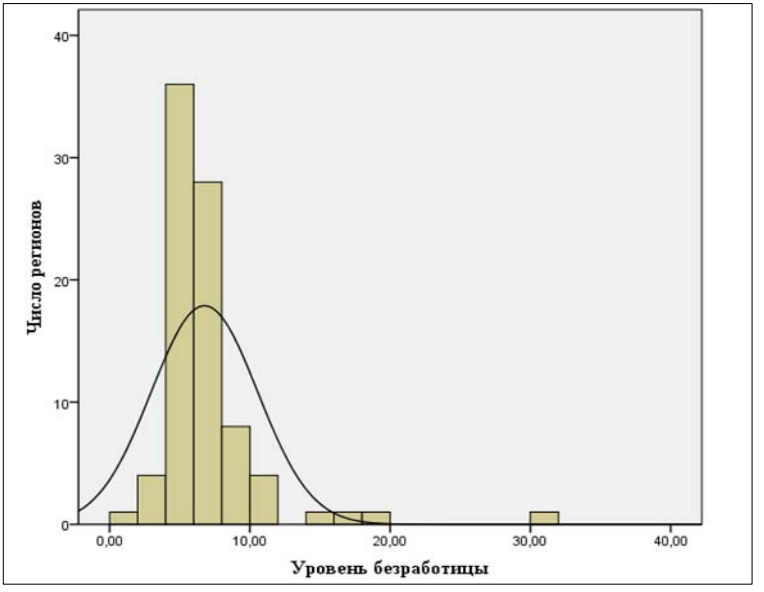

Рис. 1. Распределение российских регионов по уровню безработицы (2015)

Источник: Данные Росстата (http://www.gks.ru).

Остальные регионы, составляющие третью группу, характеризуются повышенной напряженностью в сочетании с низким уровнем ВРП. Причем в Ингушетии показатель безработицы, несмотря на существенное снижение – на 13 п.п. по отношению к 2013 г., – по-прежнему остается экстремальным.

Динамика показателей трудового рынка российских регионов в 2014–2015 гг. носила разнонаправленный характер. В 2014 г. безработица снижалась в большинстве регионов. Выросла она в 17 регионах и в 11 – не изменилась. В 2015 г. ситуация поменялась – безработица выросла в 62 регионах, в 5 – не изменилась и только в 16 – снизилась[3].

Рынки труда выделенных групп по-разному реагируют на изменения общей макроэкономической динамики. Это достаточно определенно прояви-

3. Без учета данных по Крыму и Севастополю.

лось в период кризиса 2008–2009 гг.[4] Тогда, несмотря на резкий рост безработицы в целом по стране, в регионах третьей «экстремальной» группы напряженность на рынках труда в отличие от большинства регионов продолжила снижение, причем более высокими темпами, чем ранее. Эта зависимость проявилась и в 2014–2016 гг. Из пяти регионов с максимальным уровнем напряженности в четырех безработица в 2015 г. по отношению к 2013 г. снизилась. Исключением стала Карачаево-Черкесия. Здесь снижение показателей экономического роста было заметно более высоким, чем в среднем по России, что и обусловило значительное повышение напряженности на рынке труда. В 2014–2015 гг. в республике был отмечен самый высокий среди всех российских регионов прирост безработицы – на 5,3 п.п. по сравнению с 2013 г. По величине показателей «Среднее время поиска работы безработными» и «Доля безработных, ищущих работу 12 месяцев и более» регион в 2015 г. уступал только Ингушетии. Что касается других регионов этой группы, то сохраняющаяся федеральная бюджетная поддержка и позитивное воздействие, оказываемое определенной устойчивостью институтов ведения экономической деятельности, стали для этих трудовых рынков более значимыми факторами, чем ограничение совокупного спроса.

Среди институциональных проблем российского рынка труда в первую очередь нужно обратить внимание на его жесткую и уже ставшую устойчивой сегментацию. Речь не о естественном сегментировании рынка по отраслевым признакам или социально-демографическим и профессиональным характеристикам рабочей силы. Речь о том, что рынок разделен на две части, ставшие своего рода укладами со своими почти не совпадающими трудовыми характеристиками. Эти уклады существуют параллельно друг другу, почти не пересекаясь, и обладают друг для друга ограниченной открытостью.

Первый уклад – это традиционная устойчивая занятость в государственном и корпоративном секторах. Второй – часто определяют как неформальный. Но точнее говорить о периферийной части рынка труда, включающей в себя и теневой (неформальный) сектор. Основные характеристики этой части рынка – делегитимация и дестандартизация трудовых отношений, т.е. распространение внеправовой трудовой практики, отсутствие гарантий занятости и механизмов защиты трудовых прав, включая вопросы оплаты и условий труда, нередко нелегальный (теневой) характер трудовой деятельности.

Статистически точно определить размеры периферии российского трудового рынка, основываясь на официальных данных, не удастся. Однако достаточно обоснованные оценки возможны. Так, ориентируясь на соотношение

4. Подробнее статистический анализ динамики рынка труда России в 2008–2009 гг., в том числе в разрезе регионов, см.: Ахапкин Н.Ю. Российский рынок труда в условиях кризиса: Тенденции и варианты развития [1].

и динамику показателей общей занятости, среднегодовой численности работников организаций, среднесписочной численности работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) и занятости в неформальном секторе, к периферии рынка можно отнести до 30% занятых. Причем тенденция ее расширения не преодолена (табл. 4)[5].

Таблица 4

ДИНАМИКА ЗАНЯТОСТИ В РОССИИ В 2012–2015 гг. (млн человек)

	2012	*2013*	*2014*	*2015*
Численность занятых	71,5	71,4	71,5	72,3
Среднегодовая численность работников организаций	45,9	45,8	45,5	45,1
Среднесписочная численность работников организаций (без субъектов малого предпринимательства)	34,4	34,1	33,6	33,3
Численность занятых в неформальном секторе	13,6	14,1	14,4	14,8

Источник: Данные Росстата [6, с. 92; 7, с. 93].

Перспективы российского трудового рынка с точки зрения общих макропоказателей в целом можно оценить как позитивные. Даже при невысоких или близких к нулевым темпах роста экономики, общая напряженность в перспективе ближайших трех лет на рынке существенно не увеличится (заглядывать дальше в условиях не снижающейся неопределенности на мировых рынках и в геополитике было бы опрометчиво). Учитывая сложившуюся региональную динамику, можно рассчитывать на постепенное сглаживание пространственных диспропорций рынка. При этом как фактор, препятствующий возможному росту безработицы в целом по стране и в большинстве регионов, будут выступать изменения в возрастной структуре населения, ведущие к снижению численности трудоспособных и сокращению предложения труда.

По прогнозу социально-экономического развития Российской Федерации на 2017 г. и на плановый период 2018–2019 гг., подготовленным Минэкономразвития РФ, численность трудоспособного населения снизится в 2019 г. по сравнению с 2015 г. на 3,7 млн человек. В результате численность рабочей силы (предложение труда) сократится на 1,2 млн человек. Такие прогнозные

5. Об оценках масштабов занятости в некорпоративном и в неформальном секторах см.: Гимпельсон В. Безработицы в России не будет. Но не будет и прежних зарплат (07.04.2016, https://republic.ru/posts/66301); Доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» [3, с. 214–215].

расчеты министерства не полностью учитывают временной лаг между демографическими процессами и динамикой предложения труда и поэтому представляются несколько завышенными. Но сокращение рабочей силы под влиянием только демографического фактора, начиная с 2018 г. в пределах 100–150 тыс. человек ежегодно, является вполне реальным вариантом.

Наиболее вероятный диапазон безработицы на период 2017–2019 гг. – 5–7%. Также нужно отметить, что в пользу стабилизации уровня безработицы будет играть и тенденция сокращения издержек на труд, поддерживаемая и государством, и работодателями. В то же время отказываться от возможности пессимистического сценария, хотя он и маловероятен, нельзя. Если падение совокупного спроса, вслед за которым ключевые макроэкономические показатели уйдут в устойчивый «минус», продолжится еще хотя бы один-два года, рост безработицы неизбежен. И проявится он в первую очередь, причем в очень острой и с социальной точки зрения крайне болезненной форме, в депрессивных регионах, моногородах, депрессивных муниципальных образованиях, и региональные разрывы вновь начнут увеличиваться.

Что касается структурной модернизации российского трудового рынка, что предполагает мощную генерацию новых высокопроизводительных и высокодоходных рабочих мест, в том числе в новых сферах занятости, то предпосылок для этого по-прежнему нет. Их формирование в условиях низкого совокупного спроса и инвестиционного спада невозможно. Поэтому формула «устойчивость без развития», определяющая сущность процессов на российском трудовом рынке, проходивших в 2014–2016 г., описывает и наиболее вероятное будущее этого рынка по крайней мере на трехлетнюю перспективу.

Литература

1. Ахапкин Н.Ю. Российский рынок труда в условиях кризиса: Тенденции и варианты развития / Вестник Международного института менеджмента ЛИНК. – 2010. – № 26. – С. 151–166.

2. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / Избранные произведения. – М.: Экономика, 1993.

3. Доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 г. «Стратегия-2020: Новая модель роста – новая социальная политика» (http://2020strategy.ru/documents/32710234.html).

4. О текущей ситуации в экономике Российской Федерации по итогам первого полугодия 2016 года / Минэкономразвития России. Июль 2016 г. (http://economy.gov.ru).

5. План действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 г. Утвержден 1 марта 2016 г. (http://government.ru/media/files/X6NrRVuOjjj1ALG5ZoCbVm5G3IQ0lCkh.pdf).

6. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам выборочных обследований рабочей силы). 2016: Статистический сборник / Росстат. – М., 2016.

7. Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2016.

А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов

ЭТНИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ким Александр Сергеевич – доктор политических наук, профессор Тихоокеанского государственного университета (Хабаровск).

Довгополов Егор Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент, юрист Центра исследования проблем российского права (Москва).

В политических процессах в современном мире значительные масштабы приобрели проблемы межэтнического взаимодействия и этнической идентичности. В связи с этим весьма актуально исследование обусловленности формирования массового политического сознания концептуально-идеологическими проявлениями этнического национализма. В статье поэтому рассматривается феномен проникновения этнонационалистической парадигмы в массовое политическое сознание посредством ее институционализации.

Центральным политико-идеологическим тезисом этнонационалистической парадигмы является положение о том, что нация предшествует государству. Данная установка характерна для традиции, сложившейся в германском обществознании на протяжении XVIII–XX вв., впоследствии воспринятой в Восточной Европе и России. Такое толкование нации проистекало из представления о ней как этнокультурной, более того, даже кровной общности.

В противоположность французской политико-идеологической традиции, в рамках которой феномен «нация – государство» возникает как политический проект, рожденный в политической борьбе третьего сословия, в германской политической мысли превалировало примордиалистское, этнокультурное представление о нации как о коллективном субъекте государства. Примордиалистское толкование состоит в автоматическом отнесении индивида к этнической группе по факту его происхождения.

Политико-идеологическая составляющая этнонационалистической парадигмы наложилась на примордиалистские концепции современной западной

социальной философии и социологии (П. Ван ден Берге, К. Гирц, Р. Гамбино, У. Коннор, У. Самнер, Э. Шилз и др.). Его представители полагают изначальность этнических категорий, трактуют этничность как извечное свойство человеческой природы.

В России оказались восприняты как политико-идеологические, так и социально-философские установки этнонационалистической парадигмы. Так, в XX в. именно немецкое толкование нации породило в русском языке употребление понятия «национальность» в этническом смысле, не связанном с государственностью, что и сегодня вносит терминологическую путаницу в российское обществознание. В советских общественных науках господствовало представление о нации как высшей форме этнической общности, сложившейся в эпоху становления капитализма, которое базировалось на известном определении И.В. Сталина: «Нация – это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры (…) ни один из указанных признаков, взятый в отдельности, недостаточен для определения нации. Более того: достаточно отсутствия хотя бы одного из этих признаков, чтобы нация перестала быть нацией» [13, с. 6].

В теоретико-методологическом плане в советском обществознании господствовал примордиалистский подход к изучению этнических процессов. Социобиологическое понимание этничности наиболее ярко было представлено оригинальной концепцией пассионарности Л.Н. Гумилёва, считавшего этнос биофизической реальностью, облеченной в ту или иную социальную оболочку [6, с. 227]. Социокультурная версия примордиализма представлена В.Ю. Бромлеем. Ему принадлежит определение этноса, ставшее классическим для марксистско-ленинского обществоведения: «Этнос …может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)» [4, с. 57–58].

Реализация в советской политической практике вышеупомянутых политико-идеологических и социально-философских установок началась с того, что большевики по достоинству оценили политический потенциал этнического национализма как инструмента для победы над своими противниками, выступавшими под лозунгами «единой и неделимой России». Апологеты советского режима ввели понятия «социалистического федерализма» и «национальной (а по сути дела, этнической) государственности», на основе которых проводилось национально-государственное строительство. В результате была создана лжефедерация так называемых национально-государственных обра-

зований, в основе которой иерархия этнических общностей. Такая иерархия характеризовалась ранжированием: 15 этнических общностей были наделены статусом наций, имевших свои государства и конституции с формальным правом выхода из СССР, другая часть общностей была представлена автономными республиками, областями и округами в составе союзных республик и наконец существовали этносы, обреченные на ассимиляцию, поскольку им было отказано в праве на самоопределение – прежде всего это касалось диаспор [8, с. 98–99].

Этнонационалистический подтекст выстроенной таким образом специфической иерархии этнических общностей заключался в следующем: нациями считались те народы, которые обладали государственностью либо административно-территориальной единицей (союзной республикой, автономной республикой, автономной областью, национальным округом). Советская институционализация этничности осуществлялась через предпочтительный статус так называемых коренных наций в республиканских образованиях, через систему преференций и квот на административно-бюрократический персонал, профессии и образование. Именно этим объясняется, почему несомненные достижения советской власти в решении национального вопроса связаны в основном с титульными и так называемыми коренными малочисленными этносами.

Посредством системы обязательной регистрации этнической принадлежности («национальности») в гражданских паспортах этничность в СССР стала социальной характеристикой. Национальность как бюрократический параметр этничности стала ранжиром социальной стратификации в республиках, на нижних ступенях которой оказались многочисленные «двойные меньшинства» внутриреспубликанских автономных образований [15, с. 41]. Это и стало предпосылками возникновения впоследствии институциональной практики ранжирования народов на коренные и некоренные, формирования в массовом политическом сознании этнонационалистических установок и представлений о приоритете так называемых титульных этносов, об их преимущественном праве пользоваться ресурсами национальных государств. В последующем это стало идеологическим обоснованием «выдавливания» русскоязычного населения из бывших советских республик.

Двойственность советской национально-этнической политики можно понять, если рассматривать ее в контексте реализации сталинской концепции обострения классовой борьбы в процессе строительства социализма. С одной стороны, декларировалось равноправие и братский союз всех народов СССР, их право на свободное социалистическое развитие в едином советском государстве. С другой стороны, в повседневной социальной реальности осуществлялась антидемократическая практика: ограничивалась самостоятельность, сводилось на нет право на самоопределение, ущемлялись интересы

многих этнических общностей. Прежде всего это проявилось в отношении национальных меньшинств и диаспор. По отношению к ним институционализация национально-этнической политики тоталитарного государства происходила не путем национально-государственного строительства, а посредством ликвидации институтов поддержки идентичности, отрыва от обжитых мест, служивших очагами этнической культуры и этнической жизни. В результате представителям меньшинств ничего не оставалось кроме как ассимилироваться в составе советского народа как «новой исторической общности» [8, с. 165–166].

Все это вызывало настроения этнонациональной ущемленности и ощущение социально-этнической дискриминации, что объективно способствовало снижению потенциала интернационалистской идеологии в обществе и переходу этнонационалистических установок в массовое политическое сознание. Впоследствии этнонационалистические представления, установки и практика в огромных масштабах были использованы общественно-политическими движениями и политическими элитами в эпоху распада СССР и в постсоветский период.

Доктринальной основой советской этнополитики было специфическое сочетание этнонационалистического мировоззрения и интернационалистской идеологии. Советское интернациональное государство де-юре представляло собой интеграционное объединение национальных государственных образований в рамках единого союзного государства, а де-факто – имперскую многонациональную систему, ядром которой являлась коммунистическая номенклатурная бюрократия. Центр, представленный партократической элитой, использовал в качестве одного из важнейших инструментов власти интернационалистскую идеологию и советскую общенациональную культуру, основанную на русском языке и ценностях (разрешенных цензурой) преимущественно русской культуры.

Коммунистическая партократия подчиняла национально-этнические процессы системе своего господства, поддерживая определенную стабильность, при которой, с одной стороны, происходило развитие многих народов, а с другой – проводилась дискриминационная политика. Коммунистические режимы так и не смогли разрешить многие национально-этнические противоречия, хотя в известной степени им удалось смягчить и ослабить некоторые из них. Так, советские политико-идеологические институты интенсивно работали на обоснование расового и национально-этнического равноправия, межнационального сотрудничества и интернациональной солидарности. В СССР функционировала всеобъемлющая система так называемого «патриотического и интернационалистского воспитания трудящихся», которая являлась идейно-политическим механизмом противодействия националистической идеологии, блокирования открытых проявлений этнической и расовой

ксенофобии. В результате сформировалась достаточно высокая культура межэтнического общения. Ее главная особенность состояла в том, что как на официальном уровне, так и на уровне массового сознания ксенофобия, неуважение к национальному достоинству осуждались и считались дурной манерой мышления и поведения.

После крушения коммунистического строя бывшая партократия в своей значительной части возглавила процессы суверенизации в бывших республиках. Представители номенклатурно-бюрократической элиты, отбросив интернационализм как государственную идеологию, официально взяли на вооружение идеологию этнического национализма. Используя ее как инструмент этнополитической мобилизации масс, они осуществили приватизацию власти и других ресурсов в новых национальных государствах, провозглашая приоритетные права так называемых коренных (титульных) этносов. Это привело к образованию дискриминируемых меньшинств, массовому оттоку русскоязычного населения, разрушению интернациональной культуры межэтнического (межнационального) общения. Что касается постсоветской России, то элиты национальных республик в ее составе воспроизводили «на местах» модель политических и социальных сообществ мобилизационного, авторитарного типа [1, с. 138].

Этими обстоятельствами объясняется широкое распространение и укоренение этнического национализма в массовом политическом сознании на пространстве бывшего СССР. Этнонационалистическая волна не обошла стороной и постсоветскую Россию. В значительной степени это было обусловлено идеологическим вакуумом российского общества, постсоветской фрагментацией массового политического сознания, что усугублялось чрезвычайно быстрой трансформацией социальных ценностей и норм. Принципиально новые масштабы мобильности населения сделали весьма ощутимым миграционное давление, «что, в свою очередь, влечет за собой расширение кроссэтнической коммуникации и, как следствие, повышение значимости этнического фактора» [17, с. 55]. Сменившая коммунистический режим новая политическая элита России, апеллируя к ценностям демократического развития, не озаботилась решением проблемы формирования новой национальной идеологии и общероссийской идентичности, не уделяла должного внимания научному обоснованию государственной национально-этнической политики.

В условиях обретения Россией национально-государственного суверенитета этнонационалистические взгляды и убеждения стремительно заполняли идейную нишу от накопленных в СССР интернационально-патриотических ценностей. Опасность стала понятной при попытках решить вставшую перед новым государством проблему формирования общероссийской идентичности. С одной стороны, государствообразующими основами Российской Федерации в массовом сознании представлены русский народ и русская культура,

и в рамках такого подхода Россия – государство русского национального большинства. С другой стороны, Россия – полиэтническое государство, в котором наряду с русскими как метаэтнической общностью представлены меньшинства, включающие народы бывших советских республик, народы, исконно проживающие на территории России, этнические диаспоры выходцев из других государств, длительно проживающих или недавно прибывших в Россию.

В этом контексте заслуживает внимания точка зрения екатеринбургского этнополитолога М.А. Фадеичевой, что в постсоветской России «…под влиянием целого комплекса социально-экономических, политических и социально-психологических факторов начал складываться идеологический дискурс, который условно можно обозначить как дискурс “нашизма”» [17, с. 55]. По ее мнению, современный российский дискурс «нашизма» существует в формах, каждая из которых отличается собственным подходом к различению «нашего» и «не нашего». «В рамках националистического “нашизма” “своими” считаются все россияне, т.е. критерием отнесения к “нашим” выступает принадлежность к складывающейся в России полиэтнической гражданской нации. Этнонационалистическая версия “нашизма” дополняет “гражданский” принцип этническим. Распознавание “наших” по антропологическим признакам характерно для “нашизма” расистского толка» [17, с. 56]. В этих условиях исключительное значение имеет формирование этнополитической ориентации массового сознания прежде всего русского населения России, от ценностных ориентиров и установок которого решающим образом зависит и сохранение межэтнического мира в стране, а также направленность, характер и результаты политических трансформаций российского общества в современных условиях [2, с. 48].

Превращение этнического национализма в значимый феномен постсоветского массового сознания интенсифицировалось в 1990-е годы. Так, например, произошло излишне расширительное толкование и употребление термина «диаспора». Как справедливо полагает М.А. Фадеичева, «под влиянием политической и журналистской моды, позволяющей пользоваться словами без адекватного понимания их значений, “меньшинства” превращаются в “диаспоры”. Сконструированные вербальные структуры порождают некие самостоятельные сущности, которые начинают жить своей жизнью, обретают виртуальное бытие в качестве этнополитического института, претендующего на особое отношение к нему со стороны государства и общества. Любая этническая группа превращается в диаспору независимо от того, относятся ли ее члены к “коренному населению”, беженцам или трудовым мигрантам» [16, с. 140].

С такой позицией согласуется и точка зрения В.А. Тишкова, полагающего, что «…процесс “диаспоризации всей страны” должен быть остановлен.

Граждане государства, проживающие на его территории, не могут считаться диаспорой, как не являются диаспорами татарская или чеченская общины в Москве. Иначе нам придется причислить к диаспорам половину населения страны». По его мнению, «…внутри государства граждане не могут делиться на диаспоры, за исключением новожителей – иммигрантов или старожителей, продолжающих считать своей основной родиной страну исхода и соответственно демонстрирующих это в своем поведении» [15, с. 187].

По мнению известного иркутского исследователя феномена диаспоры В.И. Дятлова, «…через новые слова или новые смыслы старых слов может формироваться новая реальность, новые социальные связи и отношения. Вот почему расширяющееся применение термина "диаспора" в социально-политической практике, чрезвычайно свободная его трактовка вкупе с широко распространенным общинно-сословным пониманием природы, человека и общества может чрезвычайно осложнить и без того непростые межнациональные отношения» [7, с. 138].

Государственные служащие, которым надлежит осуществлять управление межэтническими отношениями, по меткому замечанию В.И. Дятлова, «находятся в лихорадочном поиске объекта управления» [7, с. 131]. Для объяснения феноменов мультикультурности и полиэтничности современного общества соответствующий административный персонал массово изобретал и вводил терминологию и стилистику бюрократического делопроизводства. В частности, это произошло с термином «диаспора». Поскольку данное понятие стало использоваться без учета заложенных в нем исторических смыслов, оно постепенно стало своего рода клише. «Нередко так теперь называют (и таким образом вычленяют и объединяют) всех, кого считают представителями неких национальных групп, живущих вне пределов соответствующих государств или "национальных очагов"» [7, с. 132].

В 1990-е годы новоявленные термины стали приобретать институциональный характер, поскольку внедрялись в практику юридического нормотворчества. Например, в Концепции национальной политики Республики Бурятия (одобрена Постановлением Правительства Республики Бурятия от 29 сентября 1997 г. № 336) выстраивается определенная иерархия этнических статусов населения республики: «народы», «коренные малочисленные народы», «этноконфессиональные группы», «этнокультурные группы», «диаспоры, проживающие на территории Бурятии», причем в этой иерархии бурятский народ выделяется как государственнообразующий, а буряты вместе с русскими и эвенками трактуются как «основа многонационального народа Бурятии» [3, с. 90–93].

Таким образом, диаспора трактуется как специфический социальный организм, в который индивид включен по факту этнической принадлежности. Эта принадлежность к диаспоре истолковывается не как результат личного

выбора, а как следствие изначальной принадлежности к этнической общности. В результате в массовом сознании формируется представление, что человек по факту врожденной этничности изначально должен быть приписан к группе, которая несет за него коллективную ответственность перед государством и обществом. В связи с этим появляется феномен «этнического антрепренерства» в среде самих меньшинств, которое проявляется в различных спекуляциях на этнополитической проблематике с целью добиться власти, влияния и общественного признания как у властей, так и у своих «соплеменников». Не этим ли объясняется, что в кругах активистов общественных объединений некоторых меньшинств постоянно возникают проекты придания своим организациям квазигосударственных функций. «Так, созданное в 1994 г. в Иркутске азербайджанское национально-культурное общество "Даяг" провозгласило своей основной целью установить контроль над всеми въезжающими в город азербайджанцами. …Совет "Даяга" планировал выявлять "позорящих честь нации азербайджанцев" и при необходимости высылать их на родину» [7, с. 135].

Реализации примордиалистской установки также способствовал, несмотря на благие пожелания своих разработчиков, и принятый в 1996 г. Федеральный закон «О национально-культурной автономии» (далее – Закон). Национально-культурная автономия (НКА) трактуется в Законе следующим образом – это «форма национально-культурного самоопределения, представляющая собой общественное объединение граждан Российской Федерации, относящих себя к определенным этническим общностям, на основе их добровольной самоорганизации в целях самостоятельного решения вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры» [10].

По мнению А. Позднякова, советника Департамента массовых коммуникаций, культуры и образования Правительства РФ, по долгу службы осуществлявшего разработку проблем взаимодействия государства с национально-культурными организациями, НКА задумывалась не только как инструмент государственной политики, предполагалось, что это будет институт, объединяющий усилия всех общественных объединений этнической общности. Именно с этим «объединением объединений» и должно работать государство в сфере решения проблем этнокультурного развития этноса. Внутри этого объединенного сообщества формируются основные цели и задачи национально-культурных автономий: решение вопросов сохранения самобытности, развития языка, образования и национальной культуры. И только после этого происходит «диалог» с государством об оказании содействия [11]. Неудивительно, что при такой постановке вопроса одни лидеры национально-этнических объединений восприняли новоявленный институт НКА как посягательство на свои права, а другие – как некий «ярлык» государства на «княжение» среди своих коллег, требуя признания своего верховенства

в решении всех вопросов [11]. Так, на III съезде Общероссийского объединения корейцев, состоявшемся в июне 2008 г. в Москве, руководитель корейской национально-культурной автономии Санкт-Петербурга заявил, что, по его мнению, все несколько тысяч представителей корейской диаспоры, проживающие в этом городе, автоматически являются членами возглавляемой им общественной организации [8, с. 299].

Этот пример является иллюстрацией того, что субъекты массового политического сознания в лице как активистов национально-культурных организаций, так и их рядовых членов, оказавшись в плену примордиалистского принципа, невольно становились носителями этнонационалистических установок и представлений.

По мнению В.А. Тишкова, «…в противовес фундаменталистским трактовкам этничности, как неких “миров” и “статусов”, многие россияне совершили или совершают переход в другую “национальность” по предпочтительному (экономически или политически более выгодному) выбору или же изобретают для себя “отдельную” идентификацию: эрзя вместо мордвы, крящены и булгары вместо татар, поморы и казаки вместо русских и т.п. …Часть россиян отказывается от некогда престижной принадлежности к “социалистической нации” аварцев, удмуртов, тувинцев, хакасов или алтайцев в пользу еще более узких идентичностей – так называемых субэтносов, количество которых уже исчисляется десятками» [14, с. 152]. Кроме того, сами понятия «этническая общность» и «этническая община» в мегаполисах и крупных городах – весьма условны и не имеют сколь-нибудь значительных фактических и правовых оснований, поэтому у национально-культурных общественных объединений отсутствуют полномочия представлять интересы всех, кто себя с такими общностями идентифицирует.

Не подлежит сомнению идеологический сдвиг в сторону широкого распространения этнонационалистических установок и настроений в массовом политическом сознании. Не потому ли опросы, проведенные в марте 2006 г. ВЦИОМом и Фондом «Общественное мнение» (ФОМ) в 44 регионах России, показали, что 12% населения считают, что в «фашизме есть что-то положительное», а каждый четвертый думает, что фашистские методы решения национальных проблем «особой опасности не представляют» [9]? По данным ФОМ, «только один из пяти опрошенных осудил погромщиков в Кондопоге. Тех, кто их поддерживает, – в два с половиной раза больше. В их глазах люди там отстаивали свои права, боролись с засильем приезжих с Кавказа» [18]. Социологическое сообщество бьет тревогу: «Больше половины россиян поддерживают идею “Россия – для русских”» [18]. Согласно опросу Левада-Центра, «34% из нас согласны с тем, что “во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей”, 42% предлагают ограничить проживание

на территории страны выходцев с Кавказа, 41% – китайцев, 23% – жителей среднеазиатских республик» [18].

Спустя четыре года, в 2010 г., исследования ВЦИОМа показали, что 47% граждан отмечают ухудшение межнациональных отношений в стране, 32% (ФОМ) считают, что многонациональность России скорее приносит больше вреда, чем пользы, а 24% испытывают раздражение или неприязнь по отношению к представителям той или иной национальности. 56% (Левада-Центр) считают, что массовые кровопролитные столкновения на национальной почве возможны [12].

Данные, представленные ВЦИОМом в 2014 г., показывают обеспокоенность половины граждан России (49%) ростом напряженности и нетерпимости в сфере межнациональных отношений. Жители Москвы и Санкт-Петербурга настроены по этому поводу особенно скептически (64%). Оценка россиян стала более негативной, нежели в предыдущие годы (см. табл. 1) [5].

Таблица 1

КАК НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЗА ПОСЛЕДНИЙ ГОД ИЗМЕНИЛИСЬ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В РОССИИ?
(закрытый вопрос, один ответ)

	2006	*2008*	*2010*	*2011*	*2013*
Они стали напряженнее, нетерпимее	36	24	32	39	49
Какими были, такими и остались	40	40	44	40	39
Стали более терпимыми	17	27	16	11	9
Затрудняюсь ответить	7	9	8	10	3

Кроме того, этнонационалистический вектор общественного мнения проявляется и в этнических предпочтениях опрошенных. Так, среди многочисленных национальностей наши сограждане в первую очередь симпатизируют «русским» (40%). В особом расположении ко всем «славянским народам» признались 5% опрошенных, еще по 2% выделили «кавказцев» и «татар». Только каждый десятый респондент (11%) одинаково относится ко всем и не отдает предпочтение ни одной национальности. Треть наших сограждан (31%) не смогла выделить ни один народ (см. табл. 2) [5].

С вышеизложенным взглядами согласуются данные, полученные в ходе социологического опроса, проведенного некоммерческим партнерством «Дальневосточный институт социально-политических исследований» 2–9 июля 2015 г. в г. Хабаровске под руководством известного дальневосточного политолога И.Ф. Ярулина (подобные опросы по сходной методике проводились в Уфе (2006), Краснодаре (2007), Астрахани (2009), Хабаровске (2010)) [19, с. 131]. В рамках исследования миграционной ситуации представителям местного (в большинстве своем русского) населения были заданы

вопросы, касающиеся их предпочтений относительно того, представителей каких национальностей следует принимать на Дальнем Востоке (см. табл. 3) [19, с. 132].

Таблица 2

К ЛЮДЯМ КАКОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ ВЫ ИСПЫТЫВАЕТЕ ЧУВСТВО НАИБОЛЬШЕЙ СИМПАТИИ?
(открытый вопрос, любое число ответов, в таблице указаны ответы, названные не менее чем 1% опрошенных)

	Все опрошенные
Русские	40
Славянские народы	5
Кавказцы (адыги, армяне, грузины, кабардинцы)	2
Татары	2
Белорусы	1
Украинцы	1
Европейцы (англичане, французы, немцы, итальянцы, испанцы)	1
Народы Средней Азии (таджики, узбеки, казахи)	1
Буряты	1
Ко всем национальностям отношусь одинаково	11
Таких народов, национальностей нет	31
Другие	1
Затрудняюсь ответить	4

Таблица 3

С КАКИМИ ИЗ ПЕРЕЧИСЛЕННЫХ УТВЕРЖДЕНИЙ ВЫ СОГЛАСНЫ?

Вариант ответа	*%*
Дальний Восток должен принимать преимущественно русских из бывших республик СССР	25,5
Дальний Восток должен принимать всех мигрантов, желающих здесь жить и работать, независимо от национальности и страны происхождения	8,1
Россия должна принимать только беженцев, независимо от их национальности	9,8
Чем меньше на Дальнем Востоке мигрантов, тем лучше	44,3
На Дальнем Востоке нужно принимать всех мигрантов	3,8
Затрудняюсь ответить	8,5

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод, что этнические предпочтения в большинстве своем связаны с желательностью приема в основном русских. Это свидетельствует «об очевидности “этнической” и ограничительной ориентации миграционной политики на федеральном уровне» [19, с. 132]. Складывающееся общественное мнение, таким образом, основано в значительной степени на противопоставлении по линии «наши» – «не наши». По своей глубинной природе оно носит, по нашему убеждению, нормативно-

ориентационный характер. Можно согласиться с И.Ф. Ярулиным, что «важным моментом в системе межэтнической коммуникации является нормативная ориентация, которая понимается как стандарт выбора, в соответствии с которым цель связывается с ситуацией» [19, с. 128]. Несовпадение целей этнических мигрантов с тем образцом, который представляется желательным для населения принимающего общества, является существенным проблемообразующим, конфликтогенным фактором во взаимодействии этих социальных субъектов. Именно поэтому «вероятностная кривая направленности межэтнических интеракций отклоняется в сторону негативных стратегий взаимодействия» [там же].

Логично предположить, что представления, установки и убеждения этнического национализма являются превращенными формами массового сознания, выражающими социальное недоверие к общностям, которые воспринимаются как «социально другие» [там же] и от которых, по мнению местного этнического большинства, исходит культурная, социальная, физическая или иная угроза.

Таким образом, преодоление этнического национализма является важным условием формирования российской нации: всё здесь зависит от того, на основе каких политико-идеологических принципов, какой системы ценностей государственная власть управляет национально-этническими отношениями, объединяя различные народы в единое полиэтническое государство. Такая ценностная система должна быть публично заявлена и включать в себя установку на гражданский патриотизм и этническую толерантность.

Демократическая этнополитика предполагает раннее предупреждение ксенофобии, расизма и этнического национализма, а также их жесткое пресечение. Факты активности государственных институтов в этом направлении необходимо делать достоянием широкой общественности. Национально-культурным организациям, в свою очередь, необходимо вести конструктивный диалог с властями на разных уровнях, сохранять этнические традиции и язык, устранять проявления дискриминации в различных сферах общественной жизни.

Полезно будет и современное переосмысление опыта «интернационального и патриотического воспитания трудящихся», накопленного в советский период. Это поможет научному обоснованию демократической этнополитики и культуры межэтнического общения в условиях формирования российской гражданской нации, преодолению догм этнического национализма.

Литература

1. Ачкасов В.А. «Мобилизованная этничность»: Этническое измерение политической культуры современной России / В.А. Ачкасов, С.А. Бабаев; С.-Петерб. гос. ун-т; С.-Петерб. философское общество. – СПб., 2000. – 144 с.

2. Ачкасов В.А. Этническая ксенофобия и миграционные процессы в современной России / В.А. Ачкасов // Ксенофобия и другие формы нетерпимости: Природа, причины и пути устранения: Междунар. науч.-теор. конф. (Санкт-Петербург, 27–28 сентября 2007 г.) / Науч. ред. В.А. Ачкасов, Д.З. Мутагиров. – СПб., 2007. – С. 43–49.

3. Байкальский регион: Правовое поле этнополитической ситуации (1992–2001) / Авт.-сост. Ю.Н. Пинигина. – М.; Иркутск, 2002. – 311 с.

4. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 418 с.

5. Всероссийский центр изучения общественного мнения. – Режим доступа: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114690 (Дата обращения: 31.05.2016.)

6. Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилёв; под ред. В.С. Жекулина. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 526 с.

7. Дятлов В.И. Диаспора: Экспансия термина в общественную практику современной России / В.И. Дятлов // Диаспоры. – 2004. – № 3. – С. 126–138.

8. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Методология, теория, регионалистика: монография / А.С. Ким; под науч. ред. И.Ф. Ярулина. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2011. – 330 с.

9. Костиков В. Мигранты: Быть или не быть? / В. Костиков // Аргументы и факты. – 2006. – № 15. – С. 8.

10. О национально-культурной автономии: Федер. закон от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2965.

11. Поздняков А. Прописано законом, изменено жизнью / А. Поздняков // Российские корейцы. – 2008. – Май. – № 103. – С. 4.

12. Россия – для кого? // Аргументы и факты. – 2011. – № 7. – С. 6–7.

13. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос / И.В. Сталин. – М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1938. – 232 с.

14. Тишков В.А. О культурном многообразии / В.А. Тишков // Этнодиалоги. Альманах. Приложение к журналу «Этносфера». – 2006. – № 1 (24). – С. 150–168.

15. Тишков В.А. Этнология и политика: статьи 1989–2004 гг. / В.А. Тишков. – М.: Наука, 2005. – 240 с.

16. Фадеичева М.А. Диаспора и состояние этнического индивида / М.А. Фадеичева // Диаспоры. – 2004. – № 2. – С. 140–154.

17. Фадеичева М.А. Идеология и дискурсивные практики «нашизма» в современной России / М.А. Фадеичева // Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 53–60.

18. Цепляев В. Станет ли Россия одной большой Кондопогой? / В. Цепляев // Аргументы и факты. – 2006. – № 38. – С. 8.

19. Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» при анализе этнических миграций / И.Ф. Ярулин // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2016. – № 1 (49). – С. 128–133.

Л.С. Косикова

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИЙ

Косикова Лидия Серафимовна – кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Во втором десятилетии XXI в. резко выросло число региональных торговых и торгово-инвестиционных соглашений между различными странами, а также между региональными союзами. Начинают складываться трансрегиональные партнерства по торговле и инвестициям, объединяющие десятки стран в разных регионах мира: уже учреждено Транстихоокеанское партнерство, ведутся переговоры по созданию Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, заявлено о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства.

Российские ученые пишут о необходимости учета новых тенденций «глобализации регионализма» во внешнеэкономической стратегии России, а также ее партнеров по интеграции в интересах укрепления конкурентоспособности национальных экономик и устойчивости социально-экономического развития в условиях глобальной нестабильности [8, с. 5–13]. В научном сообществе ведутся дискуссии о необходимости и возможностях совмещения интеграции на постсоветском пространстве, прежде всего в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с интеграцией в Европе – с расширенным Евросоюзом (ЕС-28), с интеграционными процессами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Весьма популярна идея формирования широких и открытых «общих экономических пространств», а также углубленных зон свободной торговли, связующих разные региональные союзы и экономики отдельных государств.

Евразийская интеграция в контексте нового регионализма

Термин «евразийская интеграция», или «евразийская региональная интеграция», трактуется в настоящее время как в узком, так и в широком смысле, в зависимости от того, какими рамками аналитики ограничивают регион «Евразия». В узком понимании – это проект региональной интеграции новых независимых государств, расположенных в регионе СНГ, или в Новой Евразии; ее «ядром» стал Евразийский экономический союз (ЕАЭС, учрежден в 2015 г.), пришедший на смену организации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС, 2000–2014 гг.). Региональная евразийская интеграция в узком смысле – это по существу постсоветская интеграция.

Широкая трактовка евразийской интеграции подразумевает совокупность интеграционных процессов и проектов на всем обширном суперконтиненте Евразии, от Атлантики до Тихого океана. В Евразии в настоящее время проживают две трети населения нашей планеты (4,8 млрд человек) и производится более половины мирового ВВП (порядка 40 трлн долл.), здесь зародились древнейшие цивилизации мира. Ресурсное и транспортное значение Евразии чрезвычайно велико для мировой экономики и жизнедеятельности населения, и в ближайшие годы оно будет возрастать. Широкую евразийскую интеграцию Е. Винокуров и А. Либман предложили обозначать удачным, на наш взгляд, термином «евразийская континентальная интеграция». Авторы считают, что этот процесс должен быть направлен на «взаимопроникновение и взаимопереплетение ранее обособленных регионов – Европы, постсоветского пространства, Центральной, Восточной и Южной Азии» [2, с. 6–7]. При этом они подчеркивают очень важную мысль: «Одной из ключевых предпосылок евразийской интеграции является понимание того, что региональные проекты сотрудничества должны носить не взаимоисключающий, а взаимодополняющий характер. Этот принцип очень важно применить и по отношению к интеграции на постсоветском пространстве» [2, с. 8].

Именно в контексте широкой трактовки евразийской интеграции сегодня обсуждаются проблемы и перспективы сочетания, взаимной увязки и взаимодополнения интеграционных процессов, разворачивающихся на пространстве «от Лиссабона до Владивостока» [4, с. 79–95; 5, с. 15–18; 12]. Все более широкое хождение в научной литературе и в официальных документах получает термин «сопряжение», или «сопряженность» [6, с. 214]. Он используется применительно к различным интеграционным проектам в Европе и на постсоветском пространстве, а в последнее время – также к проектам интеграции России и постсоветских государств с Китаем, другими странами Азии (Экономический пояс Шёлкового пути, сотрудничество ЕАЭС и ШОС).

Главный проект евразийской интеграции на постсоветском пространстве – формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который объединяет пока пять стран: Россию, Казахстан, Беларусь, Армению и Киргизию. Первые три считаются государствами – основателями ЕАЭС, подписавшими учредительный Договор (Астана, 29 мая 2014 г.). Армения присоединилась к ЕАЭС в качестве полноправного члена 2 января 2015 г., Киргизия – 12 августа 2015 г. О желании вступить в ЕАЭС уже заявил Таджикистан.

Среди всех действующих в настоящее время и ранее существовавших региональных группировок на постсоветском пространстве Евразийский экономический союз – самое продвинутое объединение как с институциональной точки зрения, так и по уже достигнутому уровню экономической интеграции. В ЕАЭС функционирует наднациональный орган регулирования интеграционных процессов – Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), учитывающая в своей деятельности опыт Еврокомиссии в Брюсселе. ЕАЭС как интеграционная группировка уже прошел стадию формирования Таможенного союза и перешел к формированию Единого экономического пространства (ЕЭП), понимаемого как совокупность гармонизированных общих рынков товаров, услуг, рабочей силы и капиталов стран-участниц. За 25 лет после распада СССР и образования новых независимых государств ни в одной из региональных организаций – ни в Содружестве в целом, ни в предшественнике ЕАЭС – в Евразийском экономическом сообществе – такого уровня экономической интеграции достичь не удавалось[1]. Поэтому создание ЕАЭС можно считать началом реальной, а не декларированной интеграции России со странами СНГ. К этому проекту присматриваются и другие государства СНГ, не входящие в состав ЕАЭС, а также зарубежные партнеры. В мае 2015 г. было подписано соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом, ведутся переговоры о торгово-экономическом сотрудничестве еще с более чем 40 государствами мира.

В настоящее время актуальной задачей формирования и укрепления ЕАЭС считается развитие всестороннего сотрудничества Союза с другими интеграционными объединениями и третьими странами, создание «внешнего контура» евразийской интеграции [7, с. 72; 3; 10]. Под «внешним контуром»

1. В рамках СНГ функционирует многосторонняя зона свободной торговли (с 2011 г.), но она объединяет не всех членов СНГ и характеризуется изъятиями и ограничениями из режима ЗСТ, что дает основания считать торговлю в СНГ не свободной, а преференциальной. В ЕврАзЭС, просуществовавшем с 2000 по 2014 г. удалось создать только Таможенный союз, хотя первоначальные планы интеграции были рассчитаны на более продвинутые стадии взаимодействия, вплоть до валютного союза.

понимается система торгово-экономических отношений с внешними партнерами, не входящими в ЕАЭС.

Почему сегодня в повестку дня развития ЕАЭС встал вопрос о расширении рамок региональной интеграции и о сопряжении с другими интеграционными процессами как в Евразии, так и других регионах мира?

Прежде всего это связано с тем, что потенциал внутреннего расширения ЕАЭС практически исчерпан. В его нынешнем составе только три экономики – России, Казахстана и Беларуси – можно считать достаточно развитыми в масштабах СНГ, тогда как малые экономики Армении и Киргизии пока еще отстают в своем развитии. Присоединение Таджикистана вряд ли укрепит общий экономический потенциал ЕАЭС.

ЕАЭС сегодня – это только 3,2% мирового ВВП (примерно 2,2 трлн долл.), демографический потенциал Союза тоже ограничен – всего 182 млн человек, из которых меньше половины составляет экономически активное население (92,9 млн человек). Тем самым ЕАЭС не является самодостаточным рынком (в теории должно быть не менее 250–300 млн человек), способным на равных встроиться в систему мирохозяйственных связей. В условиях тектонических изменений в мировой торговле Евразийский экономический союз оказывается в проигрышной ситуации по сравнению с крупнейшими региональными союзами мира и формирующимися партнерствами.

Начальный этап функционирования ЕАЭС, связанный с устранением торговых барьеров между странами – участницами в рамках Таможенного союза ЕАЭС, еще не реализованного в полном объеме, способен обеспечить не более 1/3 возможного синергетического эффекта от интеграции. В то же время 2/3 эффекта способна была бы обеспечить тесная промышленная и технологическая кооперация в рамках интеграционной группировки, но она практически отсутствует. Производственно-технологическая кооперация в ЕАЭС имеет мало перспектив развития на собственной основе в ближайшие годы, поскольку промышленный базис за годы системных трансформаций в значительной мере разрушен, а страны – участницы ЕАЭС заметно отстают в технологическом развитии от ведущих экономик мира и вынуждены ориентироваться на импорт оборудования и технологий из третьих стран. В этой ситуации только тесные торговые и инвестиционные связи с третьими странами способны обеспечить модернизацию стран ЕАЭС и усиление их коллективных конкурентных позиций в мире.

ЕАЭС и ЕС: Экономическое притяжение и геополитическое соперничество

В первую очередь ЕАЭС заинтересован в «наведении мостов» с Евросоюзом, как со своим естественным торговым и инвестиционным партнером.

В теории международной торговли считается аксиомой, что наиболее тесные торговые связи должны поддерживать между собой страны-соседи, а такие государства – члены ЕАЭС, как Россия, Беларусь и Армения, имеют непосредственные границы с Европейским союзом. Статистика взаимных связей показывает, что несмотря на объективно растущую роль азиатского вектора внешних связей России и стран ЕАЭС, Евросоюз остается для них ключевым партнером. На ЕС приходится 51% совокупного экспорта и 41% совокупного импорта Евразийского союза. В свою очередь, ЕАЭС – третий по величине партнер ЕС после США и Китая, а Россия – четвертый, если рассматривать объем ее торговли отдельно от других стран ЕАЭС. Евросоюз – крупнейший инвестор в страны Евразии, на него приходится 62% всех прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в России и 90% ПИИ в Казахстане[2].

Сложились долговременные взаимозависимости между ЕС – Россией и ЕС – Казахстаном по поставкам газа и нефти, от которых критически зависит, с одной стороны, потребление в Евросоюзе, а с другой – надежный сбыт энергоресурсов стран ЕАЭС. Казахстан направляет в ЕС 70% всего экспорта своей нефти, прежде всего в такие страны, как Италия, Франция, Нидерланды, Австрия, Румыния. Беларусь – крупный поставщик нефтепродуктов в Европу.

Европейские страны положительно оценивают инвестиционный климат в Казахстане, особенно благоприятную систему налогообложения. Среди больших европейских игроков в РК работают такие энергетические компании, как *Eni* (Италия), *Total* (Франция), *Royal Dutch Shell*. Вне энергетического сектора успешно оценивается работа испанских компаний – производителей вагонов, немецких производителей цемента, французских фирм в молочной промышленности, в сфере производства железнодорожного транспорта и энергогенерирующего оборудования. В Казахстане европейские компании-инвесторы управляют крупнейшими предприятиями или участвуют в совместных предприятиях[3].

Экономические и политические санкции против России, введенные ЕС, не коснулись партнеров России по ЕАЭС. За последние два года ЕС продвинулся с ними не только в экономическом, но и в политическом сотрудничестве. Так, между Евросоюзом и Казахстаном было заключено Соглашение о расширенном партнерстве и сотрудничестве (21 декабря 2015 г.). ЕС и Беларусь за последнее время активизировали сотрудничество по программе «Восточное партнерство» (ВП), признав последние по времени выборы Президента

2. Данные Центра интеграционных исследований ЕАБР, основанные на мониторинге отчетности тысяч компаний. – РБК, 16.12.2016.

3. По докладу Нацбанка Республики Казахстан, май 2016. – inopress/kg/news/id/45881

РБ (октябрь 2015 г.) легитимными, а также отдавая должное Минску в посредничестве при урегулировании российско-украинских отношений (Минские договоренности по Украине). ЕС и Армения также продолжают сотрудничество по программе «Восточное партнерство», и уже после вступления Армении в ЕАЭС возобновили переговоры по новому торгово-инвестиционному соглашению ЕС – Армения.

Ранее предпринимались попытки наладить диалог двух союзов на уровне наднациональных комиссий – органов управления интеграционными процессами. В октябре 2015 г. главе Еврокомиссии Ж.-К. Юнкеру по дипломатическим каналам были направлены предложения по сопряжению интеграционных процессов ЕС и ЕАЭС. Кроме того, председателю ЕК передали памятную записку (меморандум) «Евразийский экономический союз – Европейский союз: контуры сотрудничества». В ней нашли отражение инициативы, утвержденные на заседании глав правительств стран ЕАЭС (8 сентября 2015 г., Гродно). Предложения касаются вопросов интеграции двух объединений[4]. Официальный ответ Ж.-К. Юнкера, направленный в адрес президента В. Путина, после их встречи на «полях» G20 в Турции, который журналисты окрестили «вежливым отказом», однозначно увязывает начало переговоров между ЕС и ЕАЭС с выполнением Минских соглашений по Украине[5].

В 2016 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев предлагал провести на высоком уровне совместную конференцию Европейского и Евразийского союзов с участием ведущих политиков и экспертов, чтобы снять спорные вопросы и продвинуть торговое сотрудничество[6]. Однако инициативы стран – членов ЕАСТ не получили положительного отклика Еврокомиссии. Вопрос о торгово-экономическом сотрудничестве ЕС – ЕАЭС сильно политизируется, увязывается с введенными ЕС санкциями против России. Нельзя не видеть и такой очевидный факт, как оказание давления на Европу со стороны США, всячески препятствующих процессам интеграции и реинтеграции на постсоветском пространстве. Поэтому брюссельская бюрократия предпочитает пока развивать двусторонние отношения с отдельными странами – членами ЕАЭС. В то же время бизнес-круги России и ЕС, Казахстана и ЕС выступают за скорейшее снятие санкций, наносящих огромный ущерб, и за сотрудничество обоих союзов.

4. Евразийский союз направил в Брюссель предложения по сопряжению интеграционных процессов двух объединений / Сообщение агентства «Интерфакс», Москва, 15 октября 2015 г.

5. http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2454939БРЮССЕЛЬ, 19 ноября 2015 г.

6. Казахстан хочет сблизить ЕС и ЕАЭС. – http://namig.kz/news/kazahstan-hochet-sblizit-es-i-eaes

Между ЕС и ЕАЭС: Интеграционные интересы стран «Восточного партнерства»

В 2015–2016 гг. к проблеме сочетания двух интеграций проявляли интерес государства, участвующие в проекте ЕС «Восточное партнерство» (Украина, Молдова, Беларусь, Армения, Грузия, Азербайджан). В настоящее время эти «промежуточные» постсоветские страны, расположенные между Россией и расширенным Евросоюзом, оказались в положении восточной периферии ЕС, без четко очерченной перспективы вступления в ЕС и без ощутимой финансовой и экономической помощи с его стороны. Из шести «восточных партнеров» три страны уже стали ассоциированными членами ЕС, но не кандидатами на вступление, как это происходило в случае со странами Балтии и государствами Центрально-Восточной Европы. Так, в 2014 г. были подписаны Соглашения об ассоциации Украина – ЕС, Молдова – ЕС и Грузия – ЕС, составной частью которых являются договоры об углубленных и расширенных зонах свободной торговли (DCFTA). Два государства – Беларусь и Армения – вступили в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), а Азербайджан не участвует ни в той, ни в другой системе региональной интеграции, но остается участником программы «Восточное партнерство».

Результаты торгово-экономического сотрудничества в рамках «евроассоциации» во многом не устраивают сегодня «восточных партнеров», они существенно расходятся с теми оптимистичными ожиданиями, которые существовали на стадии подготовки к подписанию соглашений. Это можно видеть на примере экономической ситуации на Украине и в Молдове.

Украина после событий «евромайдана» подписала сначала только политическую часть соглашения об ассоциации с ЕС (март 2014 г.). Уже тогда публиковались экономические прогнозы, в соответствии с которыми экспорт украинских товаров за год может увеличиться на 1 млрд долл.[7] Но итоги внешней торговли Украины за 2014–2015 гг. опровергли оптимистичные прогнозы. По данным Госстата Украины, в первый год действия соглашения об ассоциации с ЕС внешнеторговый оборот страны сократился со 138,1 до 108,3 млрд долл., упав до минимального объема внешней торговли после докризисного 2008 г. Экспорт украинских товаров на внешние рынки в 2014 г. снизился по стоимости с 62,3 до 53,9 млрд долл., а импорт «сжался» еще больше – с 75,8 до 54,4 млрд долл.[8] Но это было только начало: в 2015–

7. Как Украина торговала с ЕС: Год после подписания экономчасти соглашения об ассоциации. – http://www/segodnya.ua/img/foral/users/576/57697/00_06jpg

8. За год внешнеторговый оборот Украины сократился на четверть. – http://www.ukrrudprom.com/news/Za_god_vneshnetorgoviy_oborot_Ukraini_sokratilsya_na_chetvert.html

2016 гг. падение внешнеторгового оборота продолжалось как за счет украинского экспорта, так и импорта (см. табл.).

Таблица

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ УКРАИНЫ В 2013–2016 гг., млрд долл.

	2013	*2014*	*2015*	*2016 (6 месяцев)*
Товарооборот – всего	138,1	108,3	75,6	33,9
Экспорт	62,3	53,9	38,1	16,6
Импорт	75,8	54,4	37,5	17,3
Торговля с ЕС				
Экспорт	16,8	17,0	13,0	6,5
Торговля с Россией				
Экспорт	14,8	9,8	4,8	3,5

Источник: Госстат Украины.

В первом полугодии 2016 г. внешнеторговый оборот сократился по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года еще на 10,7%, составив всего 33,9 млрд долл. Украина не смогла преодолеть негативные тенденции последних трех лет во внешней торговле, несмотря на улучшение внутренних и внешних условий развития по сравнению с тяжелейшим 2014 г., в частности за счет помощи со стороны правительств США и ЕС, кредитов от МВФ, отсутствия масштабных боевых действий на Юго-Востоке страны и рекордный урожай зерновых культур. Несмотря на сокращение импорта, отрицательное сальдо во внешней торговле сохраняется, так как экспорт катастрофически снизился. Главная причина – потеря российского рынка сбыта для большинства товаров из Украины, но особенно для продукции с высокой добавленной стоимостью (машиностроительные изделия, продукция ВПК, химическая промышленность). Заменить российский рынок европейским не удалось.

В 2014–2015 гг. экспорт в Россию сократился на 10 млрд долл. или в 3 раза по стоимости (с 14,8 до 4,8 млрд долл.), однако сопоставимого увеличения объемов поставок в Евросоюз не произошло. Экспорт в страны ЕС не только не вырос, но упал с 16,8 млрд долл. до 13 млрд долл. За первое полугодие 2016 г. экспорт в ЕС возрос всего лишь на 400 млн долл, тогда как экспорт в Россию снизился на 800 млн долл. Украинские правительственные эксперты оценили общие стоимостные потери от разрыва связей с Россией за период 2011–2014 гг. в 17 млрд долл.[9]

9. За год внешнеторговый оборот Украины сократился на четверть. – http://www.ukrrudprom.com/news/Za_god_vneshnetorgoviy_oborot_Ukraini_sokratilsya_na_chetvert.html

В рамках экономической части соглашения об ассоциации Украине были предоставлены квоты на беспошлинный вывоз продукции в Евросоюз по 36 товарным группам. В Киеве ожидали, что это окажет стимулирующее воздействие на соответствующие отрасли и положительно скажется на развитии экспорта страны, будет способствовать увеличению объемов валютной выручки. Но эффективность этого механизма оказалась минимальной. По тем товарам, где украинские производители могли быть конкурентоспособны на европейском рынке, ЕС предоставил слишком «узкие» квоты, а потому основная масса продукции экспортировалась с уплатой пошлин (мед, соки, кукуруза). В то же время по половине позиций квоты остались неиспользованными, например по молочной продукции. Причина в том, что значительная часть украинской аграрной продукции – а это основа экспорта в ЕС – не соответствует действующим в Евросоюзе нормам сертификации[10].

Внешнеторговая переориентация Украины с российского рынка и рынка СНГ в целом в пользу Евросоюза сопровождается катастрофическим ухудшением отраслевой структуры экспорта. Из экспортера ракетной, авиационной техники, турбин, тепловозов, горно-шахтного оборудования и транспортных средств Украина превращается в аграрный и сырьевой придаток ЕС, куда поставляет мало обработанное сельскохозяйственное сырье, металлолом, растительные жиры и пр. Утрата традиционных рынков для экспорта высокотехнологичной и среднетехнологичной продукции запустила в стране механизм деиндустриализации. Но теперь официальные ведомства могут отчитаться, что ЕС для Украины – приоритетный партнер по внешней торговле – около 50% товарооборота, тогда как СНГ – 12% экспорта, Россия – около 8%.

Такая ситуация не устраивает огромную армию бывших промышленных рабочих, инженерные и управленческие кадры крупных предприятий, научно-техническую интеллигенцию. Очень многим на Украине стало очевидно, куда ведет экономику страны односторонняя евроориентация.

Молдова подписала Соглашение об ассоциации со странами Европейского союза 27 июня 2014 г., а 2 июля оно было ратифицировано Парламентом РМ. Ранее, в апреле 2014 г. Молдова получила безвизовый режим в отношениях с ЕС. Наибольшие ожидания связывались с открытием европейского рынка и, соответственно, с ростом экспорта молдавских товаров, с увеличением инвестиционной активности и притоком в Молдову иностранных инвестиций, с внешней финансовой поддержкой реформ и развития приоритетных секторов.

10. Внешняя торговля Украины: Дна по-прежнему не видно. – http://nk.org.ua/ekonomika/vneshnyaya-torgovlya-ukrainyi-dna-po-prejnemu-ne-vidno-67998

Реальное положение дел складывается иначе. За год с момента внедрения Соглашения об ассоциации и начала функционирования зоны свободной торговли оправдались худшие ожидания от сближения Республики Молдовы с Евросоюзом: объемы экспорта в страны ЕС не увеличились, общие объемы экспорта сократились, снизилась активность иностранных инвесторов, уже действующих в стране, при этом прихода новых инвесторов не произошло. В то же время сильно ухудшились экономические отношения с Россией и ослабли экономические связи в рамках СНГ. К таким выводам пришли в экспертном докладе молдавские ученые из Центра стратегических исследований и реформ, а также из Национального института экономических исследований[11].

Опираясь на научную экспертизу, лидер Партии социалистов И. Додон, а также бывший премьер-министр РМ З. Гречаная заявляли, что «подписание Соглашения об ассоциации Молдовы с ЕС было ошибкой правящей коалиции и исключительно политическим решением, принятым без расчета экономических последствий от создания зоны свободной торговли с ЕС»[12].

По расчетам европейских экспертов, создание углубленной ЗСТ со странами ЕС должно было принести Молдове выгоду в виде роста экспорта на 16%. Об этом неоднократно заявляли высокопоставленные чиновники Евросоюза, которым вторили молдавские власти, пропагандируя среди населения «европейский выбор». Но в реальности начало перехода к режиму свободной торговли в 2014–2015 гг. не привело к увеличению молдавского экспорта в страны Евросоюза, он остался практически на том же уровне, что и в сопоставимый период 2013–2014 гг. (около 850 млн долл.). В то же время произошел обвал поставок на российский рынок: объем экспорта сократился почти в 2 раза, или на 173 млн долл. Сказались такие изменения в торговле с РФ, как более строгий контроль над ввозом молдавской продукции, а затем введение запрета на поставки из Молдовы в РФ фруктов, плодоовощных консервов и установление таможенных пошлин на ряд товаров. Все это последовало после отказа молдавской стороны провести консультации с РФ в связи с переходом к свободной торговле со странами ЕС. Ничего не приобретя от этого, Молдова понесла большие потери в торговле с Россией. Не меньше разочарований связано и с ожиданием инвестиций в экономику Молдовы.

11. Е. Горелова, М. Пойсик. Экономическая повестка Соглашения об ассоциации между странами Европейского союза и Республикой Молдова – первые итоги / Доклад на Международной конференции «Соглашение об ассоциации между Республикой Молдова и странами Европейского союза: Результаты первого года внедрения», Кишинев, 28 сентября 2015 г.

12. К чему привело Молдавию Соглашение об ассоциации с ЕС. – http://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/29092015-Moldavia/#t20c

В течение IV квартала 2014 – I квартала 2015 г. (Национальное бюро статистики представляет данные об инвестиционной деятельности не помесячно, а поквартально) объем инвестиций, осуществленных иностранными предприятиями, сократился на 27%, а предприятий с иностранным капиталом остался на уровне предыдущего аналогичного периода.

Стоит обратить внимание еще на одну особенность взаимодействия Молдовы с ЕС, а именно: на поступление внешней помощи. В годы, предшествующие подписанию Соглашения об ассоциации ЕС – РМ, объемы внешних финансовых вливаний в виде грантов и кредитов росли, притом быстрее, чем бюджетное финансирование из собственных источников. В 2014 г. внешнее финансирование расходов госбюджета РМ увеличилось на 64%, в то время как из внутренних бюджетных источников – только на 16%. Если в 2012 г. за счет внешних грантов и кредитов финансировалось 12,6% всех расходов государственного бюджета Республики Молдова, то к 2014 г. этот показатель достиг 18,2%. Однако помощь в стабилизации бюджета сама по себе не может обеспечить ускорение экономического развития страны, она для этого и не предназначена.

До недавнего времени западные доноры были достаточно снисходительны к тому, что молдавские власти не выполняли тех обязательств, которые они принимали, чтобы получать внешнее финансирование: борьба с коррупцией, открытость и устойчивость банковского сектора, реформы. Однако отсутствие реальных успехов в реформировании и скандал с выводом в офшоры через банковскую систему страны 1 млрд долл. «неизвестным получателям», что привело к банковскому кризису в Молдове, повлияли на политику ЕС и международных финансовых организаций. Всемирный банк и Евросоюз объявили о замораживании средств (около 90 млн долл.), планировавшихся для поддержки бюджета РМ в 2015 г. Банковский скандал разразился уже после подписания и ратификации Соглашения об ассоциации с ЕС, в период его «практического» внедрения. Последствия снижения объемов внешней помощи для всей экономики Молдовы оказались слишком серьезными: ВВП в третьем квартале 2015 г. упал на 4%, экономика впадает в рецессию, отмечается резкая девальвация лея, разгон инфляции, повышение тарифов на электроэнергию, газ и теплоснабжение, рост процентных ставок по кредитам, неустойчивость банковской системы, т.е. экономическая дестабилизация. Это вызвало и серьезные социальные последствия.

На фоне снижения жизненного уровня граждан Молдовы в стране растут протестные настроения и участились антиправительственные выступления. Появились требования радикально сменить внешнеполитический курс[13].

13. Святослав Князев. Молдова подает пример здравого смысла «еврососедям». 21.01.2016. – http://politrussia.com/world/moldova-podaet-primer-890/

К этому следует добавить, что в автономной области Молдовы – в Гагаузии – всегда были и усилились в настоящее время настроения в пользу союза со странами ЕАЭС, так же как и в официально не признанной Приднестровской Молдавской Республике (ПРМ).

Другой пример отношений с ЕС у стран «Восточного партнерства», имеющих полноправное членство в ЕАЭС. Это Республика Армения и Республика Беларусь. Армения выбрала в качестве внешнеполитического и внешнеэкономического приоритета вступление в Евразийский экономический союз (2 января 2015 г.). Но официальный Ереван всегда заявлял, что не противопоставляет евразийскую интеграцию европейскому направлению связей и намерен продолжать переговоры с Евросоюзом по новому формату соглашения, чтобы избежать экономической изоляции от Запада, а также привлечь дополнительные иностранные инвестиции в свою экономику со стороны многочисленной армянской диаспоры. Естественно, что после присоединения Армении к договору о ЕАЭС это уже не будет Соглашение об ассоциации.

В октябре 2015 г. Совет ЕС уполномочил Еврокомиссию начать переговоры о новом договоре с Арменией, который заменит существующее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) и будет принимать во внимание членство Армении в ЕАЭС. «Мы хотим показать, что вполне возможно быть членом ЕАЭС и поддерживать хорошие отношения с Евросоюзом. Документ, заключенный с Арменией, станет моделью, создаст прецедент для подобных отношений», – заявил глава делегации Европейского союза в Армении Петр Свитальский в интервью агентству «Новости-Армения»[14]. И в ЕС, и в Армении надеются, что подписание документа станет психологическим сигналом для европейского бизнеса о том, что к Армении можно и нужно проявлять интерес.

Статистика торговли Армении по итогам 2014 г. показала, что хотя товарооборот со странами ЕАЭС увеличивался быстрее, чем с ЕС (рост на 11% против снижения на 4,8%), удельный вес Евросоюза в товарообороте Армении все еще остается более высоким, чем доля ЕАЭС: 26,6% против 24,4%[15]. Объем внешней торговли с ЕС у Армении составлял в 2014 г. 1574 млн долл., а со странами ЕАЭС – 1450,3 млн долл.[16] Республика хотела бы этот паритет сохранять. Переговоры по новому двустороннему соглашению между ЕС

14. Новости-Армения, 18 февраля 2016. – http://newsarmenia.am/news/interview/posol-petr-svitalskiy-na-primere-armenii-es-sozdaet-pretsedent-sotrudnichestva-s-chlenami-eaes-/

15. Аспекты.net/24.03.2015.

16. Национальная статистическая служба Республики Армения. Офиц. данные. 2015.

и Арменией начались в Брюсселе 16 февраля 2016 г. Официального названия новому соглашению пока нет, но ряд источников именует его как «соглашение по торговле и инвестициям»[17].

Беларусь, как страна – учредитель ЕАЭС, но одновременно участница программы «Восточное партнерство», последовательно выступает за формирование устойчивых механизмов диалога и сотрудничества между ЕАЭС и другими интеграционными объединениями. Президент Александр Лукашенко еще в 2011 г. говорил об идее «интеграции интеграций». Несмотря на некоторые ограничения, РБ участвует в многостороннем компоненте программы, в частности во всех четырех тематических платформах ВП, в том числе «Экономическая безопасность и сближение с отраслевой политикой ЕС», «Энергетическая безопасность». По инициативе Беларуси в 2011 г. создан Деловой форум ВП в качестве платформы для диалога и сотрудничества между бизнес-кругами и экономическими структурами стран-партнеров и ЕС. В 2014 г. Беларусь выступила с предложением о запуске новой флагманской инициативы по гармонизации цифровых рынков ЕС и стран – участниц «Восточного партнерства».

Начались переговоры между Республикой Беларусь и Европейским союзом по заключению соглашений об упрощении визовых процедур и о реадмиссии, а также консультации по вопросам модернизации для определения взаимоприемлемой формы будущего сотрудничества между Правительством Беларуси и ЕС в этой сфере.

В рамках реализации Европейского инструмента соседства и партнерства в 2007–2013 гг. Беларуси выделено 71,6 млн евро на программы и проекты в сфере энергоэффективности, экологии, стандартизации, медицины, регионального развития. По линии программ трансграничного сотрудничества ЕС «Польша – Украина – Беларусь», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Регион Балтийского моря» в Беларуси реализованы проекты с общим бюджетом около 55 млн евро. В 2014 г. Евросоюз принял Индикативную программу для Беларуси на 2014–2017 гг., предусматривающую финансирование проектов и мероприятий в области социальной политики, экологии и развития регионов[18].

Сложившаяся новая ситуация в Восточной Европе после подписания соглашений об ассоциации между рядом стран СНГ и ЕС, и почти одновременный запуск проекта Евразийского экономического союза актуализировали для многих постсоветских государств задачу двухвекторной интеграции.

17. РИА Новости. 16.02.2016. Переговоры по торговле и инвестициям ЕС и Армении начались в Брюсселе.

18. Официальные данные МИД РБ. – http://mfa.gov.by/mulateral/organization/list/c723f8823e56d467.html

Предпринимаются попытки найти решения этой проблемы в политической практике, в частности скорректировать программу «Восточное партнерство». Какие же предложения выдвигаются в этом направлении? Мы попытались обобщить некоторые из концептуальных подходов, обсуждаемых экспертами и политиками.

Варианты взаимодействия евразийского и европейского интеграционных проектов

1. Формирование общего экономического пространства ЕС и ЕАЭС. Несмотря на разочарования и неудачи в ходе практической реализации концепции формирования Общеевропейского экономического пространства (ОЕЭП), выдвинутой в начале 2000-х годов, российская сторона в настоящее время фактически пытается реанимировать эту идею, но уже не между РФ и ЕС, а между Евразийским экономическим союзом и Евросоюзом.

Такой вариант сотрудничества специалисты трактуют по-разному.

Один из наиболее распространенных подходов – создание зоны свободной торговли между ЕС и ЕАЭС. Объективная потребность в данном интеграционном формате взаимодействия, несмотря на все политические противоречия, убедительно доказана расчетами российских экономистов [11, с. 6–19]. Опираясь на анализ статистических данных по внешним связям России с ЕС, авторы настаивают на необходимости создания полноценной зоны свободной торговли между ЕС и РФ, а не рассуждений об абстрактных «общих пространствах». Они пишут: «Россия нуждается в ЕС как в рынке сбыта и как в важнейшем партнере в технологическом развитии. В связи с этим пришло время перевести данную тему в область практических расчетов и переговоров как на уровне экспертного сообщества, так и правительственных структур» [11, с. 19]. Подобную идею поддерживают и немецкие эксперты, поскольку ЕС при существующей структуре взаимной торговли будет в выигрыше.

Директор Центра интеграционных исследований ЕАБР Е. Винокуров считает, что даже углубленная ЗСТ ЕС – ЕАЭС будет невыгодна России и другим членам Евразийского союза. По его мнению, между Евразийским союзом и Евросоюзом нужно заключать комплексное соглашение, что будет также чрезвычайно позитивным импульсом развития для стран «общего соседства» – Украины, Молдовы, Грузии, Азербайджана. Предполагаемое соглашение в силу огромного круга поднимаемых тем должно иметь характер «мегасделки». Проблемы, связанные с уступками со стороны ЕАЭС в торговле, должны быть компенсированы выгодами от сотрудничества с ЕС в других сферах. В их числе применение Третьего энергопакета ЕС к проектам российского газового экспорта; создание общего рынка электроэнергии ЕС – ЕАЭС; устранение нетарифных барьеров в торговле, регулирование транс-

граничной электронной торговли и целый ряд других важных для бизнеса вопросов[19].

2. Идея выстраивания «треугольника» отношений: ЕС – страны «Восточного партнерства» – ЕАЭС. Впервые подобная идея была высказана еще в 2005–2006 гг., после появления европейской политики соседства для стран СНГ, но тогда она подразумевала согласование интересов в треугольнике «Евросоюз – страны – соседи ЕС в СНГ – Россия» и во многом повторяла концепцию Общего европейского экономического пространства. Имелось в виду, что Россия заключит соглашение о зоне свободной торговли с Евросоюзом, а ее партнеры по СНГ будут инкорпорированы в эту зону.

Теперь же речь идет о скоординированном взаимодействии ЕС, ЕАЭС и трех стран – «восточных партнеров» (Украины, Молдовы и Грузии), которые заключили с ЕС соглашения об ассоциации и углубленных и всеобъемлющих зонах свободной торговли. Если ситуация на Украине нормализуется, можно ожидать возобновления переговорного процесса в трехстороннем формате между Россией, Украиной и Еврокомиссией по двум направлениям – торговым отношениям в области поставок и транзита газа. На определенном этапе могут сложиться условия для переговоров о новых соглашениях по торговле между тремя государствами «ВП» и государствами ЕАЭС, при участии Еврокомиссии, чтобы обеспечить совместимость данных соглашений[20].

3. Идея двухвекторной интеграции стран – членов «Восточного партнерства» – и с Евросоюзом, и с Евразийским союзом. В канун подписания соглашений об ассоциации ЕС с «восточными партнерами» идея возможного одновременного участия Украины и Молдовы в двух союзах (на тот момент – в ЕС и Таможенном союзе) категорически отвергалась в Брюсселе и в целом на Западе[21]. Тогда стояла задача – во что бы то ни стало перетянуть «геополитический канат» в сторону Запада, особенно оторвав Украину от России и включив ее в систему евроатлантической безопасности (НАТО) и европейской интеграции (ЕС). Но сегодня всем стало очевидно, что такой вариант не проходит. Украина в глубоком кризисе, а Запад, поддерживая политически украинскую власть, на деле не готов к масштабной экономической помощи. То же можно сказать и о Молдове. Поэтому западные эксперты начали

19. ЕС и ЕАЭС: Идея «Большой сделки. – URL http://expert.ru/2016/04/8/slozhnoe-stanovlenie/?8841

20. Европейский союз и Евразийский экономический союз: Долгосрочный диалог и перспективы соглашения. Доклад № 38. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2016. – С. 29–30.

21. Напомним, что Украина и Молдова были ассоциированными членами Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), и потому получили официальное приглашение от этой организации вступать в Таможенный союз, который создавался первоначально в рамках именно ЕврАзЭС.

выдвигать «новые» предложения о необходимости сочетания во внешнеэкономической политике «восточных партнеров» европейского и евразийского направлений внешнеэкономических связей.

Так, исполнительный секретарь ЕЭК ООН Кристиан Фриис Бах в своей статье для *Reuters* отмечает: «Экономика Украины зависит от торговых отношений с Евразийским союзом (ЕАЭС) не меньше, чем от торговли с Евросоюзом, и любая попытка отказаться от одного из партнеров может привести к негативным последствиям для страны. …Решение может быть найдено в сбалансированных нормах и правилах торговли. Именно они могут обеспечить доверие и открытость между Россией и Евросоюзом. Несмотря на всю сложность задачи, она вполне реализуема – множество государств являются членами более чем одного торгового соглашения»[22].

Представитель ООН пишет, что «…если Украине удастся объединить соглашения о зонах свободной торговли с Таможенным союзом ЕАЭС и с ЕС, она получит значительные преимущества. Кроме того, в перспективе их получит и весь регион»[23]. Таким образом, предложено дополнить соглашение о ЗСТ Украины с ЕС новым соглашением о ЗСТ между Украиной и ЕАЭС, но по «сбалансированным правилам» торговли. Очевидно, это означает, что в ходе переговоров о ЗСТ между Украиной и ЕАЭС необходимо будет учитывать «правила игры», установленные уже в рамках ЕС и связей Евросоюза с «восточными партнерами».

4. Концепцию двухвекторного сотрудничества применительно не только к торговле, но и к производственной интеграции Украины развивают эксперты международного Венского института сравнительных исследований[24]. Они предлагают обеспечить функционирование в Украине «двойных» технических стандартов: для предприятий – экспортеров в ЕС – евростандарты CEN, CENELEC; а для экспортеров в СНГ и ЕАЭС – прежних ГОСТов. Тем самым можно не только обеспечить сохранение важных схем производственной кооперации, но и сэкономить на очень затратном процессе гармонизации технических норм и стандартов. Эти предложения выглядят очень привлекательными, но процесс разрушения производственно-технологической кооперации зашел слишком далеко, а внедрение технических стандартов на Украине уже запущено. Только в 2015 г. внедрено 27 евростандартов. Очевидно, эта идея могла бы быть применима к новым программам кооперации, если когда-нибудь российская и украинская стороны о них договорятся, или если Украина

22. http://blogsreuters/com/great-debate/2015/03/06/can-new-trad-deals-help-solve-the-ukrainien-conflikt

23. Там же.

24. The Vienna Institute for International Economic Studies «How to Stabilize the Economy of Ukraine» (Background Study, 15 April 2015).

включится в новую кооперацию в рамках ЕАЭС (например, с Белоруссией или Казахстаном), что дало бы стране шанс долговременного закрепления на евразийском рынке. Для этого нужно было бы начать с участия Украины в обсуждениях Программы промышленной политики ЕАЭС, которая уже обретает первые контуры.

5. В Армении идет поиск моделей двухвекторной интеграции, позволяющих модернизировать национальную экономику и сделать ее экспортно-ориентированной. Предлагается кластерная (зональная) модель интеграции со странами ЕС через формирование локальных свободных экономических зон (СЭЗ). Ряд ученых видят возможность развития и наращивания экспортного потенциала страны именно по такой модели, например для ювелирной отрасли Армении. Уже подписаны меморандумы о сотрудничестве СЭЗ «Меридиан» в Армении и двух СЭЗ в Литве (Клайпеда, Каунас) в сфере ювелирной промышленности[25]. Локальные СЭЗ могли бы действовать и в других отраслях.

6. В Молдове двухвекторная интеграция начинает осуществляться в варианте межрегионального сотрудничества, когда одни регионы страны устанавливают более тесные связи с ЕС, а другие – с ЕАЭС.

На фоне сложностей в отношениях России и Молдовы на межгосударственном уровне открытость к диалогу с российскими партнерами проявляют Гагаузская автономия, муниципий Бельцы и ряд молдавских районов.

Гагаузия уже заключила соглашения с девятью субъектами РФ, для активизации торговли намечено открыть торговые дома Гагаузии в ряде регионов. В Подмосковье запланирован запуск торгово-логистического центра, а в Санкт-Петербурге – открытие представительства автономии. Российский бизнес готов к созданию СП в Гагаузии.

Муниципий Бельцы развивает связи с Москвой, Петербургом и Нижегородской областью. Эти субъекты РФ выделили бюджетные места в своих вузах для обучения выпускников из г. Бельцы на русском языке[26].

Подводя итоги, подчеркнем, что практическая важность взаимодействия ЕС и ЕАЭС как крупных интеграционных проектов в регионе континентальной Евразии осознается сегодня и в Евросоюзе, и в России, и в странах «Восточного партнерства» ЕС. Однако выработать формат сопряжения (сочетания, гармонизации) двух интеграций на практике пока не удается, хотя определенные подходы уже нарабатываются на экспертном уровне. Важными

25. Ильина М.Ю., Манукова Н. Свободная экономическая зона «Меридиан» в условиях новой региональной экономической архитектуры // Евразийская экономическая интеграция. – 2015. – № 3(28). – С. 76–85.

26. Фарит Мухаметшин. Российско-молдавские отношения через призму меняющейся региональной архитектуры // Международная жизнь. – 2016, июнь. – С. 45–46.

политическими решениями можно считать в этом плане инициативы стран ЕАЭС, новые переговоры Еврокомиссии с теми «восточными партнерами», кто подписал Договор о ЕАЭС (Армения и Белоруссия), а также трехсторонние переговорные форматы на министерском уровне (Россия – Украина – Еврокомиссия) в вопросах взаимной торговли и энергетического диалога. Но прорывные решения – это, скорее всего, вопрос будущего. Не исключено, что в будущем сопряжение европейской и евразийской интеграций будет происходить под влиянием активизации проекта Экономического пояса Шёлкового пути, в котором постсоветскому пространству отводится место инфраструктурного моста в торговле Китая с Евросоюзом.

Литература

1. Богдан Татьяна. Евроинтеграционный курс Украины: Проблемы, противоречия, перспективы // Зеркало недели. – № 19. – 29.05.2015.

2. Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Евразийская континентальная интеграция. – Санкт-Петербург, 2012. – С. 224.

3. Винокуров Е.Ю., Цукарев Т.В. Экономика ЕАЭС: Повестка дня // Евразийская экономическая интеграция (научно-аналитический журнал). – 2015. – № 4 (29). – С. 7–22.

4. Дедков С.М., Щербин В.К. Перспективы экономического сотрудничества Евразийского и Европейского союзов // Экономические и социальные перемены: Факты, тенденции, прогноз. – 2014. – № 2 (32). – С. 79–95.

5. Кротов М.И. О диалектике европейской и евразийской интеграции // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 4 (52). – С. 15–18.

6. Кукушкина Ю.М., Островская Е.Я. Актуальные проблемы и перспективы сопряжения процессов евразийской и европейской интеграции // Вестник международных организаций. – 2013. – Т. 8. – № 4. – С. 214.

7. Лапенко М.В. Внешний контур ЕАЭС: Потенциал расширения и поиск оптимальных механизмов взаимодействия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2016. – Т. 16, вып. 1. – С. 71–75.

8. Оболенский В.П. Глобализация регионализма: Вызовы и риски для России // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – № 9. – С. 5–13.

9. Огнева В.В. ЕАЭС: Противоречивая поступь интеграции // Научные ведомости. Серия История. Политология. – 2016. – № 1 (222), вып. 37. – С. 168–172.

10. Ткачук Сергей. ЕАЭС и все-все-все. Внешний контур становления евразийской интеграции // Россия в глобальной политике. – 2016. – № 3. – URL: www.globalaffairs.ru/number/EAEC+vse-vse-vse-18145

11. Широв А.А., Янтовский А.Л. Оценка возможных сроков создания ЗСТ между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом // Евразийская экономическая интеграция. – 2014. – № 2 (23). – С. 6–19.

12. Шпаковский А.П. Возможности сотрудничества с Европейским союзом в условиях евразийской интеграции / Доклад на Межд. науч. конференции «Республика Беларусь и Европейский союз: перспективы сотрудничества». Минск, 5–6 июня 2014.

И.С. Синицина

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Синицина Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

Миграционный прирост стал сегодня основным фактором изменения численности населения стран континента, в том числе Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ). Во многих из них отрицательное сальдо миграции, наряду со снижением естественного прироста, вызвало уменьшение численности населения.

Однако комплексное изучение этого нового для стран ЦЮВЕ процесса крайне затруднено дефицитом или даже полным отсутствием сопоставимых данных о численности мигрантов. Это связано прежде всего с различиями используемых определений, а также с разнородностью источников сведений о международной миграции – пограничный контроль; регистры населения (например, данные, получаемые при вручении загранпаспортов или при регистрации для получения социальных пособий); переписи населения и др. Статистикой не учитываются временные (и тем более нелегальные) мигранты, не говоря уже о том, что многие из них не регистрируют ни своего выезда, ни своего прибытия в другую страну. Поэтому большинство данных о масштабах международной миграции, публикуемых национальными или международными организациями, следует рассматривать лишь как оценочные, а их сопоставления – как приблизительные.

Этапы развития миграции

Сегодня миграционные потоки из стран ЦЮВЕ направляются прежде всего на запад, в страны ЕС-15. В развитии этих процессов можно выделить четыре этапа: (1) с начала трансформации до середины 1990-х годов; (2) этап активной подготовки к вступлению в ЕС; (3) период после вступления в ЕС

до начала финансово-экономического кризиса; (4) период с 2008 г. по сегодняшний день.

На *первом* этапе большинство миграционных потоков из стран ЦЮВЕ имело разовый характер и было связано прежде всего с этнической репатриацией. Крупнейшим из этих потоков стало движение этнических немцев в недавно воссоединенную Германию. Из примерно 1,2 млн человек, мигрировавших из ЦЮВЕ в Западную Европу за три года после падения «железного занавеса», эта группа была самой многочисленной. Только в 1989 г. в эти страны переехали 721 тыс. этнических немцев, что составило 61% всех иммигрантов в ЕС в этом году. Немцы-мигранты делились на две категории – «Übersiedler», т.е. мигранты из ГДР, и «Aussiedler», мигранты из других стран ЦВЕ (главным образом из Польши и Румынии) и бывшего СССР. По оценкам, до 1994 г. совокупный средний ежегодный приток превышал 200 тыс. человек [2, с. 184].

Вторая по численности группа мигрантов начала 1990-х годов – беженцы из районов вооруженных конфликтов на Балканах, прежде всего из стран бывшей Югославии. Только за 1991–1993 гг. чистый приток из экс-Югославии в Германию составил около 600 тыс. человек [3, с. 19]. Среди других потоков мигрантов в регионе следует выделить массовый (по оценкам, около 0,5 млн человек) выезд населения в начале 1990-х годов из Румынии (более половины прибыли в Германию), выезд около 300 тыс. болгарских турок в Турцию в 1989 г., а также переселение этнических венгров в Венгрию (37 тыс. – в 1990 г.). Кроме того, произошел единовременный обмен населением между Чехией и Словакией (в основном в Чешскую Республику), сопровождавший раздел Чехословакии в 1992–1993 гг. [3, с. 9].

Трудовая миграция в этот период имела ограниченный и преимущественно нелегальный характер. С либерализацией выездов за рубеж в начальный период трансформации немало «туристов» – главным образом из Польши, Румынии и Албании – нанимались на неквалифицированную и низкооплачиваемую работу на Западе. Для легализации миграции сезонных и подрядных рабочих было в срочном порядке заключено несколько межправительственных соглашений – например, о сезонных рабочих между Польшей и Германией в 1990 г. [1, с. 301].

На *втором* этапе масштабы постоянной трудовой миграции граждан стран ЦЮВЕ за пределы региона были сравнительно невелики (порядка 20–30 тыс. человек в год в таких странах, как Польша и Румыния) и даже несколько снижались. Это было связано с серьезными ограничениями на въезд со стороны основных стран иммиграции, прежде всего Германии, куда направлялись от половины до трех четвертей всех мигрантов [3, с. 9–10].

Данный процесс сохранял нелегальный[1] и маятниковый характер, когда работники неоднократно возвращались в страну выезда и выезжали вновь. Массовый характер получили сезонные миграции строительных и сельскохозяйственных рабочих: так, в 2003–2004 гг. в Германию прибывали до 300 тыс. польских рабочих [6, p. 17].

В странах Западных Балкан после окончания военных действий в Боснии и Хорватии началась новая волна миграции, связанная с массовой репатриацией беженцев из стран Северной и Западной Европы. Следствием новой войны в Косове в 1998–1999 гг. стали миграции оттуда большого числа этнических албанцев, в основном в Албанию и Македонию. К августу 1999 г. в Косово вернулись около 850 тыс. албанских беженцев, но около 100 тыс. этнических сербов вынуждены были бежать в Сербию [6, p. 27].

Третий этап характеризовался резким ростом масштабов эмиграции, изменением географии миграции и массовой ее легализацией. Последняя стала следствием вступления в Евросоюз стран ЕС-8 в 2004 г. и ЕС-2 (Румынии и Болгарии) – в 2007 г. За 2004–2008 гг. в страны ЕС-15 выехали около 1,5% населения стран ЕС-8, а за 2007–2009 гг. – примерно 4,1% населения ЕС-2. В результате за 2003–2009 гг. численность граждан стран ЕС-8+2, зарегистрированных как мигранты в странах ЕС-15, утроилась, увеличившись примерно с 1,6 до 4,8 млн человек [15, p. 5, 49]. Особенно быстро росла эмиграция граждан из Болгарии и Румынии в странах ЕС-15 за 2003–2006 гг., т.е. еще до вступления в ЕС. Их численность почти удвоилась. Это было связано с более высокими дифферентами безработицы и заработной платы между ЕС-2 и ЕС-15 по сравнению с парой ЕС-8 и ЕС-15. Страны Западных Балкан (кроме Косова) также заключили соглашения с ЕС о безвизовом въезде, что способствовало нормализации миграционных процессов.

Вместе с тем для жителей стран ЦЮВЕ право на свободное передвижение в пределах ЕС отнюдь не было равнозначно праву на беспрепятственное легальное трудоустройство в «старых» странах – членах Союза. Опасаясь осложнений на рынках труда отдельных стран в результате ожидавшихся массовых миграций, страны ЕС-15 предусмотрели возможность введения поэтапных мер по защите своих рынков общим сроком до семи лет с момента вступления новых членов. В результате для мигрантов из стран ЕС-8 в 2004 г. свои рынки труда полностью открыли только Ирландия, Швеция и Великобритания, в 2006 г. – Италия, Испания, Португалия, Греция и Финляндия, в 2007 г. – Голландия и Люксембург, в 2008 г. – Франция, в 2009 г. – Дания и Бельгия. Германия и Австрия сохраняли мораторий на трудовую миграцию вплоть до мая 2011 г. Для стран второй волны доступ на рынки труда ЕС-15

1. В Литве, например, по опросам, доля нелегальных мигрантов в 1990–2000 гг. составляла около 60%, а накануне вступления в ЕС выросла до 90% [6, p. 17].

с 2007 г. открыли лишь Финляндия и Швеция, с 2009 г. – Испания, Греция, Португалия и Дания. Остальные страны сохраняли ограничения вплоть до максимально возможного срока – 1 января 2014 г.

Для стран ЕС-8 эти ограничения привели к заметной переориентации миграционных потоков, в первую очередь с Германии на Великобританию и Ирландию. Впрочем, такая переориентация началась еще до 2004 г., что свидетельствовало о привлекательности этих стран для мигрантов из ЦВЕ в плане спроса на рабочую силу и низких языковых барьеров. Сформировались, таким образом, два основных коридора миграций: 1) из Польши и стран Балтии в Британию и Ирландию; 2) из Румынии и Болгарии в Испанию и Италию.

Четвертый этап был связан с началом глобального финансово-экономического кризиса, который привел к заметному снижению международной мобильности рабочей силы, в первую очередь за счет Румынии и Польши: эмиграция из этих стран за 2007–2009 гг. сократилась примерно в 2 и в 1,5 раза соответственно. Причиной стал прежде всего резкий рост безработицы среди мигрантов из ЦЮВЕ в принимающих странах, поскольку последние были заняты преимущественно в тех секторах экономики ЕС-15, которые в наибольшей степени пострадали от кризиса (строительство, сфера обслуживания). Исключение составили страны Балтии, где из-за чрезвычайно тяжелой экономической ситуации эмиграция, по неофициальным данным, выросла к 2011 г. более чем втрое по сравнению с 2008 г. и лишь затем стабилизировалась, но на весьма высоком уровне (около 60 тыс. человек в год, что примерно вдвое выше, чем в 2004 г.). Стала нарастать возвратная миграция, хотя ее характер и масштабы сильно различались от страны к стране.

Таким образом, за первое десятилетие XXI в. численность мигрантов из Восточной Европы в страны ЕС-15 возросла в 5 раз (с чуть более 1 млн в 2001 г. до примерно 5,3 млн человек в 2011 г.), составив около 19% от общего числа нерезидентов в странах Западной Европы [10, p. 12]. Следует, однако, учитывать, что мобильность рабочей силы внутри Евросоюза относительно невелика: она примерно в 4 раза ниже уровня миграций между германскими землями и в 6 раз ниже, чем между штатами США [25, p. 6]. По прогнозам немецких исследователей, к 2020 г. общая численность мигрантов из стран ЕС-8, проживающих в ЕС-15, может составить 4,4 млн человек (5,2% населения ЕС-8), а из стран ЕС-2 – 4,0 млн человек (13,4% населения ЕС-2) [8, p. IAB-24]. Иными словами, темпы роста потоков мигрантов замедлятся, но их общее число к концу текущего десятилетия может увеличиться почти вдвое.

Основные характеристики миграций из стран ЦЮВЕ

Факторы миграций

При принятии решения об эмиграции обычно прежде всего соотносят потенциальные выгоды (выигрыш в заработке, шансы получить работу, возможности для карьерного роста, условия труда, социальные пособия и пр.) с вероятными социальными и иными ее издержками. Вместе с тем мотивация к эмиграции значительно различается не только между «старыми» и новыми членами ЕС, но и внутри самой группы ЕС-10.

Так, по данным «Евробарометра» от 2010 г., на первое место среди факторов, способствующих миграции, респонденты из всех стран поставили повышение уровня жизни при выезде за границу: при среднем по ЕС-10 показателе в 37% его величина варьировала от 27% в Словении до 47% – в Венгрии. Вторым по значению фактором было названо улучшение условий труда: от 24% в Венгрии и Латвии до 39% – в Словакии при среднем по ЕС-10 в 31%. На третьем месте оказался фактор безработицы: лучшие шансы получить работу назвали в качестве фактора миграции 23% всех респондентов из стран ЦВЕ (от 19% в Польше до 35% – в Литве). Четвертым по значению (17%) был назван фактор лучшей системы здравоохранения и соцобеспечения [17]. В условиях экономического кризиса возникли и новые причины миграций микроэкономического или даже психологического порядка – например, неспособность погасить задолженность по кредитам (даже при наличии работы) [33].

При принятии решения о выезде не меньшее значение имеют и факторы, сдерживающие потенциальную миграцию. По данным «Евробарометра», более половины жителей стран ЦВЕ первым по значению препятствием практического характера назвали недостаточное знание иностранных языков, проблемы с трудоустройством, с жильем и сложность адаптации в иной культурной среде.

Направления миграций

Комбинации отдельных факторов миграции, а также различия в экономической ситуации в государствах въезда и выезда формируют сложную и постоянно меняющуюся картину направлений миграции стран региона. Свыше двух третей всех мигрантов из стран ЕС-10 в страны ЕС-15 приходится на Польшу и Румынию. На переселенцев из Румынии приходится около 5% общей численности всего «мигрантского» населения ЕС-15, а на мигрантов из Польши – около 4%. Примерно 75% мигрантов из ЕС-10 сосредоточено в четырех странах ЕС-15 – Германии, Великобритании, Италии, Испании

[7, p. 3–4]. Наибольшую нагрузку мигрантов из ЦЮВЕ испытывают Австрия и Ирландия, тогда как в четырех вышеупомянутых крупнейших странах ЕС-15 такая нагрузка примерно вдвое ниже.

Из стран ЦВЕ основные потоки мигрантов в основном направляются в соседние страны Центральной Европы, из стран ЕС-2 – в страны Южной Европы. Свыше 3/4 румынских «евромигрантов» проживают в Испании или в Италии, более 2/3 польских мигрантов – в Германии или в Великобритании [7, p. 4]. Специфические направления преобладающей миграции характерны для стран Балтии: для Эстонии – это Финляндия, для Латвии и Литвы – Ирландия. Миграция из Албании сосредоточена на Италии и Греции, причем для последней характерна краткосрочная и сезонная миграция. Направления миграции из других стран Западных Балкан в меньшей степени зависят от фактора соседства и в значительно большей – от связей с мигрантами, выехавшими из бывшей Югославии еще в 1990-х годах. Это в особенности относится к миграциям в Германию, Австрию и Швейцарию [6, p. 28].

Кризис внес серьезные коррективы в потоки и направления миграции: заметно повысился удельный вес таких принимающих стран, как Германия, Австрия, Бельгия, Норвегия и Швеция, тогда как доли сильно пострадавших от кризиса Ирландии, Италии и Испании заметно сократились [31, p. 35–36].

В последние годы Польша и в меньшей степени Чехия стали странами, принимающими трудовых мигрантов – в основном из стран бывшего СССР и преимущественно на сезонные работы. В Польше с 2010 г. действует упрощенный (на основе уведомления от работодателя, без получения разрешения на работу) порядок найма граждан Армении, Беларуси, Грузии, Молдовы, России и Украины на период до шести месяцев в каждом календарном году. В 2012–2013 гг. было зарегистрировано примерно по 240 тыс. таких уведомлений, в 2014 г. их число выросло до 387 тыс. Свыше 90% временных рабочих, оформленных подобным образом, – это мигранты из Украины, около половины из них заняты в сельском хозяйстве [28, p. 286].

Состав мигрантов

Среди «евромигрантов» из стран ЕС-10 преобладают более мобильные лица в трудоспособном возрасте, большинство из которых – молодежь до 34 лет. Если ранее мигранты, как правило, приезжали в одиночку, а затем часть из них перевозила свои семьи, то «евромигранты» все чаще выезжают за рубеж целыми семьями. Опросы в Великобритании показывают, что среднее число детей в семьях мигрантов из ЕС-10 выше, чем в семьях британцев или приезжих из других стран Европы. Для мигрантов из стран ЦВЕ также более характерно проживание в домохозяйствах, объединяющих две или несколько семей.

Уровень занятости среди мигрантов из стран ЦВЕ до кризиса практически повсеместно был заметно выше, чем среди граждан стран-реципиентов, и тем более среди мигрантов из стран за пределами ЕС. Исключение составляли лишь мигранты в Германии. В ходе кризиса ситуация заметно изменилась: более высокий уровень занятости «евромигрантов» (по сравнению с местными работниками) сохранился к 2012 г. лишь в Италии, Великобритании и Ирландии. Вместе с тем в большинстве стран (в том числе в Германии и Нидерландах) безработица среди мигрантов из ЕС-8 по-прежнему ниже, чем среди мигрантов из других стран, в том числе из ЕС-2.

Показатели самозанятости характеризуются низким уровнем в Великобритании среди иммигрантов из ЕС-8 и высоким (около 50%) – среди выходцев из стран ЕС-2. Самозанятость была высокой (40%) и среди иммигрировавших в Германию из ЕС-8 еще до отмены ограничений на трудовую миграцию, поскольку ограничения на въезд в случае открытия собственного бизнеса были здесь намного мягче.

Иммигранты из стран ЕС-10 в основном представлены в секторах, где требуется средне- (около 55%) или низкоквалифицированный (30%) персонал, и лишь 15% заняты на местах, требующих высокой квалификации. Для высококвалифицированных работников наиболее привлекательны Дания, Швеция и Ирландия, для низкоквалифицированных – Греция, Португалия, Испания и Бельгия [14]. Основные сектора занятости «евромигрантов» – обрабатывающая промышленность (16%), строительство (15), помощь по дому (10) и общественное питание с гостиничным сервисом (10%). При этом для мигрантов из стран ЕС-8 первое место по числу занятых занимает промышленность, а из ЕС-2 – строительство [32, p. 29].

Для «евромигрантов» в целом характерен довольно высокий уровень образования – как минимум, не ниже, чем у работников страны пребывания. До кризиса почти 28% иммигрантов из ЕС-8 имели высшее образование, большинство – среднее, однако иммигранты из Румынии и Болгарии в среднем менее образованны, чем из ЕС-8. Во время кризиса ситуация стала иной: к 2013 г. доля мигрантов из ЕС-10, имеющих высшее образование, выросла по сравнению с 2007–2008 гг. до 41% – отчасти в связи с резким падением спроса на рабочую силу средней квалификации (прежде всего в строительстве), отчасти из-за роста общего образовательного уровня мигрантов [32, p. 29].

Сопоставление уровня образования «евромигрантов» и выполняемой ими работы свидетельствует о широком распространении деквалификации (downskilling), когда мигранты не в состоянии найти в западноевропейских странах работу в соответствии со своей квалификацией и вынуждены (хотя бы временно) заниматься неквалифицированным трудом. К 2012 г. в таком положении оказались около половины мигрантов из стран ЦВЕ, имевших

высшее образование, причем среди мигрантов доля таких работников вдвое выше, чем среди граждан принимающих стран [5]. Это в особенности относится к мигрантам из Польши, 82% которых имеют среднее или высшее образование. В Великобритании деквалификация наиболее высока именно среди мигрантов с высшим образованием из стран ЕС-12, среди которых более половины заняты неквалифицированным трудом. Аналогичные цифры для мигрантов из других стран ЕС и из третьих стран составляют, соответственно, 10 и 22% [22, p. 12].

Хотя бóльшая часть мигрантов при въезде заявляют, что их миграция носит временный характер, на деле ее продолжительность может измеряться десятилетиями. В 2013 г. более десяти лет в странах ЕС-15 проживали свыше трети мигрантов из Болгарии, Румынии и Чехии, и почти 90% мигрантов из Хорватии, несмотря на то что последняя вступила в ЕС только в 2013 г.

Воздействие кризиса: Возвратная миграция

Экономический кризис в ряде стран привел к замедлению миграционных процессов. Многие мигранты были вынуждены вернуться на родину – в силу как экономических причин (потеря работы), так и возрастающего социального давления (подогреваемого экономическими трудностями в странах иммиграции). Однако масштабы возвратной миграции тормозились ухудшением экономической ситуации в странах-донорах, по многим из которых кризис ударил даже сильнее, чем по странам Западной Европы. Поэтому в условиях, когда ситуация «дома» была еще хуже, чем за границей, решение о возвращении нередко приходилось откладывать на неопределенное время. Нередко возвращение становилось лишь временным «трамплином» для последующей миграции в страны с более благоприятной экономической конъюнктурой – например в Норвегию (особенно для мигрантов из стран Балтии) [34].

По данным социологических обследований, проведенных Институтом исследований рынков труда в Бонне, возвращение восточноевропейских мигрантов в страны проживания на начальном этапе кризиса не было массовым. За 2008–2010 гг. доля вернувшихся мигрантов среди населения в возрасте 24–65 лет выросла в Болгарии, Венгрии и в Польше и сократилась в Чехии, Эстонии, Словении и Словакии. В 2010 г. эта доля варьировала от 3% в Словении до 10% – в Польше и Эстонии. При этом доля «возвращенцев», которые собирались вновь выехать на работу в страны Западной Европы, была максимальной в Литве и Латвии, наиболее пострадавших от кризиса (20 и 25% соответственно), и минимальной в Болгарии и Румынии (9 и 5%) [34].

В большинстве стран ЦВЕ состав «возвращенцев» отличался повышенной долей высококвалифицированных работников, что, вероятно, стало

следствием неудовлетворенности последних вынужденной деквалификацией в эмиграции. С точки зрения последствий для рынка труда стран ЦВЕ – это позитивный процесс, который переводит проблему «утечки мозгов» в плоскость их циркуляции между странами – членами ЕС. Напротив, для «возвращенцев» в Болгарии и Румынии был характерен повышенный удельный вес лиц с низким уровнем образования.

Казалось бы, дополнительная квалификация, полученная при работе в Западной Европе, должна облегчить трудоустройство возвращающихся мигрантов на домашних рынках труда. Однако польские исследователи отмечают, что, как ни парадоксально, опыт работы за рубежом негативно сказывается на перспективах повторного трудоустройства. Особенно высок (в 3–5 раз выше, чем для «местных» работников) риск безработицы для возвращающихся мигрантов в возрасте 18–35 лет и для тех, кто выезжал за рубеж на непродолжительный срок (от 3 до 12 мес.) [21]. Это может быть связано как с особенностями модели польской эмиграции (высокой долей лиц, выезжавших на работу за рубеж сразу после завершения образования и не имевших опыта работы), так и с деквалификацией при работе в Западной Европе, а также с завышенными ожиданиями «возвращенцев» с точки зрения оплаты труда [22, p. 17–18].

Экономические последствия миграции для стран ЦЮВЕ

Пожалуй, наиболее серьезные проблемы, порожденные эмиграцией в странах ЦЮВЕ, связаны с ***оттоком рабочей силы*** и его влиянием на демографическую ситуацию. В ходе трансформации большинство из этих стран испытало депопуляцию, что осложнило их и без того неблагоприятный демографический баланс. Однако эти процессы в отдельных странах были в разной степени связаны с эмиграцией. В наиболее сложном положении оказались Литва, Латвия, Болгария и Румыния, где население к 2014 г. сократилось по сравнению с 2000 г., соответственно, на 16,2%, 16,0, 11,5 и 11,2%. Однако если в странах Балтии убыль населения была главным образом связана с эмиграцией (на 3/4 в Литве и на 63% – в Латвии), то в Болгарии свыше двух третей (68,9%) сокращения населения объяснялось превышением смертности над рождаемостью [28, p. 240, 272, 274].

О степени интенсивности миграции рабочей силы из стран ЕС-10 можно судить по данным о доле граждан в трудоспособном возрасте (15–64), проживающих в другой стране ЕС: наибольшей долей оттока экономически активного населения в страны ЕС-15 выделяются Румыния (свыше 14%), Хорватия и Литва (более 10%), а также Латвия и Болгария (7–9%). Минимальны такие показатели в Чехии, Венгрии и Словении. Для двух последних стран

эксперты объясняют это широким распространением маятниковых миграций – между Словенией и Италией, между Венгрией и Австрией [15, p. 22].

Теоретически отток рабочей силы из стран ЦВЕ мог бы привести к снижению давления на рынок труда и падению ***уровня безработицы***. Остается, однако, открытым вопрос, в какой степени снижение безработицы может произойти под влиянием миграций и в какой – благодаря таким факторам, как реструктуризация экономики, приватизация, приток ПИИ, сопровождавшийся созданием новых рабочих мест, реформы системы образования и т.п.

Исследования европейских ученых показали, что воздействие эмиграции из ЕС-10 на снижение уровней безработицы было краткосрочным и в целом невелико. Так, анализ Национального банка Польши показал, что такое влияние в 2004–2005 гг. составило всего 0,4 п.п. по сравнению с гипотетической ситуацией нулевой миграции [9]. Аналогичные результаты были в расширенном Евросоюзе (ЕС-10), за исключением Словении, а в долгосрочном плане такого влияния вовсе не прослеживалось. Более заметным (почти вдвое выше) оказалось краткосрочное влияние миграций на безработицу среди низкоквалифицированных работников [12]. Вместе с тем исследования показывают, что значение миграций для снижения напряженности в отдельных периферийных регионах со слабо развитыми рынками труда может быть более ощутимым [20, s. 65].

Практически во всех странах ЦВЕ миграция в той или иной степени породила проблему ***оттока высококвалифицированных кадров*** или «утечки мозгов» – ученых, инженеров, ИТ-специалистов, врачей и т.п. Во многих странах состав мигрантов отличался от остального населения повышенной долей квалифицированных специалистов, причем их максимальный удельный вес наблюдался среди мигрантов из Чехии, Венгрии, Польши и Словакии [6, p. 22]. Миграция квалифицированных работников за рубеж стала одной из причин роста числа свободных рабочих мест и даже ***дефицита рабочей силы*** в отдельных отраслях, требующих подготовленных кадров. Так, в Польше в 2005–2007 гг. дефицит квалифицированных кадров, особенно среднего технического звена, наблюдался на 30% предприятий в строительстве, розничной торговле и сфере обслуживания [19]. Даже в Венгрии, где эмиграция была относительно невелика, отмечался дефицит кадров в западной части страны, граничащей с Австрией [6, p. 42].

Вопреки ожиданиям (например, в странах Балтии), эмиграция в кризисный период практически не снизила давления на системы социального обеспечения. Так, в Литве начиная с 2007 г. число получателей социальных пособий и объем выплат неизменно нарастали. Причиной этого стала, в частности, массовая регистрация мигрантов-«возвращенцев» для получения пособий с последующим повторным выездом за рубеж [33, p. 58].

В условиях распространения возвратной миграции квалифицированных специалистов формируется модель «циркуляции умов», характеризующаяся двусторонними трансфертами человеческого капитала и знаний [23, p. 23]. Такая модель складывается, например, в Чехии и Словакии, где миграция квалифицированных кадров носит преимущественно кратковременный характер. В Словении и Эстонии крупнейшую группу среди «возвращенцев» составляют студенты, обучавшиеся за рубежом, что ведет к повышению качества человеческого капитала [34].

По мнению большинства экспертов, о массовой утечке человеческого капитала из стран ЦВЕ на Запад речь пока не идет. В отдельных секторах, особенно в ***здравоохранении***, масштабная эмиграция работников привела к ощутимым последствиям в странах выезда. Наибольшие объемы эмиграции врачей из многих стран ЦЮВЕ – Польши, Литвы, Эстонии, Словакии, Румынии – были зарегистрированы непосредственно после их вступления в ЕС с постепенным снижением в годы экономического подъема и ростом в период экономического кризиса. Массовая эмиграция среднего медперсонала совпала с ростом спроса на эту категорию работников в Германии, Великобритании и других странах ЕС-15 в 2006–2007 гг. Германия даже заключила с Польшей, Румынией, Чехией, Словакией и Хорватией двусторонние соглашения о наборе медсестер и другого вспомогательного медперсонала [26, p. 145]. Согласно данным ВОЗ, наибольшей интенсивностью эмиграции врачей среди стран ЦЮВЕ в 2010–2011 гг. выделялись Босния, Румыния и Албания (соответственно 21,5%, 17,4 и 13,6% от их численности в стране). Весьма значителен также отток врачей (9–11% их численности) из Словении, Болгарии, Литвы, Венгрии, Польши и Эстонии. По интенсивности выезда среднего медперсонала пальму первенства делят Хорватия (13%) со Словакией, Словенией, Румынией и Албанией (все – около 9%) [26, p. 132].

За средними, сравнительно невысокими, цифрами эмиграции врачей скрываются более высокие показатели их оттока по отдельным специальностям. Так, в Польше с момента вступления страны в ЕС в 2004 г. по октябрь 2012 г. сертификат о профессиональной квалификации (необходимый для работы за рубежом) был выдан 8,7 тыс. врачей (6,9% от их общего числа в Польше); в то же время такие сертификаты получили по 18% всех зарегистрированных анестезиологов и пластических хирургов, 16,5% торакальных хирургов и 12,3% патологоанатомов [16, p. 22–26]. Ситуация усугублялась тем, что в странах и без того ощущался дефицит врачей по перечисленным специальностям, что осложняло доступ населения к квалифицированной медицинской помощи. В Румынии и Болгарии эмиграция медперсонала заметно обострила дефицит терапевтов, медсестер и фельдшеров в сельских, удаленных и горных районах [26, p. 135].

Прослеживается четкая зависимость между уровнями оплаты труда медработников из стран ЕС-10 и их намерением эмигрировать. Известны случаи, когда запросы на выдачу сертификатов о профессиональной квалификации в Чехии использовались для оказания давления с целью повышения зарплаты. Характерно, что в Эстонии и Словакии число запросов на выдачу таких сертификатов сократилось после повышения зарплаты врачам; в Польше после 2010 г. отмечается заметная возвратная миграция медперсонала, которая, как полагают эксперты ВОЗ, стала следствием увеличения финансирования системы здравоохранения после забастовок 2006–2007 гг. [26, p. 144–145]. Вместе с тем в странах Балтии эффект от повышения зарплат врачам оказался кратковременным, и во время экономического кризиса отток медперсонала за рубеж усилился вновь [16, p. 29].

Немаловажную роль в экономике стран ЦЮВЕ, в том числе в снижении уровней бедности и неравенства, играют ***денежные переводы*** трудовых мигрантов в страны выезда. В зависимости от доли таких переводов в ВВП все страны региона можно подразделить на три группы: с высокой зависимостью экономики от переводов (9–11% ВВП на 2013–2014 гг. в странах Западных Балкан, кроме Хорватии и Македонии); со средней зависимостью (3–4,5% ВВП в Литве, Македонии, Венгрии и Болгарии) и все остальные страны, где доля переводов в ВВП составляет от 2,6% (в Хорватии) до 0,6% (в Польше). При этом следует оговориться, что статистика Всемирного банка, на которой основана эта классификация, учитывает лишь переводы, сделанные по официальным каналам. Объем же неофициальных переводов (перевоз средств самими мигрантами, передача их через родственников, знакомых и т.п.) может даже превышать официальные трансферты и составлять 50–80% от общего объема денежных средств, пересылаемых мигрантами на родину [24, p. 7].

Основная часть переводов из-за границы расходуется на текущее потребление, что способно несколько ослабить краткосрочные негативные последствия трудовой эмиграции из стран региона, но вряд ли может дать долгосрочный экономический эффект. Значение переводов мигрантов для снижения бедности и неравенства особенно велико в странах Западных Балкан, где средства, переводимые из-за границы (около 300 евро в месяц), составляли в среднем около 40% доходов домохозяйств, более половины членов которых были либо пенсионерами, либо безработными [30].

В странах ЦВЕ значение переводов мигрантов заметно меньше. Так, в Болгарии в 2008 г. такие переводы получали около 7% домохозяйств, и эти средства составляли от 30 до 35% их дохода. Исследование, проведенное на базе материалов 2005 г. в Чехии, Венгрии, Польше и Словении, показало: хотя переводы из-за рубежа, как правило, получают более бедные семьи, их объемы во всех этих странах в разы меньше, чем размеры социальных транс-

фертов и, соответственно, их воздействие на уровни бедности и неравенства несопоставимо [18]. Таким образом, хотя переводы трудовых мигрантов способны заметно снизить бедность и облегчить положение беднейших семей в странах ЦЮВЕ, эти преимущества во многом нивелируются издержками в сфере развития человеческого капитала.

Для оценки ***макроэкономических последствий*** трудовой миграции из стран ЕС-10 учеными из лондонского Национального института экономических исследований было проведено моделирование влияния такой миграции на экономический рост в 2004–2009 гг. как в странах ЕС-15, так и в странах ЦЮВЕ. Расчеты показали, что трудовые миграции из стран ЦЮВЕ в страны ЕС-15 положительно сказываются на экономическом развитии последних, но снижают при этом потенциал развития стран-доноров. Среди последних наиболее серьезные отрицательные последствия наблюдались в Румынии, Болгарии и Литве, где снижение ВВП по сравнению с гипотетической ситуацией отсутствия миграций составило 10,5%, 5 и 6% соответственно. Миграции снизили потенциальный ВВП в Эстонии и Латвии на 3 и 3,3%, в Словакии и Польше – на 2,3 и 1,9%. Поскольку объемы миграции из Чехии, Венгрии и Словении были гораздо меньше, их воздействие на экономику оказалось невелико (0,3–0,5% ВВП) [15, p. 49–52].

Расчеты показали, что денежные переводы мигрантов способны несколько ослабить негативное влияние миграций, но лишь в кратко- или среднесрочной перспективе, но в долгосрочном плане (свыше семи лет) их влияние на ВВП невелико. Дополнительное сдерживающее влияние на экономический рост оказывает отток мигрантов с высоким уровнем образования, поскольку «утечка мозгов» снижает общую производительность труда.

Регулирование трудовой миграции в странах ЦВЕ

Многие страны ЦЮВЕ, воспринимая сложившийся уровень эмиграции как снижающий потенциал дальнейшего развития, предпринимают разнообразные меры для исправления ситуации. Их можно подразделить на три группы: 1) нацеленные на удержание потенциальных мигрантов, включая расширение возможностей для трудоустройства на родине; 2) содействующие возвращению мигрантов на родину или, как минимум, развитию связей с диаспорой; 3) направленные на привлечение или удержание иностранной квалифицированной рабочей силы для восполнения ее дефицита на рынке труда.

Ряд стран пытается ***противодействовать оттоку квалифицированных кадров*** с помощью административных ограничений. Так, в Венгрии была разработана система мер, направленная на ограничение выезда за рубеж

выпускников вузов, обучавшихся за счет средств госбюджета. Им предлагалось подписать контракт, обязывающий их отработать в Венгрии не менее двукратного срока их обучения, а в случае отказа – возместить государству 50% его стоимости. Эта система подверглась острой критике как фактически выталкивающая студентов на обучение за границу, и в 2012 г. Конституционный суд признал ее положения, противоречащими Конституции. Сходная схема была принята в Литве: студенты, обучающиеся по целевым государственным программам, обязаны возместить стоимость своего обучения, если они не отработают в стране минимум три года после выпуска.

Некоторые страны реализуют также специальные меры для удержания потенциальных эмигрантов с определенной квалификацией (например, работников здравоохранения). В Венгрии, Словакии и Польше принимаются меры для снижения оттока мигрантов из приграничных депрессивных регионов и стимулирования их трудоустройства внутри страны (например, субсидии на транспорт для работников, освобождение от уплаты социального налога работодателей, нанимающих жителей из таких регионов, и др.).

Основные усилия государственных структур стран ЦЮВЕ направлены на ***стимулирование возвращения*** уже выехавших (особенно высококвалифицированных) мигрантов на родину. Для достижения этой цели принимаются специальные государственные программы как на национальном, так и на региональном уровнях. Так, при поддержке Европейского социального фонда инициированы программы, нацеленные на возвращение выпускников иностранных вузов и их трудоустройство на родине, в Эстонии («Верни таланты домой») и в Болгарии («Вернись домой») [27, p. 226]. В Латвии в 2013 г. был принят национальный План поддержки возвратной миграции. Он предусматривает поддержку возвращения молодых специалистов, выпускников вузов (с возмещением расходов на обучение по отдельным специальностям), обучение латвийскому языку, а также содействие реинтеграции членов семей и детей возвращающихся мигрантов [28, p. 272].

В Польше вопросы стимулирования возвратной миграции неизменно стоят на повестке дня, начиная с 2007 г., входя составной частью в ряд правительственных программ и стратегий. Программа возвращения трудовых мигрантов была разработана специальной рабочей группой еще в 2008 г. Программы, нацеленные на отдельные категории мигрантов (бездомные, безработные, выпускники школ, банковский или ИТ-персонал и др.), а также на отдельные регионы страны реализовывали местные органы власти, НПО или даже частные компании. Эффективность таких программ оказалась весьма ограниченной из-за нечетко определенных целей, дефицита средств в условиях кризиса, а также некорректного понимания потребностей мигрантов и ориентации преимущественно на их информационное обслуживание или на профобучение (с особым акцентом на самозанятость) [21, p. 122–123].

Столкнувшись с дефицитом квалифицированной рабочей силы, ряд стран ЦВЕ начал принимать меры для ***привлечения или удержания иностранных работников*** отдельных категорий, имея в виду также повышение деловой активности в условиях кризиса. Так, Словакия в 2010 г. упростила условия деятельности для иностранных менеджеров и инвесторов, разрешив им начинать работу сразу после въезда в страну, не ожидая получения вида на жительство. Новое законодательство в Венгрии позволяет предпринимателям-иммигрантам получать разрешение на работу, если они до этого нанимали хотя бы трех работников в течение полугода или если их присутствие в стране необходимо для успешного ведения бизнеса. В Польше в 2011 г. было введено единое разрешение на работу и проживание сроком действия от двух до трех лет с одновременным упрощением процедур и снижением стоимости его получения. При этом для предотвращения «социального демпинга» работодатели обязаны выплачивать иностранным работникам заработную плату не ниже той, которую получают польские граждане, занимающие аналогичные должности [27, p. 105].

В последние годы широкое распространение получила практика стимулирования иностранных студентов, обучающихся в странах ЦВЕ, к трудоустройству после окончания вуза в стране обучения. Так, в Польше иностранные студенты или аспиранты очного обучения могут трудоустроиться без получения разрешения на работу, а после окончания вуза им предоставляется льготный годичный срок для трудоустройства, в течение которого от них такого разрешения также не требуется. Аналогичные льготы, но на меньший срок (шесть месяцев), предоставляются иностранным студентам и в Литве. В Румынии выпускникам-иностранцам разрешается трудоустройство в стране при условии занятости на полный рабочий день по полученной специальности [27, p. 109]. В Эстонии с 2013 г. иностранным студентам-очникам не требуется получать разрешение на работу, а после окончания вуза их вид на жительство может быть продлен еще на шесть месяцев для трудоустройства [29, p. 46].

Начиная с 2004 г. свобода передвижения рабочей силы в рамках ЕС в сочетании со снятием временных ограничений на трудовую иммиграцию из стран ЦВЕ коренным образом изменили картину международных миграций на европейском пространстве. Многие исследователи полагают, что в Европе можно говорить о возникновении новой миграционной системы, характеризующейся постепенным отходом от модели выезда на постоянное жительство и всё более широким распространением различных форм временной трудовой миграции – маятниковой, возвратной, циркулярной и пр. Такая модель миграции принципиально отличается от постколониальной модели миграции гастарбайтеров и беженцев, которая по сей день является источником острых политических разногласий между членами ЕС [13, p. 703]. Мигранты из стран

Восточной Европы – это не иммигранты в традиционном понимании этого термина, а участники свободного передвижения рабочей силы. В условиях открытых границ для них более характерна транснациональная мобильность временного или циркулярного характера, нежели долгосрочная или невозвратная иммиграция или тем более поиск политического убежища.

Литература

1. Де Тенги А. Восточная Европа: Миграционные процессы после расширения ЕС // Отечественные записки. – 2004. – № 5. – С. 297–307.

2. Конференция СНГ по проблемам беженцев и мигрантов // Управление Верховного комиссара по делам беженцев ООН. Европейская серия. – 1996, январь. – Т. 2. – № 1. – С. 180–209.

3. Международная организация труда. Преобразования и миграция в Центральной и Восточной Европе. Заключительный отчет по проекту RER/97/MO2/LUX. – М.: МОТ, 2002. – VIII, 66 с.

4. ЮНИСЕФ. Социальный мониторинг, 2003 год. Проект MONEE, ЦВЕ/СНГ/государства Балтии. – М.: ЮНИСЕФ, 2003. – 138 с.

5. Andor L. Where Now After Ten Years of Eastern Enlargement? // Social Europe. – 13 May 2014. – 10 p.

6. Bélorgey N., Garbe-Emden B., Horstmann S. et al. Social Impact of Emigration and Rural-Urban Migration in Central and Eastern Europe (VT/2010/001). Synthesis Report. – Köln: GVG, 2012. – 186 p.

7. Benton M., Petrovic M. How free is free movement? Dynamics and drivers of mobility within the European Union. – Brussels: Migration Policy Institute Europe, 2013. – 25 p.

8. Brücker H., Damelang A., Wolf K. Forecasting potential migration from the New Member States into the EU-15: Review of Literature, Evaluation of Forecasting Methods and Forecast Results // European Integration Consortium. Labour mobility within the EU in the context of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Background reports. – Nuremberg, 2009.

9. Budnik K.B. Migration Flows and Labour Market in Poland / National Bank of Poland. Working Paper Nr 44, November 2007. – 28 p.

10. De la Rica S., Glitz A., Ortega F. Immigration in Europe: Trends, Policies and Empirical Evidence / IZA Discussion Paper No. 7778, November 2013. – 98 p.

11. European Commission. Employment and Social Developments in Europe 2011. – Luxembourg, 2012. – 287 p.

12. European Integration Consortium. Labour mobility within the EU in the context of enlargement and the functioning of the transitional arrangements. Final report. – Nuremberg, 2009. – 179 p.

13. Favell A. The New Face of East-West Migration in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2008, Vol. 34, N 5. – P. 701–716.

14. Fic T., Holland D., Paluchowski P., Portes J. The Redistributive Impacts of Migration after the EU's Eastern Enlargement // Kahanec M., Zimmermann K.F. (eds.). Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 35–57.

15. Fic T., Holland D., Paluchowski P., Rincon-Aznar A., Stokes L. Labour Mobility within the EU – the Impact of Enlargement and Transitional Arrangements / NIESR Discussion Paper N 379. – London, 2011. – 71 p.

16. Fóti K. Mobility and migration of healthcare workers in central and eastern Europe. – Dublin: Eurofound, 2013. – 41 p.

17. Geographical and Labour Market Mobility / Report. Special Eurobarometer 337. – Brussels: European Commission, 2010. – 121 p.

18. Giannetti M., Federici D., Raitano M. Does Migration Help Reducing Inequality and Social Exclusion? / Working Paper 118. – Univ. of Rome, Dippartimento di economia pubblica, 2009. – 21 p.

19. Janicka A., Kowalska K. Współczesne migracje zagraniczne Polaków a polski rynek pracy // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2010, nr 4. – S. 79–106.

20. Kaczmarczyk P. Efekty migracji w odniesieniu do rynku pracy – przypadek polskich migracji poakcesyjnych // Studia BAS. – 2014, N 4 (40). – S. 55–80.

21. Kaczmarczyk P. Matching the skills of return migrants to labour market needs in Poland // Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. – P.: OECD Publ., 2013. – P. 112–126.

22. Kahanec M., Zimmerman K.F. Post-Enlargement Migration and the Great Recession in the E(M)U: Lessons and Policy Implications / UNU-MERIT Working Papers # 2016-066. – 34 p.

23. Kahanec M., Zimmermann K.F. Migration in an enlarged EU: A challenging solution? / European Economy. Economic Papers # 363. – Brussels: European Communities, March 2009. – 56 p.

24. Mansoor A., Quillin B. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union. – The World Bank, 2007. – 213 p.

25. McKinsey Global Institute. A Window of Opportunity for Europe. – McKinsey & Co., 2015. – 54 p.

26. OECD. Changing patterns in the international migration of doctors and nurses to OECD countries // International Migration Outlook 2015. – P.: OECD, 2015. – P. 105–182.

27. OECD. International Migration Outlook 2012. – P.: OECD Publ., 2012. – 395 p.

28. OECD. International Migration Outlook 2014. – P: OECD Publ., 2014. – 425 p.

29. OECD. International Migration Outlook 2015 – P: OECD Publ., 2015. – 376 p.

30. Petree J., Baruah N. A study of Migrant Sending Households in Serbia Receiving Remittances from Switzerland. – Geneva: IOM, 2007. – 84 p.

31. Recent trends in the geographical mobility of workers in the EU / EU Employment and Social Situation. Quarterly Review. Supplement June 2014. – Luxembourg, 2014. – 36 p.

32. Riso S., Secher J.E.O., Andersen T. Labour mobility in the EU: Recent trends and policies. – Luxembourg: Eurofound, 2014. – 77 p.

33. Sipavičienė A., Stankūnienė V. The social and economic impact of emigration on Lithuania // Coping with Emigration in Baltic and East European Countries. – P.: OECD Publ., 2013. – P. 45–64.

34. Zaiceva A., Zimmermann K.F. Returning Home at Times of Trouble? Return Migration of EU Enlargement Migrants during the Crisis // Kahanec M., Zimmermann K.F. (eds.) Labor Migration, EU Enlargement, and the Great Recession. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2016. – P. 397–418.

С.Г. Арбузов

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УКРАИНЫ В ПЕРИОД 2007–2015 гг.

Арбузов Сергей Геннадьевич – кандидат экономических наук, председатель Ассоциации «Центр исследований экономического и социокультурного развития стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»*.

После распада СССР и традиционных хозяйственных связей украинская экономика вступила в полосу затяжного кризиса. К 1999 г. ВВП Украины снизился до 40%-ного уровня показателей 1991 г., и в дальнейшем серьезных успехов усилия властей по подъему экономики не принесли. Так, в 2011 г. журнал *Forbes* поместил Украину на четвертое место после Гвинеи в рейтинге десяти худших экономик мира [2]. Перманентное кризисное положение дел в экономике страны неизбежно сказалось и на возможностях социального развития, причем негативное влияние усугублялось недостаточно эффективным государственным управлением, в частности в налоговой сфере, призванной обеспечить трансформацию результатов экономической деятельности в возможности защиты государством социальных потребностей и запросов общества, по данным Всемирного банка, Украина в 2014 г. занимала 164-е место в рейтинге налоговых систем мира [3, с. 165–166].

Одним из факторов, негативно влиявших все эти годы на развитие Украины, является низкий уровень политической стабильности. Достаточно отметить, что за период после распада СССР в Украине сменилось пять президентов, девять премьер-министров и девять председателей Верховной рады. При этом только в 2007 г. сложилась ситуация, когда и президент (на тот момент Виктор Ющенко), и премьер-министр (на конец 2007 г. – Юлия Тимошенко) входили в одну партию или коалицию. Учитывая это обстоятельство,

** С 28 января по 27 февраля 2014 г. – и.о. премьер-министра Украины; с декабря 2010 г. по декабрь 2012 г. – председатель Национального банка Украины.*

а также вступившие в силу незадолго до этого изменения в Конституции Украины, передавшие часть полномочий президента Верховной раде, можно сделать вывод, что с 2007 г. в государственном управлении Украины завершился переход от системы, ориентированной на одного человека (президента) к президентско-парламентской системе, в большей степени ориентированной на политические силы, формирующие правящую коалицию и представляющие значительную часть общества. В силу указанного обстоятельства эти силы вынуждены были разрабатывать и согласовывать государственную политику на более длительную перспективу и на основе более системного подхода, чем при чисто президентском правлении. Этим обусловлен особый интерес к данному периоду развития Украины в настоящем исследовании, посвященном эффективности государственной политики по обеспечению экономической безопасности.

Помимо низкого уровня политической стабильности можно выделить три группы причин, которые привели к кризисному состоянию украинской социально-экономической системы:

– *к первой группе* относятся причины, унаследованные от СССР. Это и избыточное огосударствление и монополизация экономики, отсутствие конкуренции между производителями и, соответственно, низкая конкурентоспособность выпускаемой продукции, сосредоточение на экспорте ресурсов, затратность экономики, высокие энергоемкость и электроемкость национальной экономики, антидемократический характер управления государственной собственностью и чрезмерная централизация при перераспределении национального дохода через государственный бюджет, милитаризация экономики, перераспределение значительной части созданного сельскими работниками национального дохода в пользу промышленности через механизм цен, низкий уровень производительности труда и многое другое;

– *ко второй группе* относятся причины, которые обусловлены неэффективными действиями власти в первые годы независимости страны, а именно:

• резкий разрыв хозяйственных связей со странами бывшего СССР, прежде всего с Россией, в результате чего Украина потеряла значительную долю традиционных рынков сбыта, и был остановлен ряд предприятий. При этом существующие хозяйственные связи не были эффективно модифицированы;

• отсутствие научно обоснованной стратегии трансформации командно-административной системы в развитую и совершенную экономическую систему, неопределенность модели такой трансформации (ставилась цель одновременного перехода к рыночной, социально ориентированной, смешанной экономике, а также к постиндустриальному обществу). Как следствие – формирование неэффективного сочетания государственно-административного регулирования и стихии рынка. Другими словами, власти Украины

хотели оставить все позитивное от экономической модели СССР и взять только позитивное от рыночной экономики, что привело к идеализации планов, малоуправляемой экономической ситуации и коррупции;

• неэффективность правовой системы (принятие неработающих, противоречивых или разрушительных по результатам законов, отсутствие механизма реализации многих из них);

• провалы денежно-кредитной политики (карбованцы не были оформлены как валютные ресурсы национальной банковской системы, а купоны не имели надежной защиты, что повлекло за собой их катастрофическое обесценивание, сделав средством опустошения национального рынка);

• шоковая либерализация цен, повлекшая обесценивание трудовых сбережений, что привело к минимизации нормы сбережений, резкому снижению покупательской способности большинства населения и его обнищанию;

• резкое увеличение доли импортных товаров на внутреннем рынке (доля которых достигла к 1999 г. 70%);

• проведение неэффективных конверсионных процессов (в 1991 г. доля военной продукции в общем объеме производства составляла почти 23%, а в 1996 г. – примерно 3,4%)[1];

• резкое увеличение налоговой нагрузки, а также изъятие в отдельные годы амортизационных отчислений в государственный бюджет;

• снижение доли принадлежащего государству национального дохода, приведшее в конечном итоге к снижению социальных расходов;

• проведение разгосударствления и приватизации, носящих теневой и криминальный характер, незаконное присвоение собственности представителями политической элиты (кланами) и бюрократизация аппарата исполнительной власти;

• постоянная смена правительств (до 2004 г. сменилось 11 правительств), большинство из которых, не выполнив принятых программ и планов, утвержденных бюджетов или отдельных статей, не понесла ответственности за это.

Отметим, что в начале периода рыночных преобразований страна находилась на довольно благоприятных позициях – более выгодных, чем большинство республик, включая Россию (до роста цен на энергию с 2003 г.). Однако кризис переходного периода в стране оказался одним из самых глубоких на всем постсоветском пространстве. Недостатки предыдущей экономики на начальном этапе развития независимого государства усилились вследствие некомпетентности власти, гипертрофированного стремления к личному

1. Здесь и далее (если не указано иначе) – официальные данные Госстата Украины, Национального банка Украины и Министерства финансов Украины.

обогащению лиц, имевших доступ к национальным богатствам, криминализации экономической сферы и др.

После 1991 г. отмечались такие кризисные явления, как резкий спад производства; высокие темпы инфляции (в 1992 г. они составляли до 3000%, в 1993 г. – более 10 000%); массовая безработица, которая, по данным МВФ, охватывала около 35% трудоспособного населения; катастрофическое снижение жизненного уровня подавляющего большинства населения – по разным оценкам, от 5 до 10 раз; массовая миграция рабочей силы, в том числе высококвалифицированной, за границу; постоянное увеличение внешнего долга (если в 1991 г. он составил почти 400 млн долл., то в 1999 г. – более 12 млрд долл.; резкая поляризация общества; значительная депопуляция населения (с 1990 по 2003 г. численность населения сократилась на 4,5 млн человек); кризис недопроизводства и другие негативные явления.

Заметим, что, несмотря на некоторые присущие исключительно Украине ошибки, низкую эффективность ее государственного управления, подобные явления были достаточно типичными практически для всех государств – бывших республик СССР: отсутствие четкой экономической политики (включая бюджетную, денежно-кредитную, налоговую и другие ее составляющие); некомпетентность органов государственной власти; неправильное применение ряда рыночных рычагов; негативное влияние международных финансово-кредитных организаций и т.д.

Третья группа причин является дистинктивной, порожденной специфическими особенностями трансформации сложившейся к концу 1990-х годов украинской экономической системы.

Формально динамика изменения структуры ВВП Украины в этот период соответствовала тенденциям наиболее развитых стран, осуществляющих переход к постиндустриальному типу общества: наиболее динамично развивающимся сектором экономики стал сектор услуг, доля которого в ВВП к концу 2000-х годов достигла 60%. Однако если в развитых странах главной отличительной чертой постиндустриального общества является очень высокая производительность труда, позволяющая при сохранении или даже росте промышленного производства высвободить из промышленности значительную часть работников, которые переходят в сферу высококачественных и инновационных услуг с высокой долей в ВВП, то в Украине основной причиной роста доли в ВВП сектора услуг стало резкое сокращение промышленного производства (при этом, в отличие от постиндустриального общества, где львиная доля приходится на инновационные услуги, в Украине основные отрасли сферы услуг – торговля, ремонт, гостиничный и ресторанный бизнес).

Значительная деиндустриализация, характерная для транзиционного кризиса на всем постсоветском пространстве, продолжилась в Украине

и в 2000-х годах, что привело к снижению адаптивности, уровня сложности и как следствие – конкурентоспособности производимой продукции, а также экспортного потенциала страны в целом (при сохранении определенной конкурентоспособности значительной части крупных промышленных предприятий металлургической и оборонной промышленности – в основном на Востоке страны).

При этом также отмечалось сокращение доли сельского хозяйства (некоторый рост был отмечен только в 2013 г.) при очень высоком количестве занятых в данной сфере.

Негативные сдвиги обнаруживаются и во внутренней структуре промышленности – доля обрабатывающих производств снизилась на фоне растущих долей добывающей промышленности, производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Следует также отметить сокращение доли металлургии и машиностроения. Единственным условно позитивным следствием такой деиндустриализации можно считать сокращение выброса CO_2 и уменьшение другого негативного воздействия на экологию.

В 2000–2012 гг. заметные перемены произошли в топливно-энергетическом балансе Украины. В целом первичное потребление энергии за 12 лет снизилось на 8,3% – с 133,8 млн до 122,7 млн т н.э., что отражало как сокращение экономической активности в энергоемких отраслях и секторах, так и действие мер по повышению эффективности энергопотребления. Серьезно сократились импорт (с 77% импорта всех энергоресурсов до 57) и потребление природного газа (с 47 всего первичного потребления до 35%), при этом несколько выросло потребление собственных ресурсов – угля и атомной энергии (с 29 до 35% и с 15 до 19% соответственно).

Добыча всех энергоресурсов в стране за рассматриваемый период выросла на 12% – с 76,4 млн до 85,4 млн т н.э. При этом существенно повысилась роль возобновляемой энергетики (без учета ГЭС), чему способствовал едва ли не самый высокий «зеленый тариф» на электроэнергию в Европе (или даже в мире).

В стране так и не прошла нормализация отношений в газовом хозяйстве. При собственной добыче около 20 млрд $м^3$ в год сбор платежей за газ отстает, и «Нафтогаз» находится в постоянном финансовом кризисе. По большому счету ни институциональные реформы, ни массированные вложения в ТЭК не были сделаны, несмотря на постоянные дебаты.

Короткий период экономического подъема 2006–2008 гг. был во многом обеспечен за счет увеличения товарного экспорта в Россию, а также денежных переводов, особенно из России. Мировой кризис 2008–2009 гг. резко остановил наметившийся было экономический подъем в стране. К политической нестабильности добавился связанный с внешнеполитическими конфлик-

тами украинского руководства серьезный рост цен на газ, который усложнил проблемы бюджета и газоемких отраслей хозяйства.

При этом на украинском валютном рынке до определенного момента сохранялось равновесие между предложением и спросом на иностранную валюту за счет увеличения поступлений долларов от экспорта металлопродукции, изделий химической промышленности, зерна, таможенных пошлин и т.п. По приблизительным подсчетам, украинцы, работающие за границей, ежегодно переводили и перевозили в Украину иностранной валюты на сумму свыше 20 млрд долл. Значительное количество валюты одалживали у заграничных институций правительство, коммерческие банки, фирмы. Это давало возможность в известной степени покрывать потребности растущего импорта.

Однако с изменением конъюнктуры на мировом рынке значительно уменьшились инвалютные доходы от экспорта и таможни. Начался вывод иностранной валюты из банковской сферы, существенно уменьшились денежные переводы работников. В итоге на украинском валютном рынке нарушилось равновесие между предложением и спросом на доллар. Его курс стал неконтролированно расти. Возникла паника, которая еще больше усилила спрос на валюту.

Следует подчеркнуть, что Национальный банк осуществил превентивные мероприятия по стабилизации денежного обращения. В частности ограничил неконтролированную выдачу кредитов коммерческими банками, подняв для них норму резервирования и учетную ставку, ограничил эмиссию денег. Но эти меры оказались запаздывающими в условиях существенного увеличения денежной массы, роста импорта товаров и увеличения объема инвалютных потребительских кредитов – все это привело к росту спроса на иностранную валюту. Такой избыточный спрос на доллар Центральный банк был неспособен обеспечить даже при использовании всех резервов заграничной валюты.

Непрофессиональная деятельность Национального банка в период мирового финансового кризиса заключалась в необоснованном допущении свободного обращения в Украине иностранной валюты наряду с гривной, выдаче кредитов коммерческими банками в заграничной валюте. В результате этих действий в обращении оказалась неучтенная и никем не контролируемая валютная масса; было также спровоцировано появление избыточного количества импортных товаров. По выполненным автором оценкам, средний уровень долларизации экономики в этот период составлял около 50%, что, по мнению специалистов, изучающих влияние долларизации на экономическую безопасность государства [1], превышает критическое (пороговое) значение, равное 45%. Ситуацию на валютном рынке, кроме дефицита платежного баланса, ухудшало отсутствие финансовых инструментов хеджирования рисков для населения и компаний, что приводило к искусственному углублению дефицита платежного баланса.

Таким образом, в период мирового экономического кризиса действия украинских властей по оздоровлению бюджетной сферы, а также последствия «газового» кризиса привели к ослаблению гривны. В период 2000–2008 гг. среднее значение обменного курса на Украине было на уровне 5,2 грн за доллар. Ряд событий, описанных выше, спровоцировал существенную девальвацию: в период 2009–2013 гг. среднее значение курса уже достигло 8 грн (в 2013 г. – 8,14 грн за доллар). В феврале–апреле 2014 г. произошло резкое падение курса гривны – до 11,5 грн за доллар, затем он стабилизировался, но в июле-августе вновь стал снижаться и к середине августа преодолел исторический рубеж в 13 грн за доллар, а Нацбанк Украины начал продажу долларов из резервов для стабилизации обстановки.

За период относительно спокойного развития экономики Украины в 2000–2007 гг. безработица увеличилась незначительно. В период кризиса 2008–2009 гг. этот показатель вырос до 8,8%, после чего в 2010–2013 гг. стабилизировался, вновь показав негативную динамику в 2014–2015 гг.

Среднегодовые значения инфляции на Украине в 2000-х годах сильно колебались: от 0,8% в 2002 г. до 25,2% в 2008 г. Всего же за 2002–2011 гг. цены в среднем выросли в 2,8 раза.

Одной их причин снижения устойчивости явились меры, проводимые правительством Ю.В. Тимошенко в рамках курса на рост благосостояния. Очевидно, что достичь увеличения народного потребления можно только за счет развития национального бизнеса, в первую очередь малого и среднего, роста производства товаров. В Украине же надлежащих условий для развития предпринимательства создано не было. Реальная экономика по существу не развивалась и не приносила значительных доходов. А производство мяса и молока ежегодно уменьшалось на 15–20%. Лишь энергоемкие металлургическая и химическая промышленность наращивали производство экспортной продукции благодаря повышению на нее спроса на мировом рынке. Это и создало эйфорию экономического бума. В этих условиях правительство увеличивало ежегодные социальные выплаты населению на 35–40% (зарплаты, пенсии, стипендии, пособия и т.п.). Для этого Национальный банк печатал и выпускал в обращение ежегодно свыше 60 млрд грн. Именно эти эмиссионные деньги в значительной мере пополняли доходы бюджета, из которого осуществлялись выплаты, что, кстати, было запрещено действующим законодательством.

В 2008 г. номинальные доходы украинцев выросли на 6,5 млрд грн, в том числе за счет выплат прежних долгов Сбербанком. Значительное увеличение денежной массы у граждан повлекло повышенный спрос на товары и стремительный рост инфляции.

Правительство хорошо понимало, что национальная экономика не способна производить необходимое количество товаров для покрытия избыточ-

ных денежных выплат и избыточной оборотной денежной массы. Поэтому был сделан решительный шаг в сторону значительного увеличения закупки продукции за границей (импорт). Украина вышла на третье место в Европе по объемам покупки мобильных телефонов и на пятое – по объемам приобретения дорогих автомобилей. В итоге под воздействием двух основных факторов – роста цены на закупаемый в России газ и провала курса на импортозамещение – торговый баланс изменился с позитивного на негативный. Если на 1 января 2005 г. доходы от экспорта превышали расходы импорта на 3,5 млрд долл. США, то на 1 января 2009 г. отрицательное сальдо торгового баланса составляло уже 15 млрд долл. При этом усилился дефицит иностранной валюты, обусловив тенденцию к обесцениванию гривны.

Необходимо также отметить, что массовая покупка товаров за границей способствовала уничтожению национальных производителей. Вследствие этого норма сбережений в Украине неуклонно падала на протяжении всего рассматриваемого периода. В 2004 г. объем сбережений достигал 31% ВВП; к 2008 г. сбережения сократились до 21%; а по итогам 2013 г. упали, по официальным данным, до невероятного уровня в 6% ВВП.

Государственный бюджет Украины стабильно оставался дефицитным, причем размер дефицита увеличивался на протяжении всего периода. Отметим, что в структуре расходов бюджета Украины значительную долю традиционно занимали образование, социальная защита и социальное обеспечение (почти 2/3 расходов консолидированного бюджета Украины), а затраты на экономическую деятельность оставались незначительными, что свидетельствует о недостаточности политики по развитию и оздоровлению экономики в период спада.

Многие специалисты называют наиболее стабильным период 2010–2012 гг. В сравнении с кризисными 2008–2009 гг. экономические показатели выглядели относительно неплохо: небольшое увеличение ВВП, приостановка роста инфляции, некоторое укрепление украинских позиций в международных рейтингах экономических свобод и легкости ведения бизнеса. В 2010 г. удалось получить два транша кредита от МВФ.

Уровень безработицы за этот период оставался существенно ниже кризисных показателей 2008–2009 гг. и был куда ниже показателей большинства стран Центральной и Южной Европы. По данным Международной организации труда, Украина вышла из экономического кризиса с безработицей среди людей 15–70 лет на уровне 8,8%. По итогам 2012 г., данный показатель снизился до 7,5%; наиболее существенно он сократился и по самой уязвимой категории – мужчины трудоспособного возраста (с 10,8 до 8,9%). По итогам III квартала 2013 г., лишь 6,2% населения в возрасте 15–70 лет не имели работы; среди людей трудоспособного возраста таковых было 6,7%.

По итогам 2009 г., номинальная средняя зарплата в Украине составляла 1906 грн, а на конец 2012 г. – уже 3026 грн. Росли соцстандарты: минимальная зарплата увеличилась с 869 грн (на январь 2010 г.) до 1147 грн (на январь 2013 г.), минимальная пенсия соответственно – с 695 грн до 894, увеличивались прожиточный минимум, стипендии, выплаты детских пособий, единовременная помощь при рождении ребенка была повышена с 15 тыс. до 25 тыс. грн.

Был принят новый Налоговый кодекс, введены каникулы для малого бизнеса, снижены ставки налогов.

Однако темпы преодоления последствий кризиса, усугубленных ошибками государственного управления в начале посткризисного периода и определенной политической нестабильностью, были недостаточными. Это привело к тому, что настигшая Украину во второй половине 2012 г. рецидивная волна мирового кризиса, существенно более слабая, чем основная (2008–2009), спровоцировала в 2013 г. острый экономический и социально-политический кризис в стране.

Начиная с 2012 г. мировая экономика росла более высокими темпами, чем украинская. В целом за 2010–2013 гг. доля Украины в мировом ВВП сократилась с 0,408 до 0,389%. Из ключевых отраслей экономики к 2012–2013 гг. на предкризисный уровень вышло только сельское хозяйство. В то же время металлургия и машиностроение Украины к 2011 г. оказались на уровне лишь 85–90% от 2008 г., а с 2012 г. и вовсе подверглись новому спаду. Строительные работы за 2009 г. сократились вдвое и с тех пор не смогли восстановить объемы. Серьезные проблемы для развития отдельных отраслей (металлургия, химия) создали относительно высокие цены на закупаемый в России природный газ.

Хроническое покрытие дефицита госфинансов на уровне 3–4% ВВП позволяло правительству длительное время вести благоприятную социальную политику. Реальные доходы населения в 2010 г. выросли на 16,2%, в 2011 – на 6,1, в 2012 г. – на 9,7%. В начале 2013 г. этот показатель темпа роста – 7,6%, замедлившийся к третьему кварталу до 1,9%. Реальная заработная плата росла еще более высоким темпом – 14,4% в 2012 г. и 8,2% в 2013 г. В бюджете на 2014 г. был заложен рост прожиточного минимума и минимальной зарплаты на 6,8%. Основное повышение намечалось на 1 октября 2014 г., за полгода до запланированных выборов президента.

Рост личных денежных переводов на Украину совпал с ростом нефтяных цен и экономическим подъемом в России, потребовавшим больше рабочей силы и увеличившим заработки украинских трудящихся в России. В 2013 г. только статистически видимые личные денежные переводы на Украину, по оценкам Всемирного банка, составили 9,3 млрд долл. По данным Нацбанка Украины, в 2013 г. более 7,3 млрд долл. (из них 36% из России) было переведено на Украину только через банковские счета и международные платежные

системы. Объем переводов, по неофициальным каналам, зафиксирован на уровне в 1,2 млрд долл. Экспорт рабочей силы с Украины в соседние страны позволял компенсировать торговый дефицит с ними.

Рост потребления на фоне рецессии приводил к высоким импортным закупкам и сокращению инвестиций. Валовое накопление основного капитала в 2013 г. сократилось, по данным Госстата, на 6,6%. В целом объем капитальных инвестиций, освоенных предприятиями и организациями страны за счет всех источников финансирования, упал на 11,1%. Чистый приток прямых иностранных инвестиций, согласно данным НБУ, в 2013 г. сократился вдвое: с 6,63 млрд до 3,35 млрд долл. США.

Значительная часть государственных инвестиций свернулась после проведения финальной части Чемпионата Европы по футболу. Капитальные расходы госбюджета в 2013 г. упали на 39,5%, все ресурсы направлялись на текущие нужды.

Центральный банк проводил политику «дорогих» денег, обеспечивая стабильный обменный курс на уровне 7,9–8,2 грн / долл. Это вело к высоким ставкам по депозитам физических лиц в национальной валюте на уровне 17–19% годовых (данные индекса UIRD), что, помимо абсорбирующей роли, было важно для временного перераспределения банковских доходов в пользу населения, чьи доходы в этот период ощутимо снизились, а также для переориентации государственной долговой политики с МВФ на внутреннего инвестора. Очевидно, что цена кредитов для бизнеса значительно выросла – ставки по долгосрочным кредитам находились в пределах 20–25%, однако, по расчетам Минфина Украины с учетом появляющейся возможности выхода банковской системы на внешние рынки заимствования (а значит, и снижения стоимости привлечения средств), ситуация должна была сбалансироваться в течение двух-трех лет. Неконституционная смена власти в начале 2014 г. не позволила реализовать эти планы, так же как и впервые разработанную по инициативе автора Стратегию развития рынка финансовых услуг небанковского сектора, которая только за 2013 г. принесла значимые результаты: активы небанковского финансового сектора Украины увеличились на 24% и перешли уровень 127 млрд грн. В частности активы страховщиков выросли на 18%; стоимость активов негосударственных пенсионных фондов возросла на 26; общие активы кредитных союзов увеличились на 30; кредитный портфель увеличился на 18, а депозитный – на 5%; объем задолженности по просроченным и невозвращенным кредитам, предоставленным членам кредитных союзов, уменьшился на 71%.

Ключевой фактор, способствовавший тому, что рецессия оставалась умеренной – активная политика правительства по наращиванию внешнего и внутреннего долга. За девять лет внешний долг Украины вырос в 4,4 раза, в основном при президенте В. Ющенко: за 2005–2009 гг. – в 3,4 раза. Основной

валютой внешних заимствований Украины является доллар США – около 3/4 объема долга. Около 40% госдолга имеет срок погашения до двух лет.

В начале 2014 г. валовый внешний долг Украины превысил 142 млрд долл. Около четверти этой суммы приходилось на государственный внешний долг – к июлю 2014 г. эта сумма выросла до 41 млрд долл. (включая 3 млрд долл. российских облигаций конца 2013 г.). Причем доля краткосрочного долга стабильно превышала 45%, что держало финансовую систему страны в постоянном напряжении. Параллельно с ростом долга в последние годы происходило быстрое сокращение золотовалютных резервов страны – обеспеченность внешнего госдолга резервами упала со 100% в январе 2011 г. до 40% в июле 2014 г. (объем резервов упал до 17 млрд долл.).

Несмотря на повышение налоговой нагрузки, в стране наблюдалась хроническая нехватка бюджетных доходов. По данным Министерства финансов, государственный бюджет в 2013 г. был недовыполнен на 3,4%. Всего в казну поступило 339,2 млрд грн, что оказалось на 6,8 млрд грн меньше, чем в 2012 г. Объемы переплат (авансовой уплаты налогов) выросли на 4,1 млрд – до 62 млрд грн. Сумма невозмещенного НДС на 1 января 2014 г. равнялась 14,9 млрд грн. При этом выросли специфические ставки акциза на спирт и ликероводочные изделия, винодельческую продукцию, коньяк и пиво, минимальное акцизное налоговое обязательство и специфические ставки на табачные изделия, введен утилизационный сбор на автомобили, акцизный сбор на табак стал собираться в авансовом режиме.

Важной мерой по повышению финансового потенциала можно считать введенный по инициативе автора налог на операции по отчуждению ценных бумаг и на операции с деривативами, используемыми для «оптимизации» налогов. При обосновании своего предложения автор исходил из того, что жизнеспособность «оптимизирующих» налоги компаний зависит от соотношения экономической целесообразности и уголовной ответственности за деятельность по «оптимизации» налогов. Следовательно, повышение налоговой нагрузки на такие посреднические компании приведет одновременно и к увеличению налоговых поступлений в бюджет от них и к сокращению рынка услуг по «оптимизации». О масштабе и значении этого явления говорит такой факт – в результате проведенных в 2013 г. мероприятий было раскрыто 2840 преступлений в сфере оказания финансовых услуг, сумма ущерба от которых составила 32,9 млн грн; из них обеспечено к возмещению свыше 30 млн грн. Однако эта целевая государственная программа по увеличению налоговых сборов, рассчитанная на пять лет, была свернута через два года; в результате структуры, обналичивающие средства, продолжили активно работать на рынке, а стоимость их услуг, по данным операторов этого рынка, выросла с 7–9% в 2013 г. до 10–13% в 2015 г.

Рост доходов населения активно поглощался высоким спросом на иностранную валюту, а также привлекательными ставками по депозитам для граждан. Так, чистый спрос на валюту со стороны населения (т.е. превышение объемов покупки населением долларов, евро и другой инвалюты над объемами ее продажи в банки) в 2013 г. составил, по официальным данным НБУ, почти 2,9 млрд долл. Депозиты физических лиц за год выросли на 19,5%, в том числе на 38% – в национальной валюте.

Слабый потребительский и инвестиционный спрос привел к снижению цен, что сигнализировало о негативных процессах в экономике и отсутствии стимулов для экономического роста. Так, индекс цен производителей промышленной продукции в 2013 г. составил 99,9%, причем в металлургии падение отпускных цен составило 5%, в добыче металлических руд – 3,4, в добыче каменного угля – 7,5, в производстве кокса и коксопродуктов – 11,5%. Цены на потребительские товары упали за год, согласно данным Госстата, на 0,3%. При этом продолжался умеренный рост цен и тарифов на услуги (гостиницы и рестораны – на 1,9%, образование – на 3,4, транспорт – на 2, услуги отдыха и культуры – на 2,8, услуги здравоохранения – на 2,3, квартплата – на 2,6%). Дефляция состоялась за счет таких товарных групп, как продукты питания (-2,4%), одежда и обувь (-3%).

Индекс потребительских настроений, регулярно рассчитываемый маркетинговой компанией *GfK Ukraine* с 2000 г. на основании опроса украинских домохозяйств, в 2012–2013 гг. стабилизировался в зоне 80–90 пунктов[2]. Однако начиная с декабря 2013 г. индикатор стал указывать на стремительное ухудшение потребительских настроений граждан в стране. В январе 2014 г. индекс потребительских настроений достиг отметки 72,5 пункта, а это означает, что уже лишь 36% людей наиболее активного возраста (15–59 лет) верят в улучшение экономической ситуации в стране в ближайшие 12 месяцев. Соответствующий индекс экономических ожиданий рухнул в начале 2014 г. до 71,3 пункта – антирекорд с марта 2011 г.

Роль экспорта как драйвера экономического роста постепенно снижалась. Если в 2011 г. физические объемы экспорта товаров и услуг выросли на 2,2% при изменении дефлятора на 26,1%, то в 2012 г. они уже упали на 7,7% при росте ценового фона на 9,8%. В третьем квартале 2013 г. вывоз товаров и услуг сократился в физическом объеме на 7,8%, однако дефлятор (3,6%) оставался выше внутреннего. Соотношение экспорта товаров и услуг к объему ВВП страны сократилось до 45,9% (в 2011 г. – 53,8%).

Украина не подготовила свой ответ на политику импортозамещения, которую вела в последние годы Москва. Сокращение экспорта в Россию не

2. Это означает, что 40–45% граждан считают, что их потребление будет расти; индекс имеет интервал от 0 до 200 пунктов.

компенсировалось за счет других рынков (за исключением китайского). Вывоз товаров в Российскую Федерацию сократился за 2012–2013 гг. на 24% – с 19,82 млрд до 15,065 млрд долл. После событий конца 2013 г. крупнейшим внешнеторговым партнером Киева стал Европейский союз, куда было экспортировано 26,5% товаров. Доля Российской Федерации сократилась до 23,8%. В настоящее время экспорт в Россию практически полностью заморожен.

Разрушительный для экономики Украины характер приобрело противоречие между ЕС и Таможенным союзом. На этом фоне украинское правительство не смогло решить острое торговое противоречие выбора между зоной свободной торговли с Европейским союзом и Таможенным союзом. Полученная учеными из Национальной академии наук оценка инвестиций, желаемых в качестве компенсации потерь от европейского выбора, в размере 160 млрд долл. была воспринята основной частью общества как нежелание власти что-либо делать.

Продолжали действовать барьеры, ограничивающие способность предприятий увеличивать производство, в частности высокие цены на энергоносители, дефицит оборотных средств, чрезмерное налоговое давление, недостаточный спрос на продукцию и др.

В ноябре 2012 г. произошла девальвация акцента на реформы. Если в 2010–2011 гг. ключевой программный документ президента на пятилетку (Программа экономических реформ «Зажиточное общество, конкурентоспособная экономика, эффективное государство») выполнялся на 70–90%, то в 2013 г. – менее чем на 40%.

Можно сказать, что все эти факторы спровоцировали недовольство общества властью, что вылилось в события 2013–2014 гг. Как показали расчеты, проведенные в исследовании, период после переворота оказался катастрофическим с точки зрения социально-экономического развития. Отмечается не только усугубление существовавших проблем, но и появление новых, решение которых не может быть найдено в рамках действующей в Украине общественно-политической системы.

Главным макроэкономическим показателем, который характеризует уровень экономического развития страны, является ВВП (валовый внутренний продукт).

В 2014 г. ВВП на Украине на душу населения составил чуть больше 2 тыс. долл. США, что на 8,2% меньше, чем показатели 2013 г. Нужно отметить, что в 2015 г. ВВП сократился уже на 11%. Согласно данным МВФ, по показателю ВВП Украина находится на 105-м месте в мире. Для сравнения: в 2004 г. страна занимала 51-е место.

Практически вдвое вырос размер госдолга страны. В 2013 г. он составлял около 40%, а в 2015 г. его размер уже превысил 70% ВВП.

Промышленное производство Украины продолжает находиться в тяжелом кризисе. В 2014 г. оно уменьшилось на 10,7%, а в 2015 г. уже на 16,6%.

В результате действий украинских властей, направленных на дезинтеграцию отношений со странами Евразийского экономического союза (прежде всего с Россией), в стране в разы сократился сбыт промышленной продукции, что и повлекло за собой мощный кризис в сфере производства.

Уровень инфляции на Украине в 2014 г. составил 15,7%, в 2015 – 43,3%. Нужно отметить, что одним из основных факторов роста инфляции явилось существенное ослабление национальной валюты – гривны. В период обвала курса в начале 2015 г. до 40 грн за доллар цены на товары были пересмотрены именно исходя из этих показателей.

В 2015 г. курс гривны к доллару был на отметке в 23,83, в то время как в 2013 и 2014 гг. этот показатель составлял 7,94 и 15,74 грн соответственно. Необходимо отметить, что после неконституционной смены власти национальная валюта обесценилась примерно на 300%.

Объем розничных продаж (в сопоставимых ценах) за январь–август 2015 г. сократился на 23,1% в сравнении с аналогичным периодом 2014 г. То есть за год темп сокращения уровня потребления населения Украины вырос почти в 6 раз.

Средняя реальная зарплата с начала 2015 г. сократилась на 26%, а пенсия – на 40%. Бóльшая часть населения страны выведена за черту бедности. По оценкам независимых экспертов, сейчас не менее 2/3 населения Украины находится за чертой бедности, и темпы роста обнищания продолжают нарастать. Нельзя не отметить и резкое повышение тарифов на услуги ЖКХ, размер которых составляет бóльшую часть доходов некоторых украинцев.

Таким образом, можно выделить три периода: 2007–2009 гг. – кризисный период с малоэффективной антикризисной политикой государства, 2010–2013 гг. – период поэтапного восстановления устойчивости (стабилизация производственного, финансового и внешнеэкономического потенциалов), 2014–2015 гг. – период рецидивного кризиса с ухудшением практически всех потенциалов.

С учетом продолжавшихся в 2016 г. негативных тенденций социально-экономического развития Украины можно сделать вывод, что устойчивость развития страны находится на крайне низком уровне и продолжает снижаться (за исключением экологического потенциала). Это спровоцировано реализуемыми властью неэффективными мерами, направленными не на развитие экономики (прежде всего на формирование производственного потенциала), а на поиск средств для покрытия текущих расходов, значительная часть которых является неэффективными (что признается партнерами Украины из МВФ и Евросоюза).

Литература

1. Анищенко А.В. Противодействие негативному влиянию долларизации национальной экономики на финансовую безопасность страны: диссертация ...кандидата экономических наук: 08.00.05 / Анищенко Александр Владимирович; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2013. – 178 с.

2. Fisher D. The World's Worst Economies // Forbes. Jul 5, 2011.

3. Paying Taxes 2014: The global picture. A comparison of tax systems in 189 economies worldwide. The World Bank/IFC. PwC.

Н.И. Бубнова

НОВАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ США: ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Бубнова Наталия Игоревна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник НИ ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

Дональд Трамп в ходе избирательной кампании делал ставку на уход от глобализма и концентрации на внутреннем развитии страны с элементами изоляционизма. Он призывал ставить американские интересы во главу угла – «Америка прежде всего», укреплять свою страну, не тратя сил на других. При этом Дональд Трамп, как впрочем и Барак Обама до него, обещал не навязывать волю США другим народам, уйти от роли мирового жандарма.

В ходе избирательной кампании Трамп неоднократно говорил о нацеленности на взаимодействие с Россией. В качестве главных задач своей военно-политической стратегии он видел не преодоление «российской угрозы», а борьбу с запрещенной в России группировкой «Исламское государство», противодействие «возвышающемуся» Китаю, обеспечение кибербезопасности, совершенствование эффективности работы Пентагона. Этим объясняются долгое время продержавшиеся в России симпатии к Трампу: надеялись, что с ним «будет легче», что в случае его победы можно будет, по крайней мере, начать российско-американские отношения с чистого листа.

«Поладить с Россией?»

Стремление Дональда Трампа к сотрудничеству с Россией – это намерение руководствоваться национальными интересами и рациональными соображениями, но с нацеленностью на совместные действия и положительный результат. Первые шаги его свидетельствовали о том, что он будет стремиться предпринимать усилия в данном направлении, как и обещал во время избирательной кампании. Он исключил Россию из списка главных угроз США. В дни после слушаний в Конгрессе по поводу хакерских атак, в которых обвиняли Россию, Трамп писал у себя в Твиттере: «Иметь хорошие

отношения с Россией – это хорошо, а не плохо. Только “глупые” люди могут думать, что это плохо»[1].

От редакции. *Социальные сети используются в политике не первый год. Однако новый президент США перевернул представление о том, как политик должен применять этот инструмент – переворот этот произошел в Твиттере. По наследству от Обамы Трампу достался официальный аккаунт, но гораздо активнее он использует свой личный аккаунт, созданный в марте 2009 г., – задолго до появления президентских амбиций.*

Лексика и синтаксис Трампа поражают специфической скудостью. Фирменный стиль Трампа – это, в частности, писать в конце Твитта короткое слово с восклицательным знаком, например «грустно!» или «плохо!» (см.: Мартынов К. Твиттер Трампа. Очень страшно! // Новая газета. – М., 2017.15.02. – С. 10.)

Однако, вопреки ожиданиям многих и в России, и в США, и после избрания, и уже вступив на пост президента, Дональд Трамп пока не сформулировал четко своей стратегии в отношении России. Среди выдвигавшихся объяснений этому наряду с «компроматологией» (утверждениями, что Трамп находится под влиянием Кремля, поскольку там на него имеется компрометирующее досье) и мнением, что новому президенту просто не хватает стратегического подхода, любопытной представляется точка зрения, высказанная известным гарвардским профессором Стивеном Уолтом: «…может быть, Трамп и некоторые из его советников (наиболее показателен Стивен Бэннон[2]) исходят из широкого рамочного представления о “столкновении цивилизаций” Хантингтона, что предопределяет и их неприятие мультикультурализма внутри страны, и определение друзей и врагов за рубежом. Исходя из этого культуралистского, расово окрашенного мировосприятия, иудейско-христианский (преимущественно белый) мир подвергается осаде со стороны “других” сил, в первую очередь мусульманских. И с этой точки зрения идеальными союзниками являются не либералы, проповедующие терпимость, этнокультурное разнообразие и открытое общество, а скорее жесткие почвенники-государственники, которые любят границы, “стены”, сильных лидеров, подавление или маргинализацию любого, кто является иным (включая, разумеется, атеистов и гомосексуалистов), кто опирается на вполне традиционный набор культурных ценностей» [13]. Это сопоставимо, например, с тем, как после Второй мировой войны Соединенные Штаты по всему миру сделали

1. Режим доступа: https://twitter.com/realDonaldTrump?ref_src=twsrc%5Etfw

2. Стив Бэннон – бывший ведущий ультраправого сайта, возглавлявший на завершающем этапе избирательный штаб Трампа, поклонник Ленина и противник иммигрантов и гомосексуалистов, которого Дональд Трамп сделал главным советником по стратегическим вопросам и включил в Совет национальной безопасности.

ставку не на либеральные демократии, а на диктатуры, которые они считали более эффективными в противостоянии коммунистам и социалистам.

Первый телефонный разговор между Владимиром Путиным и новым американским президентом состоялся вскоре после его инаугурации. Хотя российская сторона старалась не завышать ожиданий от этого звонка, подчеркивая, что он будет «только протокольным», в действительности обсуждались многие значимые темы совместной повестки дня, было, в частности, согласовано сотрудничество в Сирии. Отметим, что остаются такие вопросы, как урегулирование украинского кризиса, прекращение Сирийского конфликта, реализация Иранского ядерного соглашения, преодоление тупика, связанного с северокорейской проблемой, возобновление процесса контроля над вооружениями [1, с. 19–60, 95–108, 125–141] и другие, – решение которых может значительно выиграть в случае российско-американского взаимодействия.

Важный для России вопрос о санкциях в ходе телефонного разговора не обсуждался. Проблема санкций находится за рамками данной статьи и в контексте рассматриваемой темы имеет значение лишь постольку, поскольку санкции препятствуют российско-американскому сотрудничеству в военной и военно-технической сферах и, в частности, осложняют осуществление совместных мер по противодействию терроризму. Подчеркнем, что хотя от Трампа ожидают хотя бы частичного снятия санкций (в Конгрессе предпринимают упреждающие меры против этого), однако, как полагают сотрудники ИНИОН Дмитрий Ефременко и Анастасия Понамарева, нельзя считать благоприятной ситуацию, когда сокращение санкционного бремени становится предметом политического «размена». Скорее, предпочтительным, с их точки зрения, является вариант эрозии режима санкций, условия для которой могут быть созданы в результате прогресса на других направлениях российско-американских отношений и попыток Европейского союза адаптироваться к быстро изменяющейся обстановке [5, с. 14].

Европа: Мир небезусловный

В период до и после американских президентских выборов продолжалось размещение элементов американской ПРО в Румынии и Польше. В январе 4 тыс. американских солдат были переброшены в Польшу, 2 тыс. единиц американской тяжелой боевой техники, включая танки, были передислоцированы в Польшу, страны Балтии, а также в Румынию, Венгрию, Болгарию, а затем вслед за танками в Европу начали переправляться вертолеты. Председатель сенатского Комитета по вооруженным силам республиканец Джон Маккейн выступил с инициативой разместить американские войска в странах Балтии на постоянной основе. Во время слушаний по поводу утверждения

Джеймса Мэттиса на посту министра обороны, Маккейн, который в качестве председателя профильного комитета вел дебаты, многократно и настойчиво повторял вопрос, поддерживает ли последний эту его инициативу, и добился-таки положительного ответа. Характерно, что слушания происходили на следующий день после начала переброски американских танков и других вооружений в Польшу.

В ходе предвыборной кампании Трамп заявлял, что НАТО устарело, высказываясь критически по поводу того, что НАТО не борется с терроризмом. Он выражал недоумение, почему Соединенные Штаты должны нести бремя защиты своих союзников по НАТО, если, несмотря на договоренность об обязательном выделении на военные нужды 2% от ВВП, лишь четыре страны, помимо самих США, выполняют свои обязательства по финансированию военных расходов.

Наряду с НАТО, Трамп подвергал сомнению и актуальность Евросоюза. Он приветствовал решение Великобритании о выходе из этой организации, подвергал резкой критике политику Ангелы Меркель по приему беженцев, приведшую к волне иммиграции в европейские страны и создавшую, по его словам, большие проблемы для будущей безопасности[3].

Тем не менее распространяющиеся сейчас представления о том, что Дональд Трамп будет выстраивать только двусторонние отношения и это приведет к роспуску и ЕС, и НАТО, не соответствуют действительности. НАТО со счетов не списывается, о чем во время визита Терезы Мэй заявил сам Трамп, а его министр обороны подчеркнул, что данная организация имеет абсолютную ценность. Но Брексит, проблема беженцев, протесты против НАТО в государствах-новобранцах – Болгарии, Черногории, вновь вспыхнувшие противоречия между Сербией и Косовом и с этническими албанцами внутри Сербии, заявление нового президента Молдовы Игоря Додона о том, что подписанное его страной Соглашение об ассоциации с ЕС может быть пересмотрено в пользу решения о членстве в ЕАЭС – эти события создают новую ситуацию для Европы, и вопросы безопасности нуждаются в пересмотре. Возникают новые императивы для налаживания взаимодействия и поиска путей восстановления российско-европейского и российско-американского сотрудничества.

3. Режим доступа: http://www.bbc.com/news/world-us-canada-38632485

Украинский конфликт и российско-американские отношения: Без экзистенциальных противоречий?

В ходе избирательной кампании Трамп делал заявления, что Украина вне поля интересов США и что ее проблемами должны заниматься европейские государства. Это фактически означало отказ от американской силовой политики в отношении этой страны, но, впрочем, не исключало перспектив американского влияния на позицию официального Киева. Трамп даже упоминал о возможности признания Соединенными Штатами присоединения Россией Крыма (что было дезавуировано в первые недели его президентства).

В Киеве во время американской избирательной кампании однозначно высказывались в пользу Хиллари Клинтон в качестве кандидата в президента, украинские олигархи делали пожертвования в фонд Клинтонов, – что после победы ее соперника, естественно, снижает шансы этой страны на получение американских преференций.

В отличие от Хиллари Клинтон, Дональд Трамп никогда не высказывался в поддержку поставок летальных вооружений правительству Порошенко – на чем настаивали большинство в Республиканской партии в Конгрессе: последний законодательный акт на сей счет был принят Палатой представителей не далее как 21 сентября 2016 г. под названием «Акт за стабильность и демократию для Украины». А в военном бюджете, прошедшем утверждение в Конгрессе в декабре 2016 г., 350 млн долл. отводится на «военную помощь» Украине.

Дональд Трамп неизбежно будет испытывать большое давление со стороны Конгресса, большинство в котором считают Россию виновной в событиях на Украине. 27 сенаторов обратились 8 декабря с письмом к Дональду Трампу с требованием ужесточить американскую позицию в отношении России в связи с Украиной. Во время слушаний в сенатском Комитете по вооруженным силам по поводу назначения Джеймса Мэттиса на пост министра обороны ни один из участников слушаний не оспаривал тезиса о «российской агрессии», а председатель комитета сенатор Джон Маккейн говорил о том, что Россия «сбила самолет над Украиной» [8]. Перед самой инаугурацией 11 января группа сенаторов от Республиканской и Демократической партий представила внесенный сенаторами обеих партий законопроект «Противодействие российским военным действиям 2017», предполагающий введение новых санкций за действия Москвы на Украине и в Сирии и предусматривающий выделение 100 млн долл. на борьбу с «российской пропагандой и распространением недостоверных сведений».

В конце января 2017 г. ситуация на востоке Украины вновь резко обострилась. Интенсифицировались обстрелы населенных пунктов, украинская армия продвинулась вперед в нейтральной зоне разграничения огня.

Представитель Государственного департамента Марк Тоннер выступил с призывом о немедленном прекращении огня и полном допущении представителей ОБСЕ в зону конфликта. Однако в его заявлении – в отличие от сделанного за месяц до того представителем предыдущей администрации – вина за кровопролитие не возлагалась на «российско-сепаратистские силы» (появившийся недавно новый «термин»), а требование прекратить насилие было безличным, не было адресовано именно Москве. Примерно в те же дни, что и заявление Тоннера, была опубликована статья в *New York Times*, где происходящее на Украине было названо «гражданской войной», а не войной России против Украины. Раньше такое обозначение украинских событий появлялось разве что в альтернативных СМИ. Означает ли это «подвижку» в восприятии Украинского кризиса и бóльшую готовность за океаном признавать наличие интересов восточных украинцев? Правда уже через несколько дней только что назначенная представитель США при ООН Никки Хейли в своем первом выступлении в новой должности осудила – хотя и с оговорками – «агрессию России»[4], а пресс-секретарь Белого дома Шон Спайсер сказал на брифинге для журналистов, что «президент невероятно жестко вел себя с Россией …и очень ясно дал понять, что ожидает от российского правительства деэскалации насилия на Украине и возвращения Крыма»[5], – хотя он же подчеркнул при этом, что США стремятся наладить отношения с Россией.

В случае с обострением ситуации на Украине трудно точно установить, «кто первым начал». Однако очевидно, что обострение не выгодно российской стороне, но оно в интересах Порошенко, не способного обеспечить выполнение Минских соглашений. Как в сентябре 2016 г. писал Стивен Коэн (его позиция, впрочем, подвергалась резкой критике со стороны вашингтонского мейнстрима), Порошенко, кажется, думает, что его спасение – в возобновлении войны Киева против восставших территорий, что может вернуть ему поддержку Вашингтона, но может привести к полномасштабной войне с Россией [7].

Позитивным следует считать тот факт, что в ходе встречи Нормандской четверки в Берлине 19 октября 2016 г. участники встречи подтвердили свою приверженность Минским соглашениям и договорились о выработке «дорожной карты» с целью их поэтапной реализации. России следует снова и снова напоминать западным контрагентам об установленном этими соглашениями порядке действий: сначала прекращение боевых действий и принятие конституционных поправок об особом статусе регионов Луганской и Донецкой областей и закона о местных выборах, согласованных с предста-

4. Режим доступа: http://www.voanews.com/a/united-states-condemns-russian-aggression-eastern-ukraine/3704001.html

5. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=wZE2sNzrB30

вителями властей регионов Донецка и Луганска, и назначение самих этих выборов, а затем уже начало передачи украинской границы под контроль Киева. В связи с приходом новой американской администрации возможна активизация неформальных российско-американских контактов по вопросу об Украине. Многие эксперты считают оптимальным «замораживание» ситуации, очевидно, что замороженный конфликт лучше, чем военные действия, но урегулированный конфликт лучше, чем замороженный. Не исключено, что с администрацией Трампа получится также провести некую кодификацию обязательства не принимать Украину в НАТО, да и конфликт в Донбассе не позволяет киевскому руководству – в соответствии с уставом этой организации – рассчитывать на скорое вступление в Альянс.

Борьба с терроризмом: Разные ипостаси разными глазами

В противоположность предыдущим администрациям, остерегавшимся обозначать религиозную окраску терроризма [2, с. 82–85], Дональд Трамп открыто говорит о радикальном исламизме и необходимости противодействия как терактам, так и порождающей их идеологии. В марте 2015 г. в интервью *CNN* он сказал: «Ислам ненавидит нас»[6], а после событий в Берлине, где грузовик въехал в толпу на рождественском базаре, убив 12 человек, Трамп разместил в Твиттере сообщение: «Это чисто религиозная угроза, обратившаяся реальностью. Такая ненависть. Когда Соединенные Штаты и другие страны дадут отпор?»[7]

Борьбу с терроризмом и распространением радикального ислама Трамп обещал сделать основным направлением своей внешней политики (хотя иногда в качестве главной угрозы называл не терроризм, а Китай).

Борьба с терроризмом, которую Дональд Трамп сравнивал с противодействием фашизму во время Второй мировой и коммунизму в период холодной войны, в соответствии с его представлениями должна включать:

- совместные действия с союзниками по НАТО и из числа Ближневосточных стран;
- взаимодействие с Россией;
- запрет на въезд в США мусульманам.

Свое заявление о намерении – в качестве контртеррористической меры – запретить мусульманам въезд в страну, сделанное после нападений в Париже в 2015 г., Дональд Трамп в дальнейшем модифицировал, уже не настаивая на

6. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=C-Zj0tfZY6o
7. Режим доступа: https://twitter.com/realDonaldTrump/status/812408189492797442

полном запрете, а предлагая закрыть доступ в США только для приезжающих из государств «с доказанной историей терроризма».

При этом Трамп не исключал, что для отпора радикальному исламизму может потребоваться использование вооруженной силы. В своей речи в августе 2016 г., где в наиболее полном виде было представлено его ви́дение проблемы борьбы с терроризмом, Дональд Трамп сказал: «Моя администрация будет активно развивать совместные действия и военные операции в рамках Коалиции, чтобы сокрушить и уничтожить ИГИЛ, укреплять международное сотрудничество в целях отрезать их каналы финансирования, осуществлять расширенный обмен разведывательной информацией, проводить кибервойну, чтобы предотвратить и прекратить их пропаганду и рекрутирование»[8].

Эксперты отмечают, что формулирование конкретной стратегии администрации Трампа по борьбе с ИГ еще впереди, а провозглашаемые меры – за исключением взаимодействия с Россией и запрета на въезд мусульман из «проблемных стран» – уже активно использовались администрациями сначала Джорджа Буша-младшего, а затем Барака Обамы. «Новым старым» является высказанное Дональдом Трампом предложение вновь разрешить прекращенные при Бараке Обаме пытки подозреваемых в терроризме и открыть по большей части закрытые при предыдущей администрации секретные тюрьмы. Причем если во время избирательной кампании Дональд Трамп говорил, что «подтопление» заключенных (waterboarding) – это не пытка, то сейчас, прямо используя это слово, вопрошает: «Вы скажите, пытки эффективны или нет?»[9] – вместо того, чтобы задаваться вопросом, впрочем уже давно решенным в цивилизованном мире, о допустимости таких методов и о том, куда катится мир и до чего он может докатиться, если пытки будут разрешены.

Что же касается взаимодействия между США и Россией в борьбе с терроризмом, то оно действительно могло бы сыграть значительную роль. Однако для налаживания контртеррористического сотрудничества необходимо будет – как минимум – снять санкции, наложенные против российских спецслужб и отменить и принятые администрацией Обамы решения о замораживании контактов между военными. Поскольку в деле борьбы с этой главной угрозой Трамп видит основное направление для сотрудничества с Россией, имеется потенциал позитивного двустороннего и многостороннего взаимодействия.

8. Режим доступа: https://www.donaldjtrump.com/policies/foreign-policy-and-defeating-isis

9. Режим доступа: http://www.nbcnews.com/news/world/donald-trump-s-comments-torture-provoke-harsh-reaction-abroad-n712381

Сирия: Пространство вражды и горизонты примирения

Вмешательство России в Сирийский конфликт было вызвано, наряду с желанием предотвратить государственный коллапс в этой стране и захват Исламским государством власти, стремлением поправить отношения с Западом, испортившиеся после присоединения Россией Крыма и начала конфликта на Украине. России удалось добиться того, что западные страны, и в первую очередь США, вынуждены были вести с ней переговоры по сирийскому вопросу. Однако неоднократно объявлявшееся прекращение огня и намечавшееся было российско-американское сотрудничество в осуществлении военных операций каждый раз прерывалось вследствие трагических инцидентов или же провокаций. За 2016 г. отношение американского руководства к российской операции в Сирии менялось неоднократно: в течение весны от критических оценок до признания важности российских действий, особенно ясно артикулированного в связи с российским заявлением о выводе войск, и затем снова летом-осенью до ниспровергающих обвинений в связи с российскими бомбардировками Алеппо и призывов осудить Россию и Сирию за военные преступления [11].

Подписанное в конце 2016 г. соглашение между Россией, Турцией и Ираном об установлении перемирия в этой стране обозначило путь урегулирования вне и помимо российско-американского направления, хотя Соединенные Штаты и поддержали затем Резолюцию 2336 ООН, одобрившую его. Использование термина «перемирие», а не «прекращение огня», фигурировавшего в предыдущих российско-американских договоренностях, охват наряду с заключившими его странами и правительственными войсками всех вооруженных группировок, кроме ИГ и бывшей ан-Нусры, было призвано вывести процесс урегулирования на иной, более прочный, уровень.

В конце января в Астане состоялась Международная встреча по сирийскому урегулированию. Всем странам, так или иначе причастным к поискам путей урегулирования сирийского конфликта, включая Соединенные Штаты, было направлено приглашение принять участие в мероприятии. Однако американская сторона, которой не было предложено место одного из основных действующих лиц, предсказуемо ограничилась участием лишь на уровне своего посла в Казахстане.

Заключенное соглашение свидетельствует об изменении расстановки сил в регионе, обусловленной как успехами правительственных войск при поддержке российской авиации, так и изменением позиции турецкого руководства, переставшего делать упор на немедленной отставке президента Сирии Башара Асада. Произошедшая переориентация России от сотрудничества с США на сотрудничество с Турцией вместе с тем не означает отказа от

взаимодействия с Вашингтоном, которое станет более реальным, если объявленное перемирие превратится из продекларированного в реальное, и продолжающиеся вооруженные столкновения пойдут на убыль.

«Было бы здорово, если бы мы поладили с Россией, потому что мы могли бы вместе бороться с ИГИЛ»[10], – говорил в ходе избирательной кампании Дональд Трамп. По данным недавнего исследования Университета Мэриленда, 67% республиканцев и 53% демократов в США хотят, чтобы их страна сотрудничала с Россией в Сирии в борьбе против ИГИЛ. Дональд Трамп поддержал российскую операцию в Сирии, провозгласив: пусть русские разбомбят их ко всем чертям! Он называл ИГ главным злом, а администрацию Барака Обамы обвинял в том, что она «создала ИГИЛ» (в дальнейшем он пояснял, что она своими действиями в Ираке и Афганистане создала вакуум, способствовавший распространению влияния ИГ).

Российско-американское взаимодействие в Сирии – это, конечно, трудно, но не невозможно. Неправы эксперты, которые утверждают, что интересы двух стран противоположны. Хотя Дональд Трамп осуждал российские бомбардировки в Алеппо, он не исходит из априори негативного представления о российских действиях в Сирии и не говорит, как это делала его оппонент на выборах, об однозначной «поддержке суннитов»: которая безусловно вела бы к усилению межконфессиональной и межэтнической розни. И Россия, и США согласны обсуждать политический процесс в этой стране – без которого невозможно достичь урегулирования. Американскому руководству придется отказаться от требования немедленной отставки Башара Асада – подвижки в этом плане отмечались уже при Бараке Обаме – и поддержки тех группировок боевиков, которые не готовы будут сложить оружие. А российской стороне следует иметь в виду возможную перспективу ухода Асада в результате политического процесса и всеобщих выборов. Как сказал Владимир Путин, «мы глубоко убеждены, что ничего нельзя делать вопреки воле народа»[11].

После первого телефонного разговора Путина с Трампом американской стороной, по сообщениям СМИ, российским военным были переданы – впервые! – карты с расположением сил ИГ, и российские бомбардировщики нанесли удар по группировке в районе города Эль-Баб сирийской провинции Алеппо.

Если удастся договориться с Соединенными Штатами, то есть большая вероятность восстановления мира в Сирии и улучшения ситуации в регионе в целом – при возросшем влиянии России. То, что в один день было соверше-

10. Режим доступа: http://edition.cnn.com/2016/10/12/politics/us-russia-tensions-cold-war/

11. Путин назвал бредом заявления об угрозе для Прибалтики со стороны России // ТАСС. – 2016. – 5 октября. Режим доступа: http://tass.ru/politika/3593653

но убийство российского посла в Турции Андрея Карлова и террористический акт в Берлине – как и годом ранее взрыв российского самолета совпал по времени с трагическими событиями в Париже – снова высветило общность угрозы терроризма и необходимость совместных усилий по противодействию ему.

Американцы в Ираке: Уходя не уходят?

Хотя утверждения Дональда Трампа о том, что он изначально был против вторжения в Ирак, не соответствуют действительности, но он на самом деле очень критично относится к положению дел в этом государстве. Потеряв 5 тыс. своих солдат и фактически навязав Ираку конституцию, Соединенные Штаты не добились желаемой стабилизации страны. Дональд Трамп заявляет, что «Иран все больше и больше захватывает Ирак, в то время как США потратили там 3 трлн долл.»[12]. Действительно, по различным оценкам, в настоящее время до 70% иракской территории контролируется Ираном. Кроме того, в Ираке действуют курдские группировки и образована курдская автономия.

«Ирак – слишком большой, чтобы позволить ему не состояться», – пишет сотрудник Вашингтонского института ближневосточной политики Майкл Найтс [9], призывая администрацию Трампа, в частности, продлить операцию «Непоколебимая решимость» и продолжить финансирование Фонда по обучению и вооружению Ирака, а также подготовить новый трехлетний план по поддержке Иракской армии и созданной США Иракской контртеррористической службы. Специальный представитель США Брет Макгарк выступает за «функционирующую федерализацию» Ирака, предполагающую разделение власти между различными этноконфессиональными группами и урегулирование вопроса о будущем статусе Иракского Курдистана [12]. Воплощение данной идеи позволит США окончательно «уйти» из страны, не сдавая при этом позиций в пользу Ирана.

Иранская ядерная сделка: Ломать или строить?

Трамп многократно критиковал Иран, называя его пособником терроризма. Вновь назначенный им министр обороны Джеймс Мэттис тоже говорил, что считает Иран основным спонсором терроризма в мире.

12. Режим доступа: http://nationalinterest.org/feature/how-trump-can-take-iran-without-sparking-war-19460

На протяжении всей избирательной кампании будущий президент США негативно отзывался об Иранской ядерной сделке и обещал в случае избрания отказаться от соглашения.

Однако американские эксперты отмечают, что данный документ реально приостановил ядерную программу Ирана и сделал его действия более предсказуемыми. Кроме того, Ирану уже переданы 100 млрд долл., и в том случае, если Соединенные Штаты выйдут из соглашения, велика вероятность, что он продолжит работу над ядерным оружием, располагая при этом большими финансовыми средствами [10].

Тем временем в Вашингтоне по-видимому происходят некие «подвижки» по отношению к Иранскому ядерному соглашению. В ходе телефонного разговора между Дональдом Трампом и королем Саудовской Аравии Салманом аль-Саудом в конце января стороны обозначили намерение «энергично» добиваться выполнения соглашения[13], хотя и с оговоркой о необходимости противостоять «дестабилизирующим действиям [Ирана] в регионе».

31 января 2017 г. в Иране прошло испытание баллистической ракеты средней дальности. В США в связи с испытанием иранской баллистической ракеты ввели новые санкции, затрагивающие 35 человек, работающих по ракетной программе Ирана. Министр обороны Джеймс Мэттис пояснил при этом, что, хотя «плохое поведение Ирана не станут игнорировать», дополнительного размещения американских Вооруженных сил на Ближнем Востоке не будет. Очевидно, что в налаживании диалога США с Ираном значительную роль может играть Россия, рассматривающая последнего как важного партнера в регионе.

Не все дороги ведут к миру на Земле обетованной

В последний месяц пребывания в Белом доме администрации Обамы американская сторона впервые воздержалась при голосовании в ООН по поводу резолюции о запрете на размещение израильских поселений на палестинских территориях. В Израиле выполнять резолюцию отказались и выразили надежду на сотрудничество с вновь избранным президентом и Конгрессом. Трамп, в свою очередь, назвал Израиль «самым близким союзником», выступил за перенос официальной столицы этой страны из Тель-Авива в Иерусалим – на чем настаивает израильское руководство – и пообещал добиться окончательного примирения Израиля с Палестиной.

13. Режим доступа: http://www.middleeasteye.net/news/trump-saudi-king-agree-rigorously-enforcing-iran-nuclear-deal-1176051151

В качестве нового посла в Израиль назначен Дэвид Фридман, поддерживающий перенос израильской столицы и выступающий против «иллюзии» о возможности создания «двух государств», за легализацию и расширение строительства новых поселений на палестинской территории, за увеличение финансовой помощи Израилю и против признания руководителя Движения за национальное освобождение Палестины (ФАТХ) Махмуда Аббаса «законным лидером» государства Палестина. Характерным для Фридмана считают выступление, где он сравнил американских представителей еврейской общины, выступающих в пользу концепции «двух государств», с евреями во время Второй мировой войны работавшими на нацистов в концентрационных лагерях.

Сотрудник вашингтонской экспертно-аналитической организации Фонд защиты демократий Уолид Фарес, являвшийся советником Трампа по внешнеполитическим вопросам в период избирательной кампании, назвал назначение Фридмана «оскорбительным» для союзников США из числа арабских государств и «хоронящим» все надежды на достижение соглашения между израильтянами и палестинцами[14].

«Слишком долго акценты в ООН были несправедливо смещены в пользу Палестинской автономии в ущерб интересам нашего союзника Израиля»[15], – было сказано в заявлении американского представителя в ООН Никки Хейли. А во время визита премьер-министра Израиля Бенджамина Нетаньяху в Вашингтон в феврале 2017 г. Дональд Трамп – первый из американских президентов за последние два десятилетия – сказал, что «готов принять и “одно государство” и “два государства” – если и те и другие с этим согласятся»[16]: т.е. фактически отказался от поддержки идеи создания независимой Палестины.

С приходом Трампа в Белый дом Тель-Авив связывает значительные надежды. Однако явные предпочтения нового американского президента в пользу Израиля затрудняют для Соединенных Штатов возможность выполнять роль посредника в этом процессе и ставят под сомнение возможность достичь «окончательной» договоренности между Израилем и палестинцами, а значит, и мира на этой многострадальной земле.

14. Режим доступа: http://edition.cnn.com/2016/12/17/politics/david-friedman-ambassador-to-israel-nominee/

15. Режим доступа: http://beforeitsnews.com/

16. CNN, February 16, 2017.

«От ворот поворот» на Восток

В отличие от российской политики переориентации на евразийскую политику, которая была «разворотом», нацеленным на активизацию экономических отношений со странами, находящимися к востоку от России, американский «восточный поворот» был в первую очередь «разворотом против» Китая, имел в большей степени военную направленность против того, что в Вашингтоне представлялось как претензии Китая на доминирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Во время избирательной кампании Дональд Трамп неоднократно повторял, что Китай является главной угрозой для США, что эта страна заключала с США «самые грабительские сделки во всей истории США» и «нарушала все свои договоренности»[17]. Хотя затем он вынужден был сбавить тон конфронтационной риторики, а во время своей первой пресс-конференции сказал, что Соединенные Штаты будут иметь хорошие отношения и с Россией, и с Китаем.

Что касается военно-политических претензий Трампа к Китаю, то их можно суммировать следующим образом:

– Китай ведет агрессивную внешнюю политику по отношению к соседним странам, выдвигает в их адрес территориальные требования по поводу Парасельских островов и островов Спратли (на которые также претендуют Филиппины и Вьетнам);

– Китай стремится вытеснить США из региона;

– Китай ведет активную антиамериканскую деятельность в киберпространстве;

– Китай не оказывает должного давления на Северную Корею, не принуждает ее отказаться от своей ядерной программы.

«Китай вывозил из США огромные объемы денег и богатства за счет полностью односторонней торговли, но не хочет помочь с Северной Кореей / Дивно!»[18], – писал Дональд Трамп в своем Твиттере. Выйдя из Транс-Тихоокеанского партнерства (ТТП), Вашингтон, как указывалось на ситуационном анализе в ИНИОНе, продемонстрировал, что «если для администрации Обамы ТТП был одним из основных инструментов ограничения экономического и политического могущества Китая, то администрация Трампа, очевидно, в решении той же самой задачи будет делать ставку на жесткий протекционизм и военно-политические механизмы» [4].

17. Режим доступа: http://www.cnbc.com/2016/11/10/trumps-foreign-policy-heres-a-recap-of-what-the-president-elect-said-about-asia-during-the-campaign.html?view=story&%24DEVICE%24= native-android-mobile

18. Режим доступа: https://twitter.com/realdonaldtrump/status/816068355555815424

Американское руководство неоднократно обвиняло Китай в давлении на соседние страны, выражало недовольство по поводу китайских военных маневров, возмущалось возведением Китаем островов в Южно-Китайском море, что может превратить его во внутреннее море КНР – с ограничением доступа к американским военным базам. На слушаниях в комитете Сената по поводу его назначения на пост Государственного секретаря Рекс Тиллерсон говорил, что следует запретить Китаю возводить новые острова в Южно-Китайском море[19] и что американские Вооруженные силы воспрепятствуют этому.

В конце декабря 2016 г. Трамп высказал сомнения в отношении принципа «Одного Китая», на котором с 1979 г. базировалась американская политика в отношении этой страны и который заключается в официальном признании только пекинского правительства и признании Тайваня частью КНР (при наличии неофициальных отношений с Тайванем). Однако затем в первую декаду февраля 2017 г. во время телефонного разговора с китайским лидером Дональд Трамп подтвердил приверженность принципу «Одного Китая» и вновь подтвердил намерение развивать хорошие отношения с этой страной.

В Соединенных Штатах не могут не опасаться возможного сближения России и Китая и формирования между ними союза на антиамериканской основе. На эту тему неоднократно высказывались и американские эксперты, и представители общественно-политических кругов стран региона. В частности, профессор Университета Кейо Кэн Дзимбо, выступая в Московском Центре Карнеги, высказывал удивление, что этого до сих пор не произошло [6].

Очевидно, что Россия не будет рассматривать никаких возможностей «дружить против» Китая, считая его своим стратегическим партнером. И даже если в китайских документах подобная формулировка в отношении России отсутствует, взаимодействие с ближайшим соседом для Москвы слишком важно, чтобы ставить его в зависимость от перипетий российско-американских отношений.

Кибервойны или взаимодействие в борьбе против киберугроз?

Кибератаки в период избирательной кампании и перед инаугурацией нового президента стали главной темой американских внутриполитических дебатов. Если раньше в связи с киберугрозами в США в основном упоминался Китай, то в произошедших летом 2016 г. хакерских атаках на сервер нацио-

19. Sanger D.E., Flegenheimer M. In Rocky Hearing, Rex Tillerson Tries to Separate From Trump // New York Times. – 2017. – Jan. 11.

нального комитета Демократической партии обвинили Россию. По мнению правительства Барака Обамы, российское правительство использовало хакерские группировки *Fancy Bear* и *Cosy Bear* для получения – в целях оказать влияние на политическую борьбу в США – компрометирующей информации. За 33 дня до инаугурации нового американского президента руководители ЦРУ, Национальной разведки и ФБР, встретившись и обсудив произошедшее, пришли к общему выводу относительно «масштаба, характера и намерения российского вмешательства». Американские спецслужбы согласились с тем, что таким образом российская сторона – хотя и без особых надежд на успех – стремилась помешать избирательной кампании Хиллари Клинтон. А также, возможно, пошатнуть американские структуры и подорвать престиж США за рубежом, вскрыв негативную сторону американской демократии.

А в январе – как раз перед обсуждением в Конгрессе хакерских атак – Вашингтон накрыло девятым валом скандала, когда в СМИ просочилась непроверенная информация, будто бы несколькими годами ранее во время поездки Трампа в Москву, на него, с целью получения рычагов влияния, российскими спецслужбами было собрано компрометирующее досье.

Любопытно, что если раньше, по мнению российских специалистов, существовало расхождение в восприятии кибербезопасности между российской и американской стороной: в США говорили в основном о технических угрозах, а в России включали в понятие «кибербезопасности» и информационную, в том числе и пропагандистскую, составляющую (этот подход закреплен в новой российской Доктрине кибербезопасности), то теперь в американском «Докладе о российских хакерских атаках», представленном в Конгрессе, несколько страниц посвящены деятельности телеканала *Russia Today*. Теперь в Вашингтоне, как и в Москве, речь идет уже не только о «железе» и «софте», но и о «контенте».

Согласившись с тезисом о причастности Москвы к кибератакам, Дональд Трамп изменил свою первоначальную позицию – в течение долгого времени он отрицал российскую вину, выдвинутые обвинения называл «дурацкими» и саркастически адресовал призыв «к русским» вскрыть остальные 20 тыс. электронных сообщений Хиллари Клинтон, отправленных в нарушение служебных инструкций с ее персонального аккаунта. Однако после слушаний в Конгрессе, где был представлен «Доклад о российских хакерских атаках» и выдвинуты жесткие обвинения в адрес Москвы, Трамп распорядился провести в течение ближайших трех месяцев расследование хакерских атак, а спустя несколько дней согласился, что Москва стояла за ними.

В связи с обвинениями в адрес России правительство США – еще при Бараке Обаме – заявило, что ответит аналогично на хакерские атаки России. То есть, обвинив противоположную сторону в предосудительной практике, само объявило о намерении совершить подобное же преступление. Типичный

пример порочного цикла «действие-противодействие», развивающейся по нарастающей гонки вооружений в киберпространстве. Однако представляется, что, осознав обострившееся в связи с американскими выборами внимание к проблеме, можно лучше понять связанные с ней угрозы и совместными усилиями осуществить меры по эффективному противодействию киберугрозами. Уместно вспомнить, что в свое время и Россия и Китай выступали за полный запрет кибероружия, а взаимодействие в борьбе с киберугрозами в течение длительного времени, даже после начала Украинского кризиса – оставалось одной из немногих областей двустороннего российско-американского сотрудничества. В этом плане обсуждение совместных действий по борьбе с киберугрозами может и должно рассматриваться в рамках усилий по контролю над вооружениями, которое хоть и находится за рамками данного исследования, является абсолютно необходимым.

* * *

Американская внешняя политика меняется. В настоящее время существует масса неизвестных факторов, не дающих возможность однозначно прогнозировать дальнейшее развитие ситуации. С одной стороны, президент Трамп демонстрирует готовность в очень активном режиме выполнять многие предвыборные обещания. С другой стороны, продолжает делать часто противоречащие ранее сказанному заявления, иногда отвергая или смягчая самые крайние из декларировавшихся ранее тезисов или обнаруживая не озвученные ранее пути для компромиссов, в частности по Иранской сделке, отношениям с союзниками, взаимодействию с Китаем и др.

Очевидно, что надо использовать все возможности – как упущенные старые, так и открывающиеся новые – для восстановления нормальных отношений и их перехода из русла конфронтации на стезю сотрудничества. «Для России складывающаяся ситуация представляется перспективной, хотя и не безусловно выигрышной», – отмечалось на прошедшем в ИНИОН ситуационном анализе [4]. А председатель комитета по международным делам Совета Федерации Константин Косачев сказал: «У России в связи с этим должна быть повестка дня на американском направлении», назвав это «окном возможностей» [3].

Вместо «сдерживания» друг друга гораздо разумнее вместе сдерживать опасность двустороннего конфликта, международных и региональных кризисов. Но если исходить из реалистичных предпосылок, приходится констатировать, что элементы «сдерживания» в отношениях РФ и США будут и далее сохраняться. Важно, чтобы они были дополнены расширяющимся сотрудничеством по направлениям, где это возможно и необходимо, чтобы зоны взаимодействия увеличивались, конфронтация преодолевалась, а соперничество не

переходило в новые конфликты. У России и США нет экзистенциальных противоречий. Но при наличии расходящихся интересов и представлений тем более настоятельна необходимость совместных действий по глобальным проблемам. При этом ограничение вооружений должно стать неотъемлемым компонентом российско-американских отношений при любом сценарии их развития и российской стороне следует проявлять инициативу по формированию повестки дня на данном направлении.

Литература

1. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. – М.: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2016. – 303 с.

2. Бубнова Н.И. Военный фактор в политике Барака Обамы // Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: Проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. – 245 с.

3. В Совете Федерации обсудили перспективы развития российско-американских отношений / Круглый стол «Российско-американские отношения при новой администрации Соединенных Штатов // Веб-сайт Совета Федерации РФ, 2017. 2 февраля. – http://www.council.gov.ru/events/news/76553/

4. Группа ситуационного анализа ИНИОН РАН обсудила первые шаги администрации Дональда Трампа. – ИНИОН РАН, 2017. – 31 января. – http://inion.ru/index.php?page_id=208&id=986&ret=&printmode

5. Ефременко Д.В., Понамарева А.О. Трамп: Начало // Россия в глобальной политике. – www.globalaffairs.ru/global-processes/Tramp-nachalo-18575

6. Стратегический прогноз глобального развития международных отношений, оборонной политики и экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе до 2030 года. – М.: Московский Центр Карнеги, 2013. – 7 июня. – http://carnegie.ru/2013/06/07/ru-event-4147

7. Cohen S. Who Is Making American Foreign Policy – The Accidental President or the War Party? // The Nation. – 2016. – September 21.

8. Confirmation Hearings, CNN, 2017. – January 12.

9. Knights M. Memo to Trump: Iraq Is Too Big to Fail // Foreign Policy. – 2017. – February 13.

10. Lorber E.B. President Trump and the Iran Nuclear Deal // Foreign Policy. – 2016. – November. – http://foreignpolicy.com/2016/11/16/president-trump-and-the-iran-nuclear-deal/

11. Russia and Syria must face war crimes investigations, says John Kerry // Guardian. – 2016. – October 7. – https://www.theguardian.com/us-news/2016/oct/07/syria-russia-war-crimes-inquiry-john-kerry

12. Statement for the Record: Deputy Assistant Secretary Brett McGurk Senate Foreign Relations Committee Hearing: Iraq at a Crossroads: Options for U.S. Policy. – 2014. – July 24. – http://www.foreign.senate.gov/imo/media/doc/McGurk%20Testimony%20072414-Final%20Version% 20REVISED.pdf

13. Walt S.M. America's New President Is Not a Rational Actor // Foreign Policy. – 2017. – January 25.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А.Г. Донгаров

СОВЕТСКО-ФИНЛЯНДСКАЯ ВОЙНА 1939–1940 гг.

Донгаров Александр Герасимович – историк, дипломат.

После 30 лет исследовательской работы и появления многочисленных публикаций эта когда-то «незнаменитая» и даже «неизвестная» война стала одним из наиболее досконально изученных эпизодов отечественной истории. Благодаря рассекречиванию основных армейских и дипломатических архивов его событийная сторона уже давно не вызывает ни малейших разногласий. Все же ряд более общих вопросов остается без должного ответа, либо эти ответы не убедительны. На них мы и остановимся.

«Ненужная война»

Практически у всех отечественных комментаторов «зимней войны» раньше либо позже возникает горькое впечатление о случайном, незапрограммированном ее характере, как о войне, которой могло, – и должно было! – не быть. Даже один из двух-трех главных ее «архитекторов» – В.М. Молотов, был готов повиниться за подобное развитие событий [1, с. 56; 2, с. 222].

Действительно, **фундаментальные** причины войны лежали за пределами контекста советско-финляндских отношений. Взятые сами по себе, эти отношения не давали никакого актуального повода, вроде территориальных претензий и т.п., для вооруженного конфликта. Тартуский мирный договор 1920 г., возможно, и не отвечал всем пожеланиям каждой из сторон, однако стал результатом общего согласия на установленный им баланс интересов. Заключенный в 1932 г. Пакт о ненападении гарантировал, что стороны не будут пытаться изменить найденный баланс в свою пользу вооруженным путем.

Беда, однако, состояла в том, что эти отношения, межгосударственные по форме и содержанию, в глазах руководителей обеих стран и значительной части населения Финляндии были скорее порождением перемирия в гражданской войне и еще долгое время оставались окрашенными в ее красно-

белые цвета. Весьма неприязненными оставались и текущие взаимоотношения. Москву, например, очень беспокоили распространенные в финском обществе, особенно армии, стойкие германофильские настроения, которые родились из чувства благодарности за помощь, оказанную Балтийской дивизией генерала фон дер Гольца «белой» Финляндии в войне против «красной» Финляндии и стоящего за ней русского большевизма. Не нравилась Кремлю и внешнеполитическая ориентация официального Хельсинки на Великобританию. В свою очередь, Финляндию, только что вышедшую из гражданской войны и войны за независимость, очень настораживала организационно-техническая и пропагандистская деятельность московского Коминтерна, который обещал ей скорое социалистическое будущее и вхождение в могучую семью советских республик. Эти отношения «холодного мира», минимально достаточные в обычной ситуации, оказались слишком непрочными, чтобы выдержать испытание начавшейся в Европе войной. В отсутствие реальных причин вооруженного конфликта их роль не менее «успешно» сыграли поводы фантомные, порожденные глубочайшим недоверием и взаимными подозрениями. Так что в этом смысле война 1939–1940 гг. не была сугубо привнесенным явлением: зерна ее можно обнаружить и в самих отношениях между Москвой и Хельсинки.

Надо оговориться, что опасались в Москве, конечно, не Финляндии, а того, что эта страна – добровольно или по принуждению – станет плацдармом для агрессии против СССР со стороны третьей державы. В связи с этим германофильские настроения финляндского общества и проанглийские сантименты официального Хельсинки вызывали у Кремля самые нехорошие предчувствия. А особое стратегическое положение Финляндии относительно Ленинграда усиливало эти предчувствия многократно.

Ключи от «северной столицы»

Для читателя, мало знакомого с военной стороной истории России, проблема безопасности Ленинграда обычно сводится к близости государственной границы на Карельском перешейке к городу – всего 32 км! Гвоздем в общественном сознании засел сталинский довод, что потенциальный агрессор мог обстреливать его из пушек прямо с финляндской территории. Напрашивалось, казалось бы, естественное решение проблемы: перенести границу подальше от города, на что, конечно, требовалось согласие финского правительства. Это был первый ключ к безопасности «северной столицы», который к ужасу советского правительства хранился не в Москве, а в Хельсинки.

Вторым таким ключом стало право Хельсинки на решающее слово в вопросе, позволить или нет Советскому Союзу создание системы обороны

Ленинграда со стороны моря. Исходившая оттуда угроза была, пожалуй, даже страшнее карельской. Эта застарелая проблема впервые дала о себе знать еще во времена русско-шведских войн XVIII в. Она напомнила о себе в годы Крымской войны, когда четыре английских военных корабля беспрепятственно прошли Финский залив, встали на внешнем рейде петербургского порта и произвели несколько залпов. Поскольку создание на Балтике Российского флота, равного по мощи британскому или германскому, было задачей невыполнимой, выход нашли в развертывании трехкомпонентной системы обороны, включавшей установку минных заграждений, организацию заградительного огня с батарей береговой артиллерии и действия кораблей Балтийского флота. Связующим элементом системы была береговая артиллерия, в задачу которой входили: ограничение свободы маневра для флота противника, ведение артиллерийских дуэлей с его линейными кораблями и противодействие попыткам разрушения минных заграждений катерами-тральщиками.

Идеальной считалась ситуация, когда залив перекрывался по всей ширине встречным перекрестным огнем русских батарей. Для этого их размещали на северном и южном побережьях Финского залива попарно одна напротив другой. Там, где не хватало дальности стрельбы, на многочисленных островах дополнительно устанавливались промежуточные батареи. В результате была создана уникальная по своей глубине система обороны, начинавшаяся с входа в Финский залив, который «запирался» совместными действиями двух баз – Ревельской (Таллиннской) на южном побережье и Ханко (Гангут) на северном, при поддержке базы на Аландских островах, и кончавшаяся Кронштадтской военно-морской базой с приданными ей фортами Ино на северном (финском) и Красная Горка и Серая Лошадь на южном (российском) побережье. К 1917 г. в акватории залива всего было установлено порядка 300 орудий и 25 тыс. морских мин. В ходе Первой мировой войны система доказала свою эффективность: предпринятые германским флотом две попытки прорыва окончились для него тяжелейшими потерями. Поэтому в 1938–1939 гг., когда проблема безопасности Ленинграда вновь обрела остроту, этот проверенный опытом способ ее решения представлялся – в парадигме имперской логики Кремля – наилучшим. Однако к указанному времени система была разрушена в прямом и переносном смысле этого слова. За исключением Кронштадта, Красной горки и Серой лошади, остальные батареи изначально размещались на территории прибалтийских государств и Финляндии и при эвакуации их русскими / советскими войсками в 1917–1918 гг. были демонтированы и взорваны. С учетом обретенной странами Балтии государственной независимости первым шагом к восстановлению системы морской обороны Ленинграда становилось заключение соответствующих договоров между ними и СССР.

Ключевое значение имело соглашение с Финляндией, которой принадлежали северное побережье и острова залива, в силу чего она контролировала его на всем протяжении, начиная от входа в районе полуострова Ханко вплоть до Кронштадта.

История переговоров

Ход советско-финляндских переговоров 1938–1939 гг. подробнейшим образом описан в нашей исторической литературе, в том числе и нами [3, с. 27–44]. Ограничимся поэтому кратким его изложением. Важнее ощущать общую атмосферу этих переговоров, которая сказалась на поведении сторон и в значительной степени предопределила их (переговоров) итоги. Характеризовалась она тем, что вынесенные Москвой на обсуждение вопросы интересовали исключительно ее саму, создавая при этом для официального Хельсинки ощутимые неудобства внутри- и внешнеполитического характера. Так, возникала необходимость в трудных объяснениях с финским общественным мнением, почему вообще правительство идет на обсуждение с СССР таких чувствительных вопросов, как обороны и территориальный. Внешнеполитические неудобства заключались в возможном осложнении отношений с Германией и Великобританией из-за участия страны в советских планах создания обороны Финского залива. Таким образом, Финляндии эти переговоры «о чужом счастье» были не нужны и в лучшем случае могли завершиться болезненными уступками в пользу недружественного соседа. Отсюда становятся понятными упорство и несговорчивость ее дипломатии. Сказалась и неопытность политической Финляндии в таком трудном искусстве, как нахождение взаимоприемлемых компромиссов. С другой стороны, на финальной стадии переговоров самую пагубную роль сыграла великодержавная спесь, овладевшая Москвой после заключения пакта Молотова–Риббентропа и приведшая к срыву переговоров и в конечном счете к войне.

Первый советско-финский контакт по указанным выше темам имел место в апреле 1938 г. Деликатный характер поднимаемых вопросов и риск натолкнуться на отказ Хельсинки от официального участия в их обсуждении вынудили правительство СССР действовать весьма экстравагантным образом. Сотрудник советского дипломатического представительства в Хельсинки в невысоком ранге второго секретаря Б.А. Ярцев (в действительности агент НКВД Б.А. Рыбкин) вдруг затребовал аудиенции у министра иностранных дел Р. Холсти и, получив ее, стал развивать перед удивленным министром взгляды своего правительства на ситуацию в регионе. Они сводились к следующему. СССР опасается вступления германских войск на территорию Финляндии с целью их дальнейшего продвижения в направлении Ленинграда, а также не исключает возможности прогерманского переворота в стране,

что еще больше осложнит ситуацию. Если Финляндия окажет сопротивление германской агрессии, то Красная Армия будет готова выступить ей на помощь и покинет страну сразу после окончания боевых действий. На этот счет предлагалось заключить военное соглашение. Холсти отрицал вероятность такого развития событий и, следовательно, актуальность предложенных мер. Несколько позднее Ярцев сделал новое предложение: Финляндия письменно гарантирует СССР, что окажет сопротивление вторжению вермахта на свою территорию и примет от Советского Союза помощь вооружением, а также разрешит действия Балтфлота у ее берегов и строительство на финском острове Суурсаари (Гогланд) советских военно-морской и военно-воздушной баз. Эти предложения также были отвергнуты как нарушающие суверенитет страны.

Возрастание военной угрозы для Восточной Европы в результате мюнхенской дипломатической капитуляции Великобритании и Франции перед Гитлером в сентябре 1938 г. подтолкнули правительство СССР к поиску максимально «проходного» варианта договоренности с Финляндией. По мнению Москвы, им могло стать предложение о сооружении Финляндией собственной базы на Суурсаари при понимании, что если финны не смогут защитить ее своими силами, то будут готовы принять помощь со стороны СССР. В очередной раз из Хельсинки ответили отказом.

В начале марта 1939 г. правительство СССР выступило с новой инициативой. Финляндии были предложены советская гарантия неприкосновенности ее суверенитета и территориальной целостности, всесторонняя помощь в отражении агрессии и поддержка ходатайства Хельсинки о пересмотре Международной конвенции о демилитаризации Аландских островов. В порядке встречных мер от нее ожидали обещания сопротивляться агрессии и согласия предоставить СССР в аренду на 30 лет Суурсаари и несколько других мелких островов в заливе для создания на них исключительно наблюдательных постов. Последовал очередной отказ.

Спустя самое короткое время из Москвы в Хельсинки направляется бывший полпред в Финляндии Б.Е. Штейн с полномочиями вести переговоры на базе как прежних советских предложений, так и нового – об обмене части финляндской территории на Карельском перешейке на большую территорию в Советской Карелии. 6 апреля 1939 г. миссия Штейна закончилась безрезультатно.

Свой отказ принять советские предложения правительство Финляндии объясняло ссылками на понятия суверенитета, территориальной целостности и нейтралитета. С точки зрения международного права, однако, эти ссылки были некорректны. В политическом и военном отношениях маршал Маннергейм считал последние дипломатические инициативы СССР не просто

приемлемыми, но выгодными для Финляндии, и безуспешно пытался убедить в этом политиканствующую верхушку своей страны [4, с. 203–204].

Заключительный раунд переговоров проходил в Москве в составе уже официальных делегаций с 12 октября по 13 ноября 1939 г. в два тура с перерывами. Советскую делегацию возглавил Молотов, финскую – старейший дипломат Ю. Паасикиви. Переговоры начались с предложения Молотова заключить договор о взаимопомощи, предусматривающий размещение в Финляндии советских войск и военных баз, но финская делегация отвергла его как противоречащее нейтральному статусу страны. После этого Молотов выдвинул другое предложение: отодвинуть границу на Карельском перешейке на несколько десятков километров и передать СССР ряд островов в Финском заливе в обмен на вдвое большую территорию в Советской Карелии, а также сдать в аренду на 30 лет, продать или обменять полуостров Ханко для сооружения там военно-морской базы. Паасикиви ответил, что в Финляндии решение территориальных вопросов является прерогативой Сейма, и с тем отбыл в Хельсинки для консультаций. 22 октября он вернулся в Москву с ответом финляндского правительства, который гласил, что, учитывая международную обстановку и свой абсолютный нейтралитет, Финляндия не может уступить Ханко или острова, но готова к определенному изменению линии прохождения границы на Карельском перешейке. Хельсинки также соглашался передать Советскому Союзу бывший форт Ино и обсуждать условия передачи южной части о. Суурсаари в обмен на снятие требования Ханко. Советская сторона была готова отказаться от Ханко в пользу близлежащей группы островов, но это предложение Финляндия отклонила.

Последняя официальная встреча делегаций началась 3 ноября, однако достичь какого-либо прогресса в переговорах так и не удалось, и дело свелось к повторению прежних доводов «за» и контраргументов «против». 13 ноября переговоры были вновь прерваны, как оказалось – окончательно. В Кремле давно уже предвидели возможность подобного исхода дела; поэтому параллельно дипломатическим мероприятиям шла активная подготовка к силовому решению «финляндской проблемы». 29 октября командующий войсками Ленинградского военного округа К.А. Мерецков утвердил «План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии», в соответствии с которым в район границы начали стягиваться войска.

Несмотря на подготовку силовой акции, воевать Кремлю страшно не хотелось. С печальной безысходностью констатировав на Военном совете 13 ноября «нам придется воевать с Финляндией», Сталин, однако, не мог до конца поверить, что нет таких угроз, которые окажутся достаточными, чтобы заставить финнов подписать нужное соглашение – и, в общем, был прав. Но правильно рассчитать сопротивление «финского материала» ему не удалось. Развернутая в СССР политико-пропагандистская кампания по запугиванию

Хельсинки (газетные публикации с воинственными призывами, демонстрации советских трудящихся, разгневанных на белофинскую банду поджигателей войны, и т.п.) успеха не имела. В Хельсинки ждали получения какого-то самого последнего и грозного советского предупреждения, после чего можно будет пойти на некоторые уступки без потери лица, подчиняясь форс-мажору.

Таким предупреждением по замыслу Москвы должен был стать имевший место 26 ноября знаменитый «инцидент в Майнила», на деле грубая кремлевская провокация с обстрелом собственной приграничной территории и возложением вины на финляндскую сторону. В советской ноте протеста, направленной в тот же день правительству Финляндии, от того требовалось отвести свои войска на 20–25 км от линии границы. В ответной ноте от 27 ноября Финляндия отрицала свою причастность к обстрелу и предлагала совместное расследование инцидента, как то предусматривала Конвенция о пограничных комиссарах 1928 г. Соглашаясь на отвод своих войск, Хельсинки настаивал на соблюдении принципа взаимности, т.е. на такое же расстояние должны были отойти и советские войска. В ноте от 28 ноября Молотов квалифицировал финский ответ как документ, «призванный довести до крайности кризис в отношениях между двумя странами», и от имени правительства СССР заявил, что оно «считает себя свободным от обязательств, взятых на себя в силу пакта о ненападении…» [5, с. 45].

Повременим с изложением дальнейшего хода событий, чтобы оценить место «майнильского инцидента» в кремлевской стратегии переговоров с Финляндией. Расхожее мнение усматривает в нем *casus belli*, т.е. повод для войны. При этом упускается из вида, что война Финляндии как раз не объявлялась, следовательно, *казус белли* был просто не нужен. С международно-правовой точки зрения роль инцидента ограничилась созданием повода к выходу СССР из советско-финляндского пакта о ненападении. Но выход из договора – еще не война. Это последний шаг по пути к ней. Отсюда вырисовывается истинная политическая роль Майнилы – роль того самого последнего предупреждения, которого ждали в Хельсинки, и которое на языке дипломатии называется ультиматум. Предъявление классического ультиматума было невозможно, поскольку смысл подобных документов состоит в предварительном объявлении войны, но с отсрочкой для использования последней возможности мирного урегулирования отношений. Однако повторимся, войну Финляндии объявлять не собирались. А зная, с кем имеют дело, отсрочку продлили с обычных 24 часов до трех с половиной дней, разделивших инцидент и начало боевых действий, даже рискуя потерять столь важный при переходе в наступление фактор внезапности.

Судя по содержанию финляндской ноты от 27 ноября первоначально майнильский «намек» остался непонятым Хельсинки. В Москве же сочли

свой «ультиматум» отклоненным, и вечером 29 ноября финляндский посланник в Москве Ирие Коскинен был вызван в НКИД, где заместитель наркома В.П. Потемкин вручил ему ноту о разрыве дипломатических отношений между СССР и Финляндией. В ответ посланник заявил, что несколько ранее получил из Хельсинки новую ноту МИД Финляндии для передачи правительству СССР, но что ожидается еще прибытие дополнительных инструкций. В этот момент из финского посольства сообщили, что инструкции получены. Посланник спросил, не согласится ли советское правительство принять ноту. На это Потемкин ответил, что врученная посланнику нота о разрыве дипломатических отношений «исчерпывает все вопросы, которые стояли между Советским правительством и нынешнем правительством Финляндии» [5, с. 46].

Ирие Коскинен все же переслал в НКИД запоздавшую ноту. В ней говорилось, что правительство Финляндии не имеет враждебных намерений в отношении СССР и вновь предлагает совместное расследование майнильского инцидента. Указывалось, что денонсация пакта о ненападении противоречила положению его статьи V о мирном разрешении конфликтов, а также протоколу 1934 г., согласно которому пакт не мог быть денонсирован ранее 1945 г. Вместе с тем, и это было главным, финляндское правительство выразило готовность договориться об одностороннем отводе своих войск «на такое расстояние от Ленинграда, при котором нельзя было бы говорить, что они угрожают безопасности этого города» [5, с. 46]. Таким образом, с запозданием, но ответ на «ультиматум» пришел, причем ответ положительный, если помнить, что единственным советским требованием в ноте от 26 ноября был односторонний отвод финляндских войск. Почему же этим не воспользовались в Москве? Формально потому, что ответ как бы не существовал, поскольку был получен после разрыва дипотношений. Фактически потому, что в Москве потеряли надежду добиться от Финляндии значимых уступок мирным путем, тогда как военная кампания против нее представлялась Кремлю двух-трехнедельной разминкой.

Утром 30 ноября без объявления войны советские войска перешли границу и вторглись на территорию Финляндии.

«Териокское правительство» О. Куусинена

Если начало боевых действий было для Хельсинки полной неожиданностью, то не меньший сюрприз ожидал его на следующий день, 1 декабря. Оказалось, что в этот день на месте Финляндии возникло новое государство – Финляндская Демократическая Республика, возглавляемое своим Народным правительством. По месту создания этого «правительства» в занятом Красной Армией пограничном финском поселении Териоки и по имени возглавившего

его финского коммуниста-коминтерновца О.В. Куусинена оно и получило свое название.

Уже на следующий день между двумя государствами – СССР и ФДР – был заключен Договор о взаимопомощи и дружбе, подписи под которым поставили Молотов и Куусинен. Договор учитывал все советские нужды и пожелания. Так, ФДР соглашалась на перенос границы на Карельском перешейке путем уступки Советскому Союзу территории площадью 4 тыс. км^2 в обмен на территорию в Советской Карелии площадью 70 тыс. км^2. ФДР также сдавала СССР в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко с прилегающей акваторией радиусом 3–4 км для создания там военно-морской базы и, кроме того, обязалась продать за 300 млн марок ряд островов в Финском заливе.

С тех пор по сегодняшний день не умолкают дискуссии об истинных целях разыгранного Москвой фарса. Часть историков настаивает на исключительно прикладной роли этого «правительства» как средства давления на законные власти Финляндии, чтобы добиться от них требуемых уступок. Другие историки считают истинным смыслом его создания советизацию Финляндии с последующим инкорпорированием ее в СССР. И первые, и вторые, впрочем, сходятся в том, что одной из задач было представить советские мероприятия левому сектору финляндского общественного мнения по возможности в наименее отталкивающем виде и, тем самым, подорвать его волю к сопротивлению.

С последним предположением согласны и мы; но это вопрос тактики. А вот то, как обе точки зрения определяют стратегическую задачу, возложенную на «правительство Куусинена», нам представляется неверным. Относительно версии о прикладном характере этого «правительства» можно сказать следующее. Конечно, легко просматриваемая за его созданием угроза советизировать Финляндию – если в Хельсинки продолжат упорствовать – явилась бы мощным средством давления на ее законные власти. Но только в ходе переговоров! Однако «правительство Куусинена» заявило о своем создании уже после начала войны, когда в ходу были совсем другие «доводы». Впрочем, в первые дни декабря еще сохранялась возможность повернуть колесо событий вспять, тем более что СССР официально войну Финляндии не объявлял: можно было представить начавшиеся боевые действия как крупный пограничный конфликт, пойти навстречу настойчиво высказывавшимся пожеланиям Хельсинки вернуться за стол переговоров и там разыграть козырь Куусинена, если он предназначался именно для такого употребления. Однако ничего подобного не произошло. В конце войны, правда, один раз «правительством Териоки» все же козырнули, чтобы поторопить финнов с принятием советских условий мира, но этот случай мог и не подвернуться.

Сторонники концепции «советизации» находят подтверждение собственной правоты в событиях в Прибалтике лета 1940 г. Но это значит игнорировать тот очевидный факт, что осень 1939 г. и лето 1940 г. – суть две абсолютно разные эпохи в военно-политическом положении Европы, от которого напрямую зависели все внешнеполитические решения СССР. Проводить аналогию между событиями, принадлежавшими столь разным эпохам и касавшимися весьма разных стран, некорректно. Не вдаваясь в подробности, кстати, заметим, что советизация Прибалтики летом 1940 г. **стала результатом, а не была целью**. Прежние режимы просто утонули в море советских войск, наводнивших в июне-июле регион в качестве ответа Москвы на германские победы во Франции, и дальнейшее сохранение их у власти становилось бессмысленной игрой в политические поддавки.

Осенью 1939 г., в отсутствие реальных боевых действий между Германией и англо-французской коалицией, у Москвы сохранялись серьезные сомнения относительно необратимости изменений, произошедших благодаря пакту Молотова–Риббентропа в расстановке военно-политических сил в Европе, а именно: в надежности германской «дружбы» с СССР и невозможности какого-то примирения Берлина с западной коалицией. Кроме того, было не вполне понятно, кого из них Москве следовало больше опасаться. Отсюда вытекала политика *быть максимально предупредительным в отношении Германии, твердо придерживаться достигнутых с ней договоренностей и не провоцировать без нужды Лондон и Париж.*

Что это означало применительно к советской политике в финляндском вопросе, легко понять из опыта решения практически в это же время аналогичной задачи в Прибалтике. Как известно, там решение было найдено на путях подписания договоров о взаимопомощи, порядок заключения и содержание которых вполне вписывались в тогдашние представления о дипломатической норме, не вызвали ничьих протестов и были зарегистрированы Лигой Наций. Подобная сдержанность Москвы, советизаторские инстинкты которой, конечно, никуда не делись, объяснялась просто: в условиях войны безусловный приоритет оставался за вопросами безопасности. Осенью 1939 г. попытка советизировать балтийских соседей могла обойтись Москве очень дорого – политическим скандалом и даже вооруженным конфликтом с Францией и Великобританией и серьезным осложнением отношений с Германией.

Упоминание Германии в данной связи может показаться неуместным, но только в силу господствующего у нас заблуждения, будто право на «территориально-политическое переустройство», которым СССР и Германия наделили друг друга в отношении стран, отнесенных секретными протоколами к их сферам влияния, давало Москве и Берлину полный карт-бланш. В действительности, так далеко это «право» распространялось только на поделенные территории Польши. Во всех других случаях Москва и Берлин договорились

ограничиться установлением над этими странами протектората – и не более того. На это, в частности, прямо указывалось в ноте МИД Германии правительству СССР от 21 июня 1941 г.: «В Москве при разграничении сфер интересов советское правительство заявило министру иностранных дел, что оно не намерено оккупировать, большевизировать или аннексировать государства, отнесенные к его сфере интересов, за исключением областей бывшего польского государства, находящихся в состоянии разложения… Оккупировав и осуществив большевизацию областей Восточной Европы и Балкан, входивших в сферу интересов СССР, которую ему уступило германское правительство, советское правительство поступило явно и недвусмысленно вопреки московским соглашениям» [6, с. 25]. О том же свидетельствовал и такой факт: договоры, предложенные в конце сентября Берлином тогда еще «германской» Литве, а Москвой – «советской» Эстонии в рамках программы «территориально-политического переустройства», были договорами именно о протекторате. (Германское предложение протектората Литве было снято ввиду перехода последней в сферу влияния СССР по Договору о дружбе и границе от 28 сентября, а советское предложение Таллинну – вследствие решительного противодействия ему эстонской стороны.)

Поскольку осенью 1939 г. Кремль панически боялся быть обвиненным Берлином в «превышении полномочий», борьба с советизаторскими настроениями, порожденными вводом частей РККА на территорию трех прибалтийских государств, становится важнейшей задачей руководства наркоматов обороны и иностранных дел. Так, в приказе Ворошилова о вступлении войск в Прибалтику от 25 октября говорилось: «Разговоры о “советизации” прибалтийских республик в корне противоречат политике нашей партии и правительства и являются безусловно провокаторскими… Настроения и разговоры о “советизации”, если бы они имели место среди военнослужащих, нужно в корне ликвидировать и впредь пресекать самым беспощадным образом» [6, с. 62]. Со своей стороны Молотов категорически требует от полпредов в Литве, Латвии и Эстонии прекратить все отношения с местными левыми и не допускать ни малейшего вмешательства во внутренние дела этих стран. Например, 21 октября 1939 г. он телеграфирует полпреду в Каунас: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически воспрещаю вмешиваться в межпартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т.д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного… Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о советизации Литвы» [6, с. 63–64]. 7 ноября по самому незначительному поводу он выговаривает полпреду в Таллинне: «Вас ветром понесло по линии настроений советизации Эстонии, что в корне противоречит нашей политике. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет

советизации Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокаторам» [6, с. 64]. Строго придерживаясь этой линии поведения, Москве удалось обеспечить свои военно-политические интересы в Прибалтике мирным путем, оставаясь в рамках договоренностей с Германией и не давая англо-французской коалиции повода для вмешательства в происходящие события.

К огромному сожалению советского руководства повторить этот успех в Финляндии не удалось по причине упорства ее властей. Двух-трех недель, которые Москва в своих расчетах отводила на финскую кампанию, было явно недостаточно, чтобы в условиях отсутствия дипломатических каналов связи успеть договориться с Хельсинки о том, о чем не удалось договориться в течение предшествовавших двух лет, и закончить войну традиционным мирным договором. С другой стороны, в случае военно-политического разгрома Финляндии возникал вопрос о путях послевоенного урегулирования. Этих путей было два: либо установление оккупационного режима, что в принципе не отвечало советским традициям; либо ликвидация финляндской государственности и присоединение завоеванных территорий к СССР. Советско-германские договоренности не допускали ни того, ни другого. Лондон и Париж тоже вряд ли бы проглотили эту пилюлю, не поморщившись. Позволить себе «роскошь» такой колоссальной ссоры в Москве не могли.

Выход был найден в создании «правительства Куусинена». Оно позволяло Москве оставаться в рамках советско-германских договоренностей и, жонглируя понятиями международного права, попытаться притупить остроту англо-французской реакции на действия СССР. («Шедевром» этого жанра являются разъяснения, данные Молотовым Генеральному секретарю Лиги Наций 4 декабря 1939 г.: СССР не находится в состоянии войны с Финляндией и не угрожает финскому народу; СССР находится в мирных отношениях с ФДР, все вопросы отношений с которой решены договором о взаимопомощи и дружбе; прежнее правительство Финляндии сложило с себя полномочия; в настоящее время Советским Союзом совместно с правительством ФДР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный бывшими правителями Финляндии.) [7, с. 176–177]. Чтобы успокоить Берлин, Лондон и Париж относительно целей советской акции в Финляндии, ЦК КПФ (читай: Кремль) 3 декабря выступил с обращением якобы к общественности страны, а на деле к указанным столицам, в котором разъяснялся несоветский и несоциалистический характер Финляндской Демократической Республики и потому – невозможность ее вхождения в состав СССР [7, с. 172].

Какова могла быть дальнейшая судьба териокского эксперимента, если бы его на советских штыках донесли до Хельсинки, остается только гадать, но к исходным его целям это уже не имело прямого отношения. Чтобы не запутывать ситуацию и не создавать Кремлю лишних проблем в общении

с Германией, англо-французской коалицией и Хельсинки, «правительство Териоки» вело тихую незаметную жизнь и в конечном счете так же незаметно «скончалось» сразу после подписания мирного договора с законными властями Финляндии.

Ошибки и / или преступления?

Большинство отечественных историков признает неправовой характер советской акции в отношении Финляндии, но находит ей оправдание в стратегической значимости решаемых с ее помощью проблем безопасности СССР накануне судьбоносной схватки с фашизмом. Бесспорно, организация защиты Ленинграда была одним из важнейших императивов советской внешней политики, в конечном счете – прямой обязанностью правительства перед своим народом, и никакие соображения международно-правового порядка не могли изменить эту данность. Как говорится, тем хуже для международного права. Замечательно просто и точно эту мысль в своих мемуарах выразил Н.С. Хрущёв. «Имели ли мы юридическое и моральное право на подобные действия? – вспоминает он нравственную дилемму, вставшую перед Кремлем после принятия решения о войне с финнами. – Юридического права, конечно, мы не имели. С моральной точки зрения желание обезопасить себя, договориться с соседом оправдывало нас в собственных глазах» [8, с. 11]. Нас в этом чувстве укрепляет и длинный перечень в большинстве своем весьма сдержанных предложений, сделанных Москвой официальному Хельсинки в процессе поиска мирного решения. Некоторые из них, как отмечалось выше, даже нашли поддержку у «отца нации» К.Г. Маннергейма. Впрочем, пусть другие выставляют оценки за поведение; нас больше интересует вопрос о том, насколько оптимальными были предпринятые на финляндском направлении шаги, и если они не были таковыми, то существовали ли альтернативные им методы обеспечения безопасности Ленинграда.

В этом смысле представляется практически безупречной советская линия поведения на переговорах, начиная с казуса Ярцева и заканчивая миссией Штейна. Правильно была выбрана форма переговоров – неофициальные контакты, которая избавила обе стороны от многих неудобств и даже опасностей. Правильной была разумная скромность советских пожеланий к Финляндии, учитывавшая не только сложный характер партнера по переговорам, но и реальные потребности СССР. Правильно делали, что ни одно них не возводилось в ранг *sine qua non*. Сказались профессионализм НКИД и, как ни парадоксально, международная изоляция, в которой оказался СССР в 1936–1938 гг. и которая заставляла его действовать с утроенной осторожностью.

Совершенно иной оценки заслуживают действия Кремля в ходе последнего перед войной раунда советско-финляндских переговоров. Именно Кремля,

поскольку в результате отставки М.М. Литвинова с поста наркома в мае 1939 г. и повального репрессирования дипломатических кадров НКИД перестал играть сколько-нибудь заметную роль в разработке внешней политики СССР, которая стала заложницей непрофессионализма Молотова и Сталина. Заключив договор с Германией и, после двух десятилетий прозябания на периферии континента, вдруг ощутив себя важными игроками в европейском политическом казино, эти персонажи дали волю своей великодержавной спеси, чем и обрекли переговоры на провал. Предъявленные Финляндии запредельные по жесткости и объему требования были заведомо для нее неприемлемы. Вырвать у финнов согласие на эти требования можно было только под угрозой войны и советизации. Однако козырь Куусинена вообще остался не разыгранным, а угроза прибегнуть к силе прозвучала для финского уха слишком тихо: за несколько дней до начала войны была распущена по домам часть призванных ранее резервистов, на Карельский перешеек возвращались заблаговременно эвакуированные жители. Правительство СССР не сумело воспользоваться ради сохранения мира таким мощным инструментом дипломатии, как предъявление ультиматума. Ценой этих ошибок стала война с чудовищными людскими, материальными, политическими и репутационными потерями. Могут возразить, что заплатив эту непомерную цену, Сталин все-таки сумел решить главную задачу – укрепление обороны Ленинграда. Посмотрим, так ли это.

Для начала рассмотрим ситуацию на Карельском перешейке, откуда город, якобы, мог обстреливаться даже с территории соседнего государства. Этот смешной аргумент не имеет отношения к реальной оценке стратегической ситуации, поскольку дальность стрельбы тогдашней артиллерии сухопутных войск обыкновенно не превышала 6–9 км, в редких случаях достигая 12–15 км. Несколько штук орудий сверхкрупных калибров повышенной дальности стрельбы класса «Стройная Берта» и «Колоссаль» имелись только у вермахта; они были экзотическим явлением, требовали проведения серьезных инженерных работ для перемещения и установки (включая прокладку специальных железнодорожных путей) и нигде ни разу не оказали сколь-нибудь заметного влияния на ход боевых действий. Кроме того, будучи размещены рядом с границей, они становились легкой целью для обычных систем вооружений РККА.

Если же рассуждать серьезно, то 32 км было вполне достаточно, чтобы создать на своей территории глубоко эшелонированный, практически непреодолимый – особенно с учетом природно-климатических условий местности – укрепрайон с дотами, дзотами, надолбами, контрэскарпами, стационарными огневыми позициями, минными полями и проволочными заграждениями. Если даже маленькой Финляндии с ее нищим военным бюджетом удалось протянуть две жиденькие линии обороны, о которых сам их создатель –

маршал Маннергейм – отзывался весьма уничижительно [4, с. 237], но которые в течение изрядного времени сдерживали наступление многочисленных советских войск, то для СССР создание укрепрайона, вероятно, не представляло особых трудностей. Собственно говоря, Наркомат обороны так и планировал решить «ленинградскую проблему», когда в 1936 г. вошел в правительство с предложением вывести эту территорию из хозяйственного оборота для проведения там инженерно-строительных работ оборонного назначения. В течение трех лет ничего сделано не было, потому, возможно, что Сталин надеялся решить вопрос путем военно-политического принуждения Финляндии. Хотя простой перенос границы на два-три десятка километров был отнюдь не равноценен с точки зрения обеспечения безопасности Ленинграда сооружению мощного укрепрайона. А о несопоставимой цене обоих вариантов нечего и говорить.

Другим условием *sine qua non* мирного соглашения с Финляндией Кремль, как известно, называл передачу ему полуострова Ханко. Для правительства Хельсинки это требование было даже более болезненным, чем вопрос о Карельском перешейке. Его принятие означало появление иностранных войск в основной материковой части страны, причем недалеко от ее столицы, и ставило под вопрос сам нейтральный статус Финляндии. Мы не говорим уже о том, что возвращение войск бывшей метрополии в места их прежней дислокации было красноречивым «приветом» общественному мнению страны из ее недавнего зависимого прошлого. С учетом всех обстоятельств ожидать от финнов добровольных уступок в данном вопросе не приходилось, т.е. завладеть Ханко можно было исключительно ценой войны. Однако вопрос о Ханко оказывается куда шире проблемы цены.

Прежде всего, эта база была не нужна Советскому Союзу вообще. В имперские времена ее существование на входе в Финский залив оправдывалось тем, что острова, все побережье и сама акватория залива являлись частью Российской империи, которую необходимо было защищать. В этой системе координат Ханко мог рассматриваться и как аванпост единой системы обороны имперской столицы. Теперь за Ханко лежали не советские, а финляндские и эстонские территориальные воды, побережье и острова. До Кронштадтского узла обороны было порядка 450 км, и оказать ему поддержку в военно-техническом плане Ханко не мог. Кого и что в таком случае он должен был защищать?

Еще одним принципиальным отличием в положении базы до 1917 г., с одной стороны, и после предполагавшейся передачи СССР – с другой, было то, что в первом случае она размещалась на собственно имперской территории, и ее жизнеобеспечение не представляло особой трудности. Теперь же из-за удаленности базы от советских центров снабжения, но главным образом ввиду ненадежности путей доставки, материально-техническое обеспечение

Ханко становилось задачей практически нерешаемой. В 1941 г. число находившихся там советских гражданских лиц и военнослужащих составило 30 тыс. человек, которых надо было кормить, одевать, лечить и т.д. Постоянно требовались боеприпасы, топливо, запчасти. Между тем на полгода залив замерзал, делая невозможной доставку морем. Оставалась 400-километровая железная дорога Ленинград – Ханко, проходившая по территории Финляндии, и, соответственно, ею контролируемая. Воспользоваться этим путем СССР мог только в двух противоположных случаях: полюбовной договоренности с законными властями Финляндии, либо установления над ней полного военно-политического контроля. Промежуточное между этими решение «финляндской проблемы» в целом не решало частной проблемы Ханко. Легко было предвидеть, что «раненая», но не добитая Финляндия при первой возможности постарается перерезать дорогу, чтобы выжить базу со своей территории. Поэтому в варианте переговоров осени 1939 г., равно как и в варианте мирного договора, заключенного после зимней войны, проблема Ханко решения не имела. Точнее говоря, достигнутое, казалось, решение обессмысливалось самим методом его достижения. Фактическая история Ханко является тому подтверждением. После начала войны 1941 г. база была блокирована со стороны суши отрядами финляндской армии и шведских добровольцев и, бесславно просуществовав до поздней осени, так и не сделав ни одного залпа по германским вооруженным силам, с конца октября по начало декабря с огромным трудом и тяжелейшими потерями была эвакуирована. Ко времени эвакуации нормы продуктового довольствия военнослужащих начинали отдаленно напоминать ленинградские блокадные; в следующие два-три месяца базу ждала голодная смерть. Примечательно, что после 1941 г. к вопросу о Ханко Кремль никогда больше не возвращался.

Таким образом, оба ключевых советских требования к Финляндии, которые пустили переговоры под откос и привели в конечном счете к войне, вернее даже двум войнам – зимней и так называемой «войне продолжения» 1941–1944 гг., – были на момент их предъявления бессмысленными с точки зрения обороны Ленинграда, а в чуть более длительной перспективе – просто контрпродуктивными. В то же самое время последние предложения Финляндии шли даже дальше советских требований 1938 – апреля 1939 г. и, бесспорно, могли стать основой соглашения сторон. Вся информация, необходимая для принятия правильного решения, открыто лежала перед Сталиным и Молотовым на столе. Однако Хозяина и его политического денщика охватило безудержное холопское желание примерить сапоги русских императоров. Ценой этой примерки стали две войны, на которых погибли порядка 550 тыс. человек, а жертвами ранений, обморожения и т.п. стали еще 800 тыс.

Дипломатия военного времени и мирный договор

После начала войны выяснилось, что в Европе не было страны, заинтересованной в ее продолжении. Великобритания и Франция выступали против нее, поскольку не желали усиления позиций советско-германского альянса в Скандинавии в результате неизбежной победы СССР. Германия опасалась вооруженного англо-французского вмешательства в происходящие события и, попутно, установления контроля союзников над Швецией и Норвегией. Этого же опасались и сами скандинавы, помимо угрозы быть втянутыми в войну с СССР в силу идеи скандинавской солидарности. Поэтому не успела война начаться, как закипела явная и подспудная дипломатическая работа ради ее окончания.

Больше других в скорейшем прекращении боевых действий была заинтересована Финляндия. Ее дипломатия уже в первые дни войны благодаря посредническим услугам США и Швеции дала Москве знать о своей готовности вернуться за стол переговоров. Одновременно Хельсинки пытается найти защиту у Лиги Наций, к которой обращается 3 декабря с просьбой о посредничестве и помощи.

Миротворческие усилия поначалу не находили сочувствия в Москве, явно сделавшей ставку на быстрый разгром Финляндии и воцарение в Хельсинки «правительства Куусинена». Чтобы без лишних политических издержек отделаться от несвоевременного вмешательства миротворцев, Москва уверяла последних, в духе процитированного выше ответа Молотова Генеральному секретарю Лиги Наций, что ни с кем не воюет и пр. и пр. Отказываться от поступавших со всех сторон предложений о мире Кремль вынуждали и неудачи Красной Армии на Карельском фронте в декабре 1939 – январе 1940 г.: в таком контексте их принятие было бы обязательно расценено как свидетельство слабости. С другой стороны, изо дня в день усиливалась международная изоляция СССР, и нарастала угроза активного противодействия его политике со стороны самых разных стран. Уже 2 декабря США объявили эмбарго на поставку в Советский Союз стратегического сырья и промышленных изделий, весьма болезненного для армии и народного хозяйства. 14 декабря, по результатам рассмотрения обращения Финляндии в Лигу Наций и ввиду невыполнения Москвой решения Совета этой организации о прекращении боевых действий, СССР был из нее исключен. Из сочувствующих Финляндии стран ширились поставки вооружения и посылка добровольцев. Общественное мнение Швеции и Норвегии усиливало давление на свои правительства в направлении оказания борющемуся соседу более действенной помощи. По соображениям военно-политического и экономического порядка против затягивания войны выступала и Германия. Однако самым пугающим

событием было, конечно, принятие 5 февраля Высшим военным советом союзников решения об оказании Финляндии вооруженной помощи путем посылки экспедиционного корпуса. Времени для победоносного окончания войны оставалось все меньше, возможно, его уже не хватало.

Сложившаяся ситуация заставила Москву срочно продемонстрировать свою готовность завершить дело международно приемлемым порядком, т.е. путем переговоров с Хельсинки по дипломатическим каналам, предоставленным посредниками. 21 января в Стокгольме состоялась встреча между неофициальным представителем правительства Финляндии, известной общественной деятельницей страны Х. Вуолийоки с прибывшими из Москвы сотрудниками НКВД Ярцевым и Грауэром. Согласно полученным инструкциям, Вуолийоки сообщила, что правительство и Сейм Финляндии готовы принять за основу мирного соглашения условия договора СССР с «правительством Куусинена». Последовавший за этой встречей месяц был наполнен контактами советских и финских представителей с шведско-норвежскими международными посредниками. Совершенно изумительную роль в организации и проведении этой наисложнейшей дипломатической операции сыграла полпред СССР в Швеции Александра Михайловна Коллонтай. По итогам этого зондажа в беседе с посланником Швеции в Москве В. Ассарссоном 20 февраля, Молотов впервые заявил о готовности СССР вернуться к переговорам с законным правительством Финляндии. Нарком, однако, предупредил, что теперь СССР требует весь Карельский перешеек, а также район севернее Ладожского озера. 23 февраля правительство Финляндии ответило согласием на все советские требования, параллельно отчаянно пытаясь создать профинляндскую коалицию в составе Великобритании, Франции, Швеции и Норвегии, в частности уговорить скандинавских соседей пропустить англо-французские войска. 6 марта правительственная делегация Финляндии во главе с премьер-министром Р. Рюти вылетела из Стокгольма в Москву. Чтобы не дать финнам времени на продолжение попыток создать упомянутую коалицию, – а они не прекращались вплоть до 12 марта, – советское правительство отказалось приостанавливать боевые действия на время переговоров. 11 марта условия мирного договора были окончательно определены. Они включали передачу Советскому Союзу всего Карельского перешейка с городом Выборг, Выборгского залива с островами, западного и северного побережья Ладожского озера с городом Сортавала, а также ряда других менее значительных территорий. СССР получал в аренду на 30 лет полуостров Ханко с близлежащими островами с правом создания там своей военно-морской базы. Из других статей договора политически значимым было обязательство не заключать союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из договаривающихся сторон. 12 марта 1940 г. договор был подписан.

Зная, как дальше развивались события в годы Второй мировой войны, трудно не согласиться с выводом, сделанным маршалом Маннергеймом о политике СССР в отношении Финляндии: «История показывает, что сильнейший редко демонстрирует дальновидность и умеренность. Именно этих качеств и не хватало руководителям Советского Союза. Их снова подвели высокомерие и чувство меры, в течение столетий “en Russie quand on n’atteint pas le but, on le depasse toujours”». («В России, когда не удается достичь поставленной цели, обычно идут еще дальше») [4, с. 312].

Литература

1. «Линия Паасикиви». Статьи и речи Ю.Е. Паасикиви. 1949–1956. – М., 1958.
2. Кекконен У.К. Финляндия и Советский Союз. – М., 1975.
3. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть: К политической и дипломатической истории советско-финляндского вооруженного конфликта (1939–1940) // Вопросы истории, литературы, искусства. – М., 1990. – № 5.
4. Маннергейм К.Г. Воспоминания. – Минск: изд-во «Попурри», 2012. – 512 с.
5. Донгаров А.Г. Предъявлялся ли Финляндии ультиматум? // Военно-исторический журнал. – М., 1990. – № 3.
6. Донгаров А.Г. СССР и Прибалтика. 1939–1941 гг. – М.: «Вторая типография», 2010. – 168 с.
7. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1992. – 303 с.
8. «Огонек». – 1989. – № 30.

С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КООПЕРАЦИЯ: КАЗАНЬ ПОСЛЕДНИХ СОВЕТСКИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Малышева Светлана Юрьевна – доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Сальникова Алла Аркадьевна − доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.

Неудачный опыт «умиротворения» и мультикультурализма в современном мире заставляет пристальнее взглянуть на те регионы, где межкультурные взаимодействия исторически были и остаются наиболее интенсивными. К ним, в частности, относится Россия – страна с многонациональным населением, а внутри нее – регионы, где исторически сложились модели толерантного сосуществования представителей различных народов и конфессий. К ним, безусловно, можно отнести и современную Республику Татарстан – территорию с многонациональным и мультиконфессиональным автохтонным населением. Она на протяжении веков «впитывала» в себя потоки мигрантов из различных регионов и стран и органично адаптировала их социальный, культурный, научный, хозяйственный и технологический опыт. Она всегда представляла собой «ментальную границу» между Европой и Азией, между российскими «Западом» и «Востоком», являясь своеобразным местом встречи культур.

Ускорившееся на протяжении двух последних столетий индустриальное развитие усилило процессы миграции и межкультурного взаимодействия, в регионах, подобных Татарстану, потребовало углубленного научного изучения «татарстанской модели» межнациональных отношений, отмеченной высокой степенью диалогичности и взаимопонимания. Здесь необходимо обратиться к принципиально важному для понимания нынешней татарстанской

ситуации этапу российской истории – 70–80-м годам XX в. Это было время кульминации и излета существования сообщества, получившего название «новой исторической общности – "советский народ"». Принадлежность к этой общности стала – или, по крайней мере, должна была стать, – основой обретения советским человеком надэтнической идентичности, которая мыслилась (а отчасти – была) важным фактором гармонизации мультикультурного разнообразия страны. Последние советские десятилетия стали противоречивым временем: с одной стороны, миллионы граждан огромной страны идентифицировали себя в качестве «советских людей», части «советского народа»; с другой – именно тогда обнаружились и все чаще стали проявляться противоречия «интернациональной» политики, вылившиеся к концу XX в. в сложные национальные процессы и драматичные, подчас трудноразрешаемые конфликты.

Большевики в свое время умело использовали фактор мультикультурности бывшей Российской империи и неудовлетворенность этноконфессиональных групп населения объемом прав в культурной, политической и экономической областях. В условиях Гражданской войны, когда большинство их оппонентов апеллировало к идее «единой и неделимой России», к духовному потенциалу православия, большевики поддерживали надежды лидеров национальных движений и национальной интеллигенции не только на «культурную автономию», но и на политическое представительство и даже политическую институционализацию отдельных наций. Процесс конструирования национальных республик завершился образованием в декабре 1922 г. СССР, включившего в себя (и продолжавшего включать по мере их создания и изменения конфигурации) квазигосударственные образования, призванные удовлетворить политико-экономические притязания элит титульных этнических групп. Одним из таких образований явилась и созданная в соответствии с декретом ВЦИКа и СНК РСФСР от 27 мая 1920 г. Автономная Татарская Советская Социалистическая Республика (АТССР).

По мере укрепления советской власти и советского государства, устранения политических конкурентов необходимость «заигрывания» с этноконфессиональными элитами отпала. В массовом сознании сформировались определенные этнические стереотипы (украинку, к примеру, опознавали по ленте на венке, таджика – по характерной тюбетейке), а этничность обрела жесткие институциональные рамки, став государственным средством бюрократического управления и классификации населения («пятый пункт» советских анкет – «национальность» и соответствующая строчка в паспорте соседствовали с пунктом о социальном происхождении, постепенно утрачивавшим свое значение). Этничность, понимаемая как передаваемое биологическим путем качество, превратилась в СССР, по словам известного социолога

и исследователя национализма Роджерса Брубейкера, в «партикуляристский категориальный атрибут» [1, с. 75].

«Этнизировав» культурное многообразие страны и ее населения, следовало обосновать идею гармонизации этого многообразия. Такой идеей стала надэтническая идентичность, приписываемая отдельным этническим группам (советские нации), отдельному индивидууму (советский человек) и всему этническому многообразию в целом (новая историческая общность – советский народ). Так создавалась «множественная идентичность» индивидов, одновременно принадлежащих определенной этнической (культурной) группе и надэтнической группе – «советскому народу». Кажущаяся противоречивость «множественной идентичности» снималась доминированием советского начала [4, с. 43–44]. В этом плане «советским мультикультуралистам» удалось то, что пока не удается воплотить либерально-демократическим европейским политикам: создать пространство межкультурной коммуникации, в котором мог осуществляться баланс между общим и частным. Проект «советский народ» следует признать одним из наиболее удачных проектов советских политиков и идеологов. Ведь до сих пор (как показывают и материалы проведенного нами анкетирования, речь о котором пойдет ниже) принадлежность к этому воображаемому сообществу (в прошлом или даже в настоящем) существенным образом влияет на самоидентификацию людей до 1970-х годов рождения включительно, т.е. представителей почти всех ныне живущих советских поколений.

Распад СССР, а вместе с ним – политическая дискредитация проекта «советский народ», разрушили это пространство межкультурной коммуникации. А многообразные конфликты на политической, социально-экономической или культурной почве, сопровождавшие распад соответствующих структур и обнажившие десятилетиями копившиеся проблемы, рассматривались в привычных категориях – как «межнациональные». Именно так они воспринимались и участниками конфликтов – реальных актов отграничения от «других», нетерпимости, непонимания, недоверия.

В действительности же крупные межэтнические конфликты случаются не так уж часто. Они представляют собой точки болезненных разрывов в длительной повседневной практике сосуществования разных культур. Мультикультурные регионы, вопреки расхожим представлениям и мнению некоторых историков национализма, являют собой не столько «взрывоопасные» зоны, сколько «полигоны», на которых веками вырабатывается опыт мирного межкультурного сосуществования.

Это подтверждается и результатами проведенного авторами с 2013 г. анкетирования жителей Казани – одного из крупнейших, динамично развивающихся мультиэтничных городов России. Из более чем 200 опрошенных почти половину (48%) составили представители так называемого «последнего

советского поколения» – люди, родившиеся между серединой 1950-х и началом 1980-х годов. Их восприятие национальной политики государства, самоидентификация и идентификация «других», повседневная жизнь и общение в мультикультурном городе представляют собой уникальный опыт. Его осмысление будет способствовать пониманию процессов, которые происходили в России в конце XX – начале XXI в. и происходят сегодня. Выборка респондентов осуществлялась авторами по методу «снежного кома»: первоначально анкеты были розданы студентам-историкам Казанского федерального университета; заполнив анкету, они должны были сами найти еще одного респондента, принадлежавшего к другому поколению горожан. В качестве таковых нередко выступали бабушки, дедушки и родители наших студентов. Самая старшая из ответивших родилась в 1927 г., самые молодые – в 1996 г. Авторство анкет было разнообразным и достаточно репрезентативным с точки зрения этнонациональной, социальной и гендерной принадлежности опрошенных. К русским отнесли себя 56% респондентов, к татарам – 30,4 (среди студентов, отбиравших респондентов среднего и старшего поколения, русские составили 55%, татары – 33,3, что сказалось на результатах выборки), 6,5% составили чуваши, мари, башкиры, лезгины. Остальные (все они родились в смешанных браках) со своей этнической принадлежностью не определились. Помимо студентов, в анкетировании приняли участие представители различных социальных и профессиональных групп: экономисты, юристы, инженеры, техники, строители, сотрудники МВД и военнослужащие, учителя, воспитатели, частные предприниматели, представители рабочих профессий и др. 80% опрошенных – женщины.

Принимая во внимание тот факт, что на 1970–1980-е годы приходился расцвет «предписывавшейся» властью «двойной идентичности» жителей СССР, нас прежде всего интересовало, как эта идентичность переживалась и осознавалась жителями столицы Татарстана – Казани. Исходя из этого, все вопросы в анкетах были разделены на четыре группы.

Первая группа вопросов была обозначена как «персональные сведения»: фамилия, имя, отчество – по желанию; год и место рождения; образование, специальность и сфера профессиональной деятельности, а также вопросы, направленные на выявление национальной, религиозной и поколенческой самоидентификации респондента.

Вторая группа включала вопросы, связанные с этнонациональным маркированием городского пространства Казани (например, «Отличались ли районы города с точки зрения этнической / национальной принадлежности преобладающей части их населения?»), вопросы, выясняющие самоощущение жителей мультиэтничного города («Нравится ли Вам жить на “культурном пограничье”»), вопросы, выявляющие оценочные или прогностические суждения респондентов (например, «Раньше Казань выглядела как: а) мульти-

этничный; б) преимущественно “русский”; в) преимущественно “татарский” город и почему?»; «в перспективе Казань будет развиваться как: а) обычный, типичный постсоветский город; б) как город с отчетливо выраженным национальным / этническим колоритом; в) по типу “плавильного котла”, когда произойдет сплав и в конечном итоге растворение национальных культур друг в друге?»). Завершал раздел вопрос: «Мультиэтничный характер Казани является позитивным или негативным фактором для ее современного состояния и последующего развития?»

Третья группа вопросов была направлена на исследование того, как индивид вписывается в межкультурную среду, начиная с детского возраста. Сюда же вошли вопросы, касающиеся состояния национально-культурных отношений в СССР / постсоветской России («Какой период в истории нашей страны был самым мирным с точки зрения межнациональных и межконфессиональных отношений? Почему?»; «Толерантное отношение к “другим” было более очевидным в советское или постсоветское время, прежде или теперь, и в чем это проявляется?»).

Последняя группа вопросов была нацелена на изучение надэтнической советской идентичности как идеологии и как реального исторического феномена. Анкетируемым предлагалось ответить на такие, например, вопросы, как «Что такое советский народ и кто его составлял?», «Когда он сформировался и когда перестал существовать»? «Ощущали ли Вы себя советским человеком – частью советского народа?» и др. Эти вопросы были адресованы как представителям старшего и среднего поколения, так и молодым людям, родившимся в конце советской эпохи или в постсоветское время, у которых представления о «советском народе» и «советскости» формировались в основном в период резко негативного отношения к этим феноменам в России. Тем интереснее и неожиданнее оказались полученные ответы.

В целом полученные ответы отчетливо продемонстрировали «множественную идентичность» – осознание собственной принадлежности к определенной этнической группе или даже к нескольким этническим группам (дети от смешанных браков) и одновременно – к надэтнической общности «советский народ» – при акценте на ее важной роли для гармонизации межнациональных отношений.

Как правило, респонденты, описывая свое детство и юность, приходящиеся на 1970–1980-е годы, отмечали, что осознавали принадлежность к «своей» этнической группе. Интересны индивидуальные «истории узнавания» о национальных различиях и о собственной принадлежности к одной из групп. Чаще всего это происходило в раннем школьном или дошкольном возрасте. Нередко ребенок довольно долго не имел представления о национальности – ни собственной, ни друзей, учителей или сверстников. Интерес к собственной идентичности порождали либо соответствующие сообщения

родителей и других родственников, либо общение со сверстниками, соседями и пр. Иногда этот интерес вызывался школой. В школьных журналах, например, существовала графа о национальности родителей; к тому же в рассматриваемый период было введено факультативное преподавание татарского языка во всех школах Казани. Значительное количество детей, рожденных в межнациональных браках, оказывались в ситуации выбора (посещать или нет уроки татарского языка), получали первый опыт самостоятельного (или не без влияния родителей) «национального самоопределения». Респонденты заявляли о своей национальной принадлежности в полном соответствии с существовавшей практикой причисления к этнической группе скорее по «биологическим», нежели по культурным основаниям.

Преобладающее большинство опрошенных (87% татар и 69,8% русских, родившихся в конце 1950-х – 1970-е годы) утвердительно ответили на вопрос о том, нравится ли им жить в многоэтничной городской среде: «Мне нравится жить в многокультурной стране. Это расширяет кругозор; наблюдать за обычаями и традициями других культур очень интересно» (татарка), «Нравится. Я всех люблю, жить в мононациональном городе скучно» (русский); «не очень одобряю “культурное пограничье”, так как это ведет к бесконечным конфликтам, особенно религиозным. Хотя это не касается отношений между татарами и русскими» (татарка); «нравится, так как в Казани нет открытой вражды, нет явных межнациональных конфликтов» (русская); «Казань – мой родной город, и я привык жить рядом с людьми другой религии и национальности, мне это даже нравится» (русский), «нравится, хотя особого значения этому в обычной жизни не придаем. Здесь родина» (русская), «я привыкла жить в “культурном пограничье”» (татарка).

Большинство респондентов этого поколения важным элементом своей идентичности считает принадлежность к советскому народу. Причисление себя к этой надэтнической общности обусловливает и соответствующее отношение к представителям этносов, веками проживавшим бок о бок на этой же территории, и к «неместным» народам. Яркий показатель минимальной межэтнической дистанции – это и традиционная соседско-дружеская кооперация, и родство с представителями других национальностей через брак. Практически все респонденты ответили, что у них всегда были друзья «и русские, и татары. Все это не имеет для меня значения, главное, чтобы человек был хороший» (русский); «среди моих друзей есть как русские, так и татары. В выборе друзей это не имеет для меня решающего значения» (татарка).

Как свидетельствуют данные статистики, рост межнациональной брачности – и в целом по РСФСР, и в Татарской республике – был весьма заметен в 1960–1970-е годы. В Казани за этот период доля межнациональных браков увеличилась более чем вдвое. Так, среди заключенных в Казани в 1980 г.

браков 23,6% относились к межнациональным. До 1990-х годов включительно возрастание доли межнациональных браков продолжалось, и к 1999 г. показатель межнациональной брачности в Татарстане достиг 25,7%. В 1989–1990 гг. более 54% городского татарского населения республики полагало, что национальность в браке не имеет значения, а нежелательными такие браки считали только 13,5% горожан [2, с. 328–329].

Более половины от общего числа национально-смешанных семей приходилось на русско-татарские семьи: межэтническая дистанция между этими двумя этническими группами была минимальной. Практически каждый из опрошенных казанцев позднесоветских поколений говорил о многочисленных примерах межнациональных браков в своем окружении и о построении семейных отношений внутри межэтнического брака. Наши респонденты рассказывали о том, как в их семьях, семьях их родных, друзей и знакомых решались вопросы, связанные с культурными различиями: выбора национальности детей, языка повседневного общения в семье, празднования национальных и религиозных праздников, взаимоотношений с родственниками супруга / супруги и пр. Примечательно, что при всем разнообразии вариантов, ни одна из моделей, как правило, не означала полного разрыва с культурной группой и культурными традициями каждого из супругов. Внутри семьи, в отношениях с супругом, детьми, родственниками разных национальностей фактически строилась гибкая ситуативная модель поведения. В бытовой плоскости она основывалась на идее компромисса давних традициях соседско-дружеских взаимоотношений. Идеологическое обоснование эта модель черпала в практике «советских взаимоотношений» представителей разных наций. В результате респонденты не придавали вопросам национальной принадлежности и сохранения идентичности в национально-смешанной семье решающего значения.

Показательно, что, определяя «самый мирный» в межнациональных отношениях период в истории России / СССР, почти все респонденты, принадлежащие к позднесоветским поколениям, отдали безусловное предпочтение «советскому времени», причем многие – «брежневскому» периоду: «По-моему, тогда не придавалось вообще значения, какой ты национальности» (русская, 1957); «период правления Л.И. Брежнева, потому что одним из главных в отношениях между людьми был лозунг “Дружба народов…” Прививалось уважительное отношение ко всем национальностям без исключения» (русская, 1964); «в СССР… все народы жили мирно, это прививалось везде, среди представителей высшего руководства были представители разных национальностей» (татарин, 1970); «период застоя, во время правления Брежнева. Тогда все были равны» (татарка, 1972).

Принадлежность к «советскому народу» рассматривалась (или подразумевалась) респондентами этих поколений едва ли не как основной фактор

упрочения и гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, а сохранившиеся «советские» традиции в этой сфере – как важнейший стабилизирующий фактор в условиях постсоветской ситуации.

Постепенное разрушение с 1990-х годов пространства межкультурной коммуникации, искусственная дискредитация идеи «советскости» вели к стремительному увеличению межэтнической дистанции. Об этом свидетельствует, в частности, довольно резкое изменение отношения к межнациональным бракам: нежелательными назвали их в 1994 г. 30,8% татар-горожан, в 1998 г. – 36,9% (против 13,5% в 1989–1990 гг.) [2, с. 328–329]. И потому на косвенный вопрос: «Как должны воспитывать детей супруги разных национальностей и разной религиозной принадлежности?» встречались и такие ответы «внуков»: «Считаю данный вопрос неразрешимым. Именно поэтому лично я хотя и не категорически, но все же предпочитаю несмешанные браки» (русская, 1983). Такие ответы едва ли составили более 5%, но нельзя не учитывать, что респонденты обязательно подвергали написанное самоцензуре. (Если представители среднего и старшего поколения могли отвечать на вопросы анонимно, то студенты не были в этом заинтересованы, поскольку за каждую заполненную анкету получали дополнительные бонусные баллы за работу в семестре.)

Настораживает и то, что 23,3% респондентов-русских, в основном, молодежи 1990-х годов рождения, – заявили о желании жить в «моноэтничном» городе, подразумевая под ним, видимо, город «русский». Среди них были как приезжие из других регионов России, так и коренные казанцы. В некоторых анкетах лиц нетатарской национальности приводились упоминания о фактах лоббирования или дискриминации по национальному признаку, однако сами анкетируемые, по их словам, никогда ей не подвергались, а лишь «слышали» или «читали» о ней: «Часто слышу от своих знакомых, (что) были ситуации, когда человек не знал татарского языка или был другой национальности (не татарской), его не брали на работу»; «я часто слышу, что для того, чтобы подняться в должности, нужно быть татарином, однако сама с подобными примерами не сталкивалась».

Тем не менее ресурс советской модели гармонизации межэтнических взаимоотношений до конца отнюдь не исчерпан, поскольку живы представители поколений, считающих себя представителями надэтнической общности «советский народ». Они в значительной степени сохраняют соответствующую практику повседневного общения, а многие – и прежние межэтнические связи, в том числе родственные. Этот повседневный опыт они – с разным успехом – пытаются передать представителям младшего поколения, своим детям и внукам.

Пожалуй, ключевым для характеристики взаимоотношений между традиционно проживавшими в Казани этнососедями – татарами и русскими –

является следующий ответ: «Мне интересно узнавать о жизни другой культуры, но при этом я не ощущаю себя “чужой”» (русская, 1987). Здесь действительно сложился вековой опыт сосуществования двух основных для этого региона национальных общностей – татарской и русской, сплавленных в едином «культурном котле» и не потерявших при этом своего своеобразия. Именно поэтому, характеризуя Казань как «имперский “хартленд”», ряд современных исследователей проблем этнонационализма утверждает, что проживавшие здесь русские и татары (православные и мусульмане) «не были ни “друзьями”, ни “врагами”. Они были “соседями”» [3, с. 12] – «иными», «другими», но редко «чужими».

Место «чужого», как показали анкеты, заняли сегодня мигранты из стран «ближнего зарубежья», в особенности лица «кавказской национальности». Анкеты продемонстрировали практически неприкрытую неприязнь к этим людям многих из опрошенных – и русских, и татар, принадлежащих к разным поколениям, негативное отношение к их переселению в Казань: «Раздражает странный непонятный язык, способность собираться большими компаниями и вести себя на территории не своего дома, как хозяева… Главное, чтобы они вели себя адекватно и как гости» (русская); «не очень хорошо отношусь... Считаю, что это может повлиять на покой граждан, привести к развалу… культур» (русский); «мне бы не хотелось, чтобы слишком много приезжих в лице тех же гастарбайтеров проживало в моем регионе. Как правило, к нам приезжают не самые образованные представители этих народов и не самые законопослушные, что негативно влияет на культурную и криминальную обстановку в обществе. К тому же зачастую они оставляют без работы местное население…» (русская); «мне не очень нравится их поведение (я имею в виду выходцев из Средней Азии и Кавказа)… Произойдут изменения не в лучшую сторону» (татарка); отношение к ним «отрицательное, так как ассоциируются с бандитами» (татарка); «они наглеют…» (татарка). Таких ответов едва ли не половина.

«Чужими» для отвечающих являются и носители идей исламского радикализма, в котором большинство опрошенных видят основную угрозу миру и стабильности: «Пугают радикальные настроения в исламе» (русская); «сейчас начинают пугать радикально настроенные мусульмане» (русская); «пугают религиозные фанатики» (татарка); «раздражающие и отталкивающие факторы есть. Отталкивает радикальный ислам» (русский); «я считаю некоторых мусульман слишком агрессивно настроенными» (татарка); «меня пугают исламисты в связи с террористическими актами» (татарка).

Дифференцированное отношение к представителям разных этнических групп и фактическое отсутствие надэтнического фактора гармонизации отношений, который признавался бы представителями всех культурных сообществ (согласимся: идея «российской идентичности», предложенная взамен

«советскости», пока плохо усвоена), разумеется, не означает отсутствия межэтнического взаимодействия и кооперации. Они лишь испытали корректировку и дифференциацию под воздействием социально-экономических причин, усилившейся дистанцированности жителей больших городов друг от друга, сократившемуся опыту повседневного соседского общения в целом.

Тем не менее в главном и основном модель межкультурного взаимодействия и кооперации двух ведущих этнических групп в республике – татар и русских, межэтническая дистанция между которыми на протяжении многих десятилетий остается минимальной, – продолжает сохраняться. Она поддерживает межэтнический баланс и создает условия для демократического обсуждения проблем, возникающих в культурно-плюралистическом обществе.

Литература

1. Брубейкер Р. Этничность без групп. – М., 2012. – 408 с.
2. Мусина Р.Н. (2001). Семья и семейный быт // Коллективная монография «Татары» / Отв. ред. Р.К. Уразманова, С.В. Чешко. – М., 2001. – С. 327–339.
3. Не возлюби ближнего: Динамика соседства, дружбы и вражды // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – Казань, 2010. – С. 9–16.
4. Ушакин С. Поле пола. – Вильнюс, М., 2007. – 320 с.

РАЗМЫШЛЕНИЯ, СООБЩЕНИЯ, КОММЕНТАРИИ

М.А. Положихина

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ЗАПАДА И РОССИИ

Положихина Мария Анатольевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

Массовое использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) обусловили к началу XXI в. качественные изменения во всех сферах жизни общества, включая и систему государственного управления. В докладе ООН 2002 г. отмечается, что «управление века информации представляет совершенно новый набор проблем для лиц, принимающих решения, государственных служащих и граждан» [16, с. 48].

Повышение эффективности и прозрачности деятельности управляющей системы, а также совершенствование ее взаимодействия с населением и институтами гражданского общества связывают в последние годы преимущественно с проектами развития электронного правительства (ЭП).

Теоретические основы ЭП были сформулированы еще в 1980-х годах в США, тогда же начались и практические действия по их реализации. Считается, что впервые термин «электронное правительство» (electronic government или e-government) был введен вице-президентом США А. Гором в 1993 г. в рамках «движения за новое изобретение правительства» («reinventing government») [12, с. 148]. В 1993 г. появился первый официальный государственный интернет-сайт, принадлежащий Белому дому, а в 1995 г. федеральные органы власти уже располагали электронной почтой, и к 1998 г. работа с ней стала общепринятой практикой [1, с. 69]. В начале 2000-х годов в США сформировался уже системный подход к развитию ЭП. Ключевыми документами в этой сфере стал Закон 2002 г. «Об электронном правительстве» и принятая Конгрессом 27.02.2002 «Стратегия электронного правительства». Модель ЭП, созданная в США, послужила образцом для подражания, по крайней мере в англо-саксонских странах [15, с. 49–54]. Подхваченная странами (ОЭСР) и поддержанная ООН на международном

уровне, концепция ЭП в 2000-х годах превратилась уже в глобальную управленческую «моду». Сегодня государственные органы многих стран мира широко используют ее в практической деятельности. «Электронное правительство» больше не эксперимент в административной реформе, а постоянная часть процесса управления. И для правительств, и для граждан очевидно, что его преимущества значительно перевешивают риски инвестиций [16, с. 56]. При этом сама концепция ЭП продолжает активно развиваться.

В настоящее время определение ЭП имеет множество вариантов и трактовок. Так, по определению Всемирного банка (2015), ЭП означает использование государственными органами информационных технологий (таких, как глобальные сети, Интернет и мобильные вычисления), способных преобразовать отношения с гражданами, компаниями и различными правительственными организациями. Эти технологии могут служить многим целям: расширению спектра государственных услуг гражданам, улучшению взаимодействия власти с бизнесом, росту возможностей граждан благодаря доступу к информации или к более эффективным управленческим практикам. В результате эксперты отмечают уменьшение коррупции, увеличение прозрачности деятельности властных структур, рост доходов и сокращение расходов [24, с. 143].

В настоящее время эволюция ЭП во многом определяется растущим уровнем технических новаций и меняющимися социально-политическими условиями. Экспертное сообщество рассматривает два пути развития государственного управления: переход к «мобильному» и далее – к «цифровому правительству», а также формирование «открытого правительства».

Инициатива *«открытое правительство» (OpenGov),* впервые сформулированная администрацией Б. Обамы в 2009 г., основывается на применении технологии и инструментов Web 2.0. и строится на трех ключевых принципах: прозрачности государственного управления, участии в нем граждан, сотрудничестве между государственными структурами и гражданами [12, с. 149]. В 2011 г. по инициативе США и Бразилии было создано международное партнерство «Открытое правительство» (Open Government Paternship) с целью внедрения этих принципов в деятельность правительства. По состоянию на конец 2016 г. в это партнерство входит 70 стран, принявших соответствующую декларацию и национальные программы развития «открытого правительства». Однако не все специалисты позитивно относятся к этому международному партнерству. Некоторые из них видят в нем попытку создания глобального правительства, которое будет диктовать свои условия другим странам.

Значительно меньше противоречий вызывает переход к «мобильному правительству», т.е. широкому использованию мобильных устройств и при-

ложений к ним для предоставления государственных услуг гражданам и расширения взаимодействия с ними государственных органов.

Модель «цифрового правительства» («digital government») называют следующим этапом трансформации системы государственных услуг. Компания *Gartner Group* (одна из крупнейших в мире исследовательских компаний в области ИКТ) дает ему такое определение: «…правительство, создаваемое и действующее так, чтобы использовать преимущества цифровых данных при оптимизации, трансформации и создании государственных услуг» [14, с. 7]. «Опираясь на инвестиции и преобразования, произведенные в ходе предыдущих этапов формирования электронного правительства, эта стадия подразумевает полный перевод услуг в цифровой формат – от обращения за этими услугами до их исполнения и достижения такого положения дел, когда ведомственные процессы опираются преимущественно на данные, а не на документы» [14, с. 5].

С 2001 г. ООН составляет рейтинг развития ЭП (e-government development rank) по странам, который включает оценку объема электронных услуг и сервисов, предоставляемых органами власти, анализ информационно-коммуникационной инфраструктуры и развития человеческого потенциала. Результаты расчетов шкал рейтингов публикуются раз в два года (табл. 1).

Анализируя рассчитываемые ООН рейтинги развития ЭП по странам, следует учитывать ряд моментов, оказывающих существенное влияние на динамику их показателей:

– во-первых, частые изменения методики подсчета. Так, за 2001–2016 гг. она менялась не менее 5 раз, что затрудняет сопоставление результатов развития ЭП в одной стране за разные годы и во многом обусловливает резкие изменения позиций стран при их ранжировании;

– во-вторых, слишком узкую шкалу показателей (от 0 до 1) для оценки ситуации в более чем 190 странах. Значения рейтинга, представляющие собой цифры с четырьмя знаками после запятой, слабо отражают различие между странами по уровню развития ЭП;

– в-третьих, высокую зависимость рейтинга развития ЭП ООН от степени экономического развития страны, показателя уровня ее доходов, доступа к инфраструктуре информационных и коммуникационных технологий, уровня образования и компьютерной грамотности населения [23, с. 12]. Между тем влияние экономической ситуации в странах на уровень развития ЭП значительно шире.

Общее состояние экономики (кризис, депрессия или подъем) и государственного бюджета (величина дефицита или профицита) непосредственно сказывается на объеме услуг, включая электронные, которые предоставляются гражданам в области здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ РЕЙТИНГА ПО РАЗВИТИЮ ЭП В СТРАНАХ-ЛИДЕРАХ ЗА 2001–2016 гг.*

Годы	*Страны*	*Рейтинг*	*Годы*	*Страны*	*Рейтинг*
2001	1. США	3,11			
	2. Австралия	2,60			
	3. Н.Зеландия	2,59			
	4. Сингапур	2,58			
	5. Норвегия	2,55			
	…..	….			
	39. РФ	1,89			
2003	1. США	0,927	2004	1. США	0,9132
	2. Швеция	0,840		2. Дания	0,9047
	3. Австралия	0,831		3. Великобритания	0,8852
	4. Дания	0,820		4. Швеция	0,8741
	5. Великобритания	0,814		5. Южная Корея	0,8575
	…..	….		….	…
	58. РФ	0,443		52. РФ	0,5015
2005	1. США	0,9062	2008	1. Швеция	0,9157
	2. Дания	0,9058		2. Дания	0,9134
	3. Швеция	0,8983		3. Норвегия	0,8921
	4. Великобритания	0,8777		4. США	0,8644
	5. Южная Корея	0,8727		5. Нидерланды	0,8631
	….	…		…..	…
	50. РФ	0,5329		60. РФ	0,5120
2010	1. Южная Корея	0,8785	2012	1. Южная Корея	0,9283
	2. США	0,8510		2. Нидерланды	0,9125
	3. Канада	0,8448		3. Великобритания	0,8960
	4. Великобритания	0,8147		4. Дания	0,8889
	5. Нидерланды	0,8097		5. США	0,8687
	….	….		…..	….
	59. РФ	0,5136		27. РФ	0,7345
2014	1. Южная Корея	0,9462	2016	1. Великобритания	0,9193
	2. Австралия	0,9103		2. Австралия	0,9143
	3. Сингапур	0,9076		3. Южная Корея	0,8915
	4. Франция	0,8938		4. Сингапур	0,8828
	5. Нидерланды	0,8897		5. Финляндия	0,8817
	….	….		…..	…
	27. РФ	0,7296		35. РФ	0,7215

* Таблица составлена на основе данных источников 16–24.

Не случайно поэтому группу государств с очень высокими рейтингами развития ЭП (больше 0,75) за весь период наблюдения ООН составляют наиболее экономически развитые страны мира. В число лидеров данного направления регулярно входят североевропейские и Скандинавские страны (Швеция, Норвегия, Нидерланды, Дания, Финляндия), США и Канада, Австралия

и Новая Зеландия, Великобритания и Франция, а также Южная Корея и Сингапур (табл. 1, 16–24).

Показательны приводимые в рейтинге развития ЭП, составляемого ООН, данные о постепенном снижении позиций США. Если в 2001–2005 гг. США являлись в этой области лидером, то к 2016 г. они опустились на 12-е место (табл. 1, 24). Такая динамика во многом объясняется проблемами, которые накопились в американских системах здравоохранения, образования и социального обеспечения.

В противоположность США Финляндия – один из лидеров Европы в области ЭП – удачно сочетает высокие темпы развития информационного общества и поддержания условий государства «всеобщего благосостояния», «...где каждый гражданин имеет возможность получить бесплатное государственное образование, медицинское и социальное страхование. Все эти блага финансируются за счет высоких налогов. И такая социальная политика действует при мощной поддержке всего общества» [15, с. 97–98].

В обзоре ООН-2016 констатируется, что за прошедшие 15 лет процесс формирования ЭП происходил не в последовательной прогрессии, а скачкообразно [24, с. 133]. Сегодня все большее количество стран используют форму ЭП для повышения эффективности и прозрачности деятельности государственных учреждений, повышения их ответственности за принимаемые решения. В 2003 г. лишь 45 стран имели соответствующий портал, но только в 33 из них можно было совершить транзакцию онлайн. К 2016 г. уже 90 стран предлагают один или несколько порталов общественно значимой информации и / или онлайн-сервисов; 148 стран обеспечивают, по крайней мере, один вид транзакционных услуг онлайн; 128 стран поддерживают открытые наборы данных (за счет государственных средств) в машиночитаемых форматах [24, с. 2, 5, 133].

Успешность внедряемых практик зависит от того, насколько они отвечают базовым ценностям того или иного сообщества. Динамика развития элементов ЭП определяется наличием многих субъективных факторов: целенаправленности политики правительства в области ИКТ и ЭП; его сильной политической воли, оказывающей поддержку «клиентоцентричной» (сконцентрированной на потребностях широких слоев потребителей) модели обслуживания; прочности институциональной структуры госуправления и госслужбы [23, с. 12].

Электронное правительство в России

Начало системному внедрению ИКТ в деятельность отечественных государственных органов положило подписание в 2000 г. Президентом РФ В.В. Путиным Окинавской хартии информационного общества. Процесс

формирования ЭП в России включает несколько этапов и продолжается по сей день.

Так, принятая на 2002–2010 гг.[1] федеральная целевая программа «Электронная Россия» основную свою задачу видела в информатизации деятельности отечественных государственных органов. Причем это направление никак не было связано с проводившейся в тот период в России административной реформой. Однако к 2005 г. пришло осознание того, что эти два процесса должны быть скоординированы. В 2006–2008 гг. предпринимались попытки интеграции обоих направлений, когда приоритеты в реформировании системы государственного управления все в большей степени смещаются в сторону внедрения современных ИКТ и когда меняется подход к ожидаемым последствиям от их использования. В одобренной Концепции формирования в РФ ЭП (до 2010 г.) данное направление трактуется как «новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая за счет широкого применения ИКТ качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов»[2].

После 2010 г. (даты формального завершения отечественной административной реформы) перспективы реформирования государственного управления уже почти полностью связываются с развитием ЭП. Создается Правительственная комиссия по внедрению информационных технологий в деятельность государственных органов и органов местного самоуправления[3]. В принятой государственной программе «Информационное общество (2011–2020)»[4] отдельная подпрограмма – «Информационное государство» – посвящается задачам преобразования системы государственного управления.

В 2012 г. мероприятия по совершенствованию системы государственного управления уточняются в специальном указе Президента РФ. Определяются также конкретные показатели по развитию ЭП, достичь которые следует к 2015 и к 2018 гг.[5] Кроме того, начинается работа по формированию в РФ

1. Постановление Правительства РФ от 28.01.2002 № 65 // Собрание законодательства РФ. – М., 2002. – № 5. – Ст. 531.

2. Распоряжение Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р // Собрание законодательства РФ. – М., 2008. – № 20. – Ст. 2372.

3. В 2013 г. была преобразована в Правительственную комиссию по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, возглавил ее лично Председатель Правительства Д.А. Медведев.

4. Распоряжение Правительства РФ от 20.10.2010 № 1815-р // Собрание законодательства РФ. – М., 2010. – № 46. – Ст. 6026.

5. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Собрание законодательства РФ. – М., 2012. – № 19. – Ст. 2338.

системы «Открытое правительство» (утверждены должность министра РФ по вопросам «Открытого правительства» и Правительственная комиссия по координации деятельности «Открытого правительства»).

В 2014 г. была утверждена новая редакция государственной программы «Информационное общество»[6], в которой отмечалась необходимость выборочного перевода в электронный вид федеральных, региональных и муниципальных услуг. В первую очередь это касалось наиболее массовых и общественно значимых 15 федеральных и 20 региональных услуг. Была также утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти[7], в которой определены принципы открытости и механизмы их реализации, система мониторинга и оценки степени открытости. Кроме того, в декабре 2014 г. Правительством РФ была принята Концепция региональной информатизации до 2018 г.[8], в которой указаны приоритеты развития ИКТ по 14 направлениям (в здравоохранении, образовании, транспорте, связи, обеспечении безопасности и т.д.), описана типовая ИТ-структура современного региона и ее основные компоненты[9].

Нельзя не признать, что по сравнению с началом 2000-х годов в деятельности российских государственных органов произошли очевидные позитивные сдвиги. За десять лет (с 2007 по 2016 г.) в стране создано 2,7 тыс. центров и 10,1 офисов МФЦ («Мои документы»). Действует Единый портал государственных услуг (ЕПГУ, бета-версия) и региональные порталы государственных услуг (РПГУ), многочисленные официальные веб-сайты и порталы органов государственной власти и местного самоуправления; различные национальные базы данных и т.д. [14, с. 5, 50–51, 55; 15, с. 136–138].

Особенно заметны перемены в последние два-три года. По официальным данным, за первые шесть месяцев 2015 г. на бета-версии ЕГПУ было заказано 47 тыс. федеральных услуг, а в первом полугодии 2016 г. – уже 81 млн. Обновленное мобильное приложение «Госуслуги» также демонстрирует высокий рост заказанных федеральных услуг – в 260 раз (со 168 тыс. до 43,6 млн соответственно). В первом полугодии 2016 г. пользователи ЕПГУ и бета-версии портала совершили 2,4 млн успешных платежей на общую

6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 18 (ч. II). – Ст. 2159.

7. Распоряжение Правительства РФ от 30.01.2014 № 93-р // Собрание законодательства РФ. – М., 2014. – № 5. – Ст. 547.

8. В 2010–2014 гг. документа, координирующего процесс информатизации в субъектах РФ, не было.

9. Распоряжение Правительства РФ от 29.12.2014 № 2769-р // Собрание законодательства РФ. – М., 2015. – № 2. – Ст. 544.

сумму 2,3 млрд руб. Это в 3,5 раза превышает показатель аналогичного периода за 2015 г. (714 тыс. платежей на сумму 656 млн руб.) [7].

Однако результаты мониторинга Минэкономразвития РФ свидетельствуют, что выстроить полноценную систему предоставления госуслуг в электронном виде в России пока не удается [15, с. 138–139]. Доля услуг, предоставляемых полностью в электронном виде, остается на уровне 5% [11, с. 15]. Согласно данным опросов, мнение населения об оказываемых государством услугах в целом улучшается, но ситуация значительно варьирует в зависимости от ведомств и видов услуг [15, с. 139].

В рейтинге развития ЭП ООН-2012 Россия резко улучшила свои позиции, поднявшись в 2010 г. с 59-го места на 27-е, но в 2016 г. опустилась на 35-е место [22; 24]. И хотя такое снижение рейтинга во многом объясняется очередным изменением методики оценки, неблагоприятной внешне- и внутриэкономической ситуацией, оно свидетельствует о замедлении процесса развития ЭП в России и о растущем ее отставании от стран-лидеров по данному направлению.

Осенью 2016 г. Минкомсвязи РФ подготовило новый (второй) системный проект ЭП РФ: «Электронное правительство 2020» [11]. Согласно этому документу, развитие ЭП предполагает реализацию принципа «4Л» – чтобы любой гражданин и любое ведомство могли взаимодействовать в любом месте и в любое время. Достижения поставленной цели потребует ряд качественных изменений: во-первых, смены ориентации на инфраструктуру ориентацией на потребности пользователя. Должен быть установлен унифицированный порядок (типизация) предоставления социально-массовых и востребованных региональных и муниципальных услуг, осуществлены человеко-ориентированное их проектирование, комплексность (услуги по жизненным и деловым ситуациям) и проактивность (т.е. информирование о наступлении соответствующих прав на получение услуги), а также единая система предоставления услуг; во-вторых, требуется внедрение современных управленческих подходов, в том числе межведомственного обмена в режиме реального времени, голосовой и / или биометрической идентификации пользователей, интеграции сети МФЦ и ЕПГУ, создание электронных архивов юридически значимой госинформации и трансграничный обмен ею, а также использование сервисов ЭП всеми ветвями власти. Наконец, необходимы архитектурный подход в построении инфраструктуры ЭП, единая система мониторинга развития ЭП и вовлечение пользователей в процесс его улучшения [10; 11]. Основными результатами развития ЭП к 2020 г., как это видят авторы стратегии, должны стать «ноль бумаги, ноль чиновников и ноль проблем взаимодействия», а также общедоступность и интерактивность правительства [11].

Между тем существующее в настоящее время огромное количество сайтов органов власти, оказывающих различные услуги, требует специального «навигатора» для ориентировки в них. А отсутствие унифицированного оформления и огромное разнообразие предоставляемых сервисов вынуждает пользователей тратить дополнительное время и силы для того, чтобы разобраться во всем этом. Для преодоления такого «разнобоя» начался перевод региональных услуг на ЕГПУ. Но этот процесс займет определенное время и потребует значительных средств. К тому же повышаются требования к надежности инфраструктуры ЭП, ее способности работать с огромными массивами данных, к обеспечению безопасности и т.д.

Материальные затраты государства на развитие ЭП сегодня достаточно велики: в 2016 г. они составляли более 100 млрд руб. только на ИКТ-инфраструктуру [5] и продолжают увеличиваться. Они растут как за счет внедрения новых ИКТ в государственное управление, так и за счет роста затрат на их эксплуатацию. При этом экономическая и социальная эффективность данных мероприятий не всегда является очевидной. Так, время оказания государственных услуг при «бумажной» и электронной форме составляет одну и ту же величину. Например, срок проверки налоговой декларации по форме 3-НДФЛ составляет три месяца независимо от того, принес ли гражданин ее сам в налоговую инспекцию или отправил в электронном виде через личный кабинет. Кроме того, параллельное существование «бумажной» и электронной формы предоставления государственных услуг, безусловно, увеличивает общие расходы на них.

Правительство РФ приняло решение о снижении госпошлины при использовании электронных государственных услуг – в целях их популяризации среди населения. Но отсутствие данных об их стоимости (в том числе прозрачной калькуляции видов затрат по ведомствам и регионам) не позволяет определить экономический эффект от их перевода в электронный вид. В Великобритании, например, такие расчеты были произведены [14, с. 8], а в России вопрос об экономической эффективности электронных государственных услуг только поставлен – через восемь лет после принятия первого проекта развития ЭП.

Наконец, эксперты подчеркивают несовершенство самих электронных государственных услуг, что они объясняют отставанием необходимого нормативного обеспечения. Например, сейчас в МФЦ можно сдать документы и получить общегражданский паспорт. Но, если гражданин не зарегистрирован в данном районе, в паспорте может не оказаться сведений о его регистрации, и надо дополнительно обращаться в соответствующее управление ФМС РФ. Ведь МФЦ фактически выполняет функции посредника, а услуги оказывают другие ведомства. Закон о том, что МФЦ может выдавать общеграж-

данские паспорта, собираются только принять в 2017 г., хотя МФЦ существуют с 2007 г.

Следует признать и недостаточный уровень «горизонтального» взаимодействия ведомств, что не позволяет обеспечить «бесшовность» госуслуг. Незавершенность административных преобразований в России ведет к тому, что перевод государственных услуг в электронный вид во многом сводится к «цифровой облицовке» нереформируемых, медленных и неэффективных внутриведомственных административных процессов [14, с. 9].

С теоретическими основами Системного проекта ЭП-2020 во многом можно согласиться. Однако их практическое воплощение остается под вопросом. Достижение поставленных целей требует более серьезных мер по организации отечественной системы государственного управления и выходит за рамки полномочий Минкомсвязи РФ (отвечает за ЭП) и Правительственной комиссии по использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий для развития бизнеса. Кроме того, концепция ЭП должна учитывать и распространение ИКТ в различных общественных сферах. В России сейчас разрабатывается проект по информатизации (интернетизации) системы здравоохранения, формируется программа «Цифровая экономика», принята Доктрина информационной безопасности, осуществляются другие проекты, но необходима координация предпринимаемых усилий, чтобы избежать лишних затрат средств, времени и сил.

Таким образом, в России, с одной стороны, нужен более широкий взгляд на развитие ЭП, а с другой – требуется больше внимания к специфическим отечественным условиям и рискам, создаваемым развитием информационного общества. Специалисты отмечают следующие из них:

1. Информационную (и псевдоинформационную) избыточность, когда под напором множества противоречивых сведений расщепляется сознание познающего субъекта и размывается критерий истинности [3]. Большая часть производимой при этом информации превращается в информационный шум [13, с. 66].

2. Развитие технологии дезинформации и социальной манипуляции опережающими темпами по сравнению с таковыми в случае позитивных информационных технологий [там же]. Более того, возникает опасность некоего «заговора прозрачности»: «как только правительственная информация начинает формироваться так, чтобы быть доступной всем, ее ценность как информации снижается, а значение как инструмента манипуляции возрастает» [12, с. 150].

3. Непредсказуемую открытость пользователей Интернета для сбора о них нужной кому-то информации. Владение такими технологиями позволяет точно предсказывать действия людей и перенаправлять их, т.е. появляются новые возможности контроля [8, с. 114].

4. Новый вид социального неравенства между индивидами, социальными группами и цифрового – между странами, порожденного элитарной, по сути, системой интернет-услуг.

«Цифровой раскол» («digital divide»), приведший к расслоению общества по принципу вовлеченности в мир современных технологий, имел следствием информационную маргинализацию части населения и возникновение института многочисленных посредников [8, с. 224].

5. Возможность запроса практически любой интересующей информации может использоваться экономическими субъектами в борьбе с конкурентами, а «разоблачения» – в политической борьбе.

Целенаправленный поиск информации и участие в государственном управлении в этом случае становятся лишь способом для достижения корыстных целей. Налицо две формы деформации: участие в государственном управлении только тех, «кто может», и только тех, «кому нужно».

6. Экспансию виртуального мира (в том числе знаний высокой степени готовности и низкой степени абстрактности), которая ведет к еще большей безответственности и пассивности людей [6, с. 25]. Можно разучиться действовать в реальном мире, где все зависит не от нажатия кнопки, а от собственных физических и интеллектуальных усилий и где нельзя ничего начать с «нуля».

Развитие новых технологий государственного управления также несет в себе определенные риски:

1. Этот процесс сопровождается неэффективными расходами и невостребованными сервисами. Так, по подсчетам Р. Хикса, до 85% инициатив в сфере электронного правительства заканчиваются полной или относительной неудачей. В США большинство федеральных агентств отреагировали на попытку Б. Обамы и его IT-советников провести «блицкриг по освобождению данных», накопленных федеральными органами власти, чисто формально, разместив небольшой набор данных на специально созданном портале[10] и отчитавшись о выполнении. Эти открытые данные отличаются низкой степенью востребованности, и рост их объема никак не влияет на рост числа пользователей [12, с. 150].

2. Неоднозначная реакция общества на проекты использования ИКТ в разных сферах, подчас навязанные ему государством (например, обязательный перевод пенсий и заработной платы бюджетным работникам на банковские карточки, электронная запись к врачам государственных поликлиник и т.д.). При этом недостаточно учитываются опасения граждан по поводу

10. The home of the U.S. Government's open data. – Mode of access: http://www.data.gov/

информационной безопасности и соблюдения права на частную жизнь, их беспокойство в связи со сложностью пользования новыми технологиями [4, с. 216–217].

3. Разрастание бюрократии, которая обеспечивает повышение прозрачности государственного управления, но замедляет при этом работу власти и принятие государственных решений [8, с. 222].

40-летний опыт США по внедрению ИКТ в систему государственного управления свидетельствует о том, что информационные технологии никогда не были инструментом его демократизации. Наоборот, они укрепляли иерархическую структуру бюрократических организаций, расширяя возможности над коммуникационными потоками [12, с. 150].

Предложенный перечень неблагоприятных явлений, сопутствующих распространению новых ИКТ, не является исчерпывающим. Вместе с тем исключение из анализа существующих рисков при конструировании / совершенствовании человеческой деятельности неизбежно ведет к развитию негативных тенденций, преодоление которых требует значительных затрат человеческих и материальных ресурсов. Однако модели ЭП разрабатываются, как правило, с «чистого листа». Для их авторов характерен некий «наивный оптимизм»: они исходят из того, что внедрение информационных технологий – это процесс всегда позитивный. При этом информация об отрицательных его сторонах игнорируется, как зачастую игнорируется и информация о многочисленных провалах дорогостоящих, но оказавшихся невостребованными проектов [12].

Противоречивость и неоднозначность процессов преобразования государственного управления отражает существенные расхождения между различными специалистами в оценке ЭП [15, с. 40–41]. Но все они сходятся в том, что информатизация системы государственного управления приносит пользу. Одни рассматривают переход к ЭП как пошаговую реформу, «которая постепенно... обеспечивает серию улучшений и может в перспективе породить непредвиденный кумулятивный эффект». Другие связывают с развитием ЭП радикальные преобразования государственного управления [12, с. 151, 152]. И в этом случае «информационные технологии из средства превращаются в самоцель: повышение эффективности управления отождествляется со степенью его информатизации, притом, что вопрос о качестве предлагаемых решений и их востребованности не ставится» [2, с. 136].

Рассчитывать на значимые позитивные результаты от внедрения ИКТ в систему государственного управления можно только в том случае, если технологические новации будут согласованы с теоретическими наработками общественных дисциплин. Сначала необходимо найти решение принципиальных, сущностных проблем. Для России это, в частности, означает пересмотр некритически заимствованной теории государственных услуг. На эту

тему много написано и сказано. Но, к сожалению, мало что услышано. Хотя очевидно, что так называемые государственные услуги по выдаче различных документов и справок принципиально отличаются от услуг в сфере здравоохранения, образования или пенсионного обеспечения. Можно спокойно ждать три месяца, пока проверят налоговую декларацию, но месяц ждать, чтобы попасть на прием к нужному врачу, так как специалистов не хватает и невозможно к ним записаться (по электронной очереди), – неприемлемо. Одинаковый подход к предоставлению разных типов государственных услуг служит одним из препятствий для развития ЭП и признания его полезности российским обществом.

Другой, уже универсальной проблемой, служит оценка конкретного результата деятельности органов власти и отдельных чиновников по построению адекватных формальных моделей. Разнородный и сложный государственный аппарат, решающий различные по содержанию задачи, не может быть сконструирован по одной модели, а должен содержать их комбинацию. Но каким может быть их соотношение и чем оно определяется? Без ответов на эти вопросы организовывать как следует государственное управление невозможно. Идущий пока эмпирический поиск позволяет найти отдельные эффективные практики, но не может свидетельствовать об универсальности используемых в них принципов вне политико-социального и культурного контекстов.

Кроме того, совершенствование ЭП (и электронного государства в целом) должно идти параллельно и согласованно с развитием «электронного гражданского» общества. Растущие возможности людей предполагают и увеличение их ответственности. Не стоит забывать, что само информационное общество и связанные с ним феномены (ЭП и т.д.) представляют собой во многом лишь конструкции, а не универсальные модели, отражающие реальность. Современные ИКТ можно рассматривать как новый инструмент сознательного изменения среды обитания человечества – настоящей и будущей. И надо научиться использовать этот инструмент во благо людей.

Литература

1. Быков И.А. «Электронная демократия» vs «Электронное правительство»: Концептуальное противостояние? // Политэкс. – М., 2005. – № 3. – С. 69–79. – Режим доступа: http://www.politex.info/content/view/171/30/

2. Дьякова Е.Г. Эволюция электронного правительства как нормативного концепта: От оказания услуг к открытому правительству // Вестник НГУ. Серия: Философия. – Новосибирск, 2012. – Т. 10. – Вып. 3. – С. 134–138.

3. Ильин А.Н. Проблема информационного консюмеризма // Информационное общество. – М., 2013. – № 6. – С. 22–28.

4. ИТ в регионах России 2015 // TADviser. Государство. Бизнес. IT. – М., 2015. – 410 с. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ_в_регионах_России_2015

5. Обзор: Информатизация госсектора 2016 // TADviser. Государство. Бизнес. IT. – М. – 02.10.2016. – Режим доступа: http://www.tadvister.ru/index.php/Статья:Обзор:_Информатизация_госсектора_2016

6. Паршин П. Глобальное информационное общество и мировая политика // Аналит. доклады / МГИМО (У) МИД России. Центр глобал. исслед. – М., 2009. – Вып. 2 (23). – 41 с.

7. Подведены итоги работы портала госуслуг в первом полугодии 2016 года // Минкомсвязь России. События. – М. – 13.07.2016. – Режим доступа: http://minsvyaz.ru/ru/events/35420/

8. Потупчик К., Федорова А. Власть над Сетью: Как государство действует в Интернете. – М.: Алгоритм, 2014. – 315 с.

9. Премьер-министр отправил на доработку системный проект электронного правительства // Экспертный центр электронного государства. – М. – 24.10.2016. – Режим доступа: http://d-russia.ru/premer-ministr-otpravil-na-dorabotku-sistemnyj-proekt-elektronnogo-pravitelstva.html

10. Системный проект электронного правительства России // TADviser. Государство. Бизнес. IT. – М. – 24.10.2016. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Системный_проект_электронного_правительства_России

11. Системный проект электронного правительства РФ. Электронное правительство 2020 / Минкомсвязи РФ. – М., 2016. – 94 с.

12. Трахтенберг А.Д. «Открытое правительство»: Новая коммуникативная стратегия в государственном управлении или новая административная идеология? // Социокультура и коммуникативные стратегии информационного общества: Тр. Междунар. научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2014 г.). – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2014. – С. 148–152.

13. Тузовский И.Д. Аномия информационного общества // Социокультура и коммуникативные стратегии информационного общества: Тр. Междунар. научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19–22 ноября 2014 г.). – СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2014. – С. 65–67.

14. Цифровое правительство 2020: Перспективы для России / Всемирный банк, Институт развития информационного общества. – Вашингтон, 2016. – 84 с. – Режим доступа: http://pubdocs.worldbank.org/en/473131460040867925/DigitalGovernment-Russia-2020-RUS.pdf

15. Экономические и социальные проблемы России. Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел экономики; Ред. кол.: Макашева Н.А., гл. ред. и др. – М., 2015. – № 2: Государственное управление в информационном обществе / Ред.-сост. вып. Положихина М.А. – 158 с.

16. Benchmarking e-government: A global perspective // Assessing the progress of the UN Member States. UN. – N.Y., 2002. – 81 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/English.pdf

17. UN global e-government survey 2003 // E-government survey. UN. – N.Y., 2003. – 114 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2003-Survey/Complete-Survey.pdf

18. UN global e-government survey 2004: Towards access for opportunity // E-government survey. UN. – N.Y., 2004. – 182 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2004-Survey/Complete-Survey.pdf

19. UN global e-government survey 2005: From E-government to E-inclusion // E-government survey. UN. – N.Y., 2005. – 270 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2005-Survey/Complete-survey.pdf

20. UN global e-government survey 2008: From e-Government to Connected Governance // E-government survey. UN. – N.Y., 2008. – 246 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2008-Survey/Complete-survey.pdf

21. UN global e-government survey 2010: Leveraging e-government at a time of financial and economic crisis // E-government survey. UN. – N.Y., 2010. – 140 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2010-Survey/Complete-survey.pdf

22. UN global e-government survey 2012: E-government for the People // E-government survey. UN. – N.Y., 2012. – 160 p. – Mode of access https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2012-Survey/Complete-Survey.pdf

23. UN global e-government survey 2014: E-government for the future we want // E-government survey. UN. – N.Y., 2014. – 284 p. – Mode of access: https://publicadministration.un.org/egovkb/Portals/egovkb/Documents/un/2014-Survey/E-Gov_Complete_Survey-2014.pdf

24. UN global e-government survey 2016: E-government in support of sustainable development // E-government survey. UN. – N.Y., 2016. – 242 p. – Mode of access http://workspace.unpan.org/sites/Internet/Documents/UNPAN96407.pdf

М.Е. Соколова

РИСКИ ВСЕОБЩЕЙ НАУКОМЕТРИЗАЦИИ ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ НАУКИ

Соколова Марианна Евгеньевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института США и Канады РАН.

«Новая информационная Атлантида»?

«Золотой век» гигантских реферативных баз-«небожителей» начался не так уж давно: так, Web of Science как единая политематическая реферативная база данных научных публикаций с указанием цитирования была сформирована в 1997 г. [цит. по: 5, с. 43], Scopus – в 2004 г. Но любой информационный расцвет – как и любой «золотой век» – имеет свои пределы. Долго ли продлится и этот «золотой век»? Так, платформа Web of Science (WoS) – по-прежнему держит пальму первенства по части качества информационных активов и исследовательских стандартов, однако – пути крупного информационного бизнеса неисповедимы и не просматриваемы для простых смертных – в качестве частного информационного актива она недавно перешла в руки новых владельцев[1]. Это было воспринято как весьма значительное событие в наукометрической и научной среде, как и всё, что касается жизни этого информационного гиганта.

Невольно закрадывается в голову мысль, а не может ли случиться чего-то подобного и с крупнейшей отечественной реферативной базой научного цитирования – Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки (НЭБ), которая усилиями многих пополняющих и правящих его контент организаций (издателей, научных организаций, университетов) и самих ученых постепенно превращается в информационное хранилище национального масштаба (в том числе по количеству

1. Летом 2016 г. – подразделение Intellectual Property & Science Business, прежде принадлежавшее компании Thomson Reuters, перешло в руки новых владельцев – двух крупных мировых инвесторов, канадского Onex и индийского Asian Bar [15].

всеобщих усилий, затраченных на корректировку и пополнение этой базы). Ведь по статусу в настоящее время НЭБ представляет собой практически частную структуру, существующую в условиях нелегкого информационного бизнеса.

Посредством размещения пула российских журналов Russian Science Citation Index (RCSI) на платформе WoS (2015) и других соглашений, связывающих его и с WoS и со Scopus, РИНЦ все больше превращается в неотъемлемую часть мировой системы международных баз данных цитирования, становясь основным «переходником» для российской науки и отечественных научных изданий в мировое информационное пространство и проводником глобальных влияний в отечественной информационной среде.

При этом самих информационных субъектов-«небожителей», выступающих в роли посредников глобализации, которых прежде всего интересует извлечение наилучших национальных научных продуктов, очень мало затрагивает то, что происходит в локальных научных мирах под прямым влиянием их рейтингов, основанных на библиометрических показателях.

Во многих отношениях и российская наука сегодня оказалась в такой же ситуации, когда постепенно происходящие под влиянием интенсивного воздействия этих баз изменения в ее информационной среде, неизбежно всё больше и больше влияют на нее саму, ее социальный и институциональный контекст, определяя многие процессы, протекающие в сфере организационно-управленческих и исследовательско-публикационных отношений.

Между тем любая национальная наука, производство научного знания на национальном уровне, является сложной экосистемой отношений (в том числе геополитических), вписанных и в другие социальные подсистемы – образования, культуры, экономики и пр. Каковы последствия «наложения» глобальных стандартов и критериев на локальный научный контекст: национальные науки и их информационную среду, которые во многом не готовы – без существенных потерь – встроиться на должном уровне в глобальные исследовательские и информационные тренды и какую роль здесь играют крупные индексы цитирования как «посредники» между глобальным и локальным уровнями науки? Насколько разрушительными могут оказаться вышеописанные процессы для устойчивой локальной научной системы? Эффективна ли вообще для развития науки ориентация органов управления на то, чтобы, опираясь на статистические показатели, оставить «в живых» только «звезд», нанеся непоправимый ущерб целостной экологической системе науки? [6].

Если говорить в этом контексте о роли РИНЦ, то, конечно, национальному отечественному индексу цитирования в первую очередь близко всё разнообразие интересов национальной науки и научной периодики [4, с. 148–149]. Но как не появиться и здесь серьезному поводу для беспокойства, если несколько раз в год, при заполнении различных отчетов, запрашиваемые в них

показатели по РИНЦ приобретают животрепещущее значение для всех, кто создает нашу науку. Но и в остальное время эта тема занимает научные организации и прежде всего тех, кто ведет в них текущую информационно-наукометрическую работу. Словом, любые проблемы или даже риски (например, зависание сервера в отчетный период), связанные с национальной научно-информационной «Новой Атлантидой», в которую постепенно превращается РИНЦ, воспринимаются научным сообществом чутко и болезненно. Причем многие из этих рисков могут иметь серьезные последствия в условиях бюрократизации управления отечественной наукой и некоторых особенностей самой научно-информационной среды.

РИНЦ: Наукометрический инструмент и информационный проект

Любая попытка всесторонней и объективной оценки деятельности РИНЦ, ее позитивных сторон и рисков неизбежно столкнется с проблемой выбора исходных посылок для такой оценки. Простое выстраивание, например, двух перечней – условно говоря «плюсов» и «минусов» – было бы огрублением многообразия процессов, происходящих в информационной среде российской науки в связи с деятельностью РИНЦ. Реально же скорее следует представлять себе эти процессы как динамичное множество микрособытий с самыми разными последствиями. Например, недавний (в июне 2016 г.) пересчет статистических показателей авторов[2], с одной стороны, безусловно, способствовал приведению к мировым стандартам критериев качества оценки научной деятельности и правил отбора научных материалов, а с другой – вызвал протесты со стороны отечественных гуманитариев, считающих, что значимость, например, работы переводчика, требующей высочайшей квалификации и огромного труда, с научной точки зрения сопоставима с оригинальными авторскими публикациями и, несомненно, сама является авторской в самом прямом и точном смысле этого понятия [7].

2. Отныне при расчете показателей не учитываются ссылки на работы автора, в которых он не является собственно автором, а принимает опосредованное участие (отв. ред., науч. ред., сост., переводчик и т.д.), а также цитирования из реферативных и научно-популярных журналов, словарей, справочников, методических указаний, авторефератов диссертаций, ненаучных публикаций в журналах, а также из журналов, исключенных из РИНЦ, что привело к уменьшению индекса Хирша у ряда авторов (впоследствии показатели дополнились справочной информацией на странице публикационной активности) [2]. Кроме этого, теперь в общей сложности существует пять индексов Хирша (в их числе индексы по всем публикациям с участием ученого и по ядру РИНЦ), причем сам РИНЦ считает основным индекс без всяких дополнений, оставляя выбор показателей, приводимых в отчетах и грантовых заявках, той организации, которая будет их запрашивать [там же].

Эта история еще раз подтвердила, что, казалось бы, всеми признанное положение об особенностях наукометрической оценки в социальных и гуманитарных науках, отличие их от естественных, точных и математических наук, роли в этой сфере независимой экспертной оценки пока еще не стало «работающим» на инструментальном уровне в практическом отношении [8].

Пока же можно услышать самые разные, порой противоположные, оценки деятельности Индекса. На одном полюсе этой условной шкалы стоят оценки РИНЦ как несистемно организованной, беспорядочной базы данных, где можно найти всё, что угодно, и данные которой не могут использоваться для адекватной оценки научного труда. Такие оценки производят порой очень грустное впечатление, поскольку принадлежат зачастую специалистам, много сделавшим каждый в своей научной области, но в силу определенных обстоятельств мало знакомым с реальной работой технических сервисов, особенностями формирования и применения наукометрических показателей РИНЦ. Часто темой таких дебатов (например, на форуме газеты «Троицкий вариант») является разоблачение так называемых «накруток», появление которых оказалось возможным из-за непонимания того, как работают технические сервисы РИНЦ, равно как и того, что эта база публична и открыта для общественности.

На другом полюсе шкалы в позитивной, порой официальной тональности, без упоминания об издержках, звучат утверждения, что РИНЦ представляет собой достаточно репрезентативную базу библиографической информации, открывает широкие поисковые возможности и служит инструментарием для оценки научной деятельности и результативности работы ученых. Как можно видеть, оценки сторон диаметрально противоположны.

Вероятно, наиболее реалистична оценка РИНЦ прежде всего как рабочего инструмента, наукометрического информационного сервиса определенного «калибра» (если так можно выразиться), которым надо уметь пользоваться, учитывать его особенности и ограничения, управлять и, что немаловажно, – вкладывать в его освоение достаточные ресурсы. А к последним можно отнести как время, знания, интеллектуальные и информационные навыки индивидуальных пользователей (авторов), так и организационные и финансовые ресурсы организаций (издательств, научно-образовательных организаций и др.), работающих с этой базой[3].

3. К числу последних можно отнести и те государственные органы управления наукой, чьи инструкции по статистической отчетности, основанной на наукометрических показателях, далеко не всегда корректно составлены. Впрочем и здесь происходит прогресс, например создаются курсы для наукометрического обучения представителей органов государственной власти, занимающихся вопросами стратегического развития сети научных организаций и оценки научной результативности.

В качестве такого «инструмента» РИНЦ не должен восприниматься как универсальное мерило достижений представителей различных научных специальностей (положение, которое сложилось на практике в настоящий момент). Скорее его следует понимать как часть целостной системы наукометрических методов (в том числе качественных) и сервисов (в том числе узкопрофессиональных), позволяющих определить интерес к работам ученого и их значимость, например Google Scholar, Academia.edu, «Карта российской науки», «Медиалогия» и т.д. Их данные также могут отражаться (хотя и не носят такого обязательного характера, как показатели по РИНЦ) в формах отчетности, присылаемых в научно-образовательные организации. Думается, определенное будущее в качестве источников библиометрических показателей есть и у других отечественных специализированных разработок, например у Библиографической информационно-аналитической системы (БИАС) Института проблем информатики РАН [9].

Попытаемся оценить результаты более чем десятилетнего периода существования РИНЦ. Фактически он является крупнейшим поставщиком библиометрических данных на национальном уровне, и серьезных конкурентов у него нет (та же «Карта науки РФ»[4] основана главным образом на информации РИНЦ; к тому же у профессионалов есть ряд обоснованных претензий к качеству ее данных и работе сервисов). Несмотря на справедливую критику многих технологических и организационных моментов в работе РИНЦ, а также появление других проектов в этой сфере [напр.: 9, 10], он безусловно, оказал «гальванизирующее» воздействие на информационную среду российской науки, придав ей стимул к дальнейшему развитию и вхождению в мировое информационное пространство. Благодаря его влиянию повысилась информационная культура в исследовательской и публикационной сферах, в организациях появилась новая краудсорсинговая форма информационной работы [14]. Однако сама эта среда разнородна в различных своих сегментах, порой не соответствует современным требованиям. Поэтому указанное воздействие не может быть однозначно расценено как позитивное во всех отношениях.

Изменения оказались слишком резкими, переход к новым «правилам игры» – трудным. Поэтому многие решали проблему методами, которые казались им адекватными, хотя не были таковыми (договоренность о взаимном цитировании, неоправданное цитирование, «накрутка» рейтингов и пр.). Как оказалось, это может быть выявлено с помощью наукометрических методов. Неизбежными результатами стало снижение профессиональной этики, удар по репутации. В создание этой ситуации внес свою лепту и РИНЦ, избрав для

4. https://mapofscience.ru

идентификации и нормализации огромных объемов информации создание сервисов, предназначенных для самостоятельной работы в своей базе самих авторов и представителей организаций (сервисы Science Index). В результате возник целый ряд противоречий и разногласий между участниками отношений в этой сфере. Не вполне ясно, как могут быть разрешены многие из этих противоречий, даже если учитывать тенденцию к формированию в РИНЦ «ядерной» коллекции. На некоторые из таких противоречий хотелось бы обратить внимание.

Риски для информационной среды науки

Вслед за индексами цитирования и создаваемыми на их основе рейтингами в отечественное научно-информационное пространство пришли новые способы поведения и отношений в научной и научно-информационной сфере: конкуренция, новые формы коммерческих отношений, погоня за информацией об информации (большей частью о том, как «продвинуть» свои работы). Те, кто благодаря ресурсам может получить эту информацию, оказались в привилегированном положении по сравнению с теми, у кого этот доступ к такой информации лимитирован.

Информационная среда науки стала всё больше превращаться в поле конкурентных отношений, неравенства (зависимости действующих на нем субъектов от их возможностей, ресурсов, средств, обеспечивающих условия для ведения работы на высоком уровне). Возникли противоречия между всеми заинтересованными субъектами – например между интересами редакций журналов и ученых, РИНЦ и издателей, ученых и РИНЦ и т.д. Стремление продвинуться в рейтингах меняет публикационную стратегию ученых и организаций, в то же время стимулируя их к повышению своей информационной культуры. Но поскольку далеко не все могут это сделать, растет цифровой разрыв между ними, который для многих просто не может быть преодолен. Будучи вынуждены выживать в новых условиях, отвечая на информационные вызовы, ученые должны проявлять активность, что ведет к повышению степени самоорганизации информационной среды науки. Последнее привело к уже упомянутым выше позитивным (краудсорсинг) и негативным явлениям («накрутки» и пр.).

На этом фоне РИНЦ / НЭБ, с одной стороны, как бы стоит «над схваткой». С другой стороны, он включен во все эти процессы, имея деловые и коммерческие интересы, предлагая новые стандарты и технические решения, реализуя очередные проекты. Объективно он выступает в роли основного крупнейшего информационного поставщика наукометрических данных в условиях чрезвычайной бюрократизации управления наукой и опоры прежде

всего на статистические показатели при решении управленческих вопросов. О каких рисках в связи с этим можно говорить?

Думается, можно выделить здесь два ключевых момента. Во-первых, информационное неравенство и цифровой разрыв между участниками (об этом уже говорилось выше), от которого во многом зависит и достоверность данных. По части показателей выигрывают те «игроки» (будь то индивиды или организации), которые способны вложить наибольшие ресурсы. Например, если говорить о РИНЦ, для научно-образовательных организаций сюда входит плата по договору на работу с сервисами Science Index, зарплаты профессиональным информационным работникам или надбавки научным работникам, которых приходится привлекать к этой работе, плюс потери от того, что эти достаточно подготовленные, как правило, молодые перспективные сотрудники тратят часть своего научного времени на информационную работу, а иногда в результате и вовсе прекращают заниматься научной деятельностью. Сюда же можно отнести и расходы на обучение работающих с РИНЦ сотрудников, посещение обучающих семинаров, конференций, причем не надо забывать, что это лишь часть расходов в этой сфере, поскольку сюда же относятся и ресурсы, затрачиваемые на организацию работы с WoS, Scopus, а также новыми сетевыми сервисами, данные которых приобретают всё большее значение для научной отчетности[5].

Но вложить большие средства могут позволить себе немногие. Большинство же научно-образовательных организаций вынуждены довольствоваться небольшими ресурсами (если они вообще есть на эти цели) и зачастую – привлечением к этой деятельности самих научных работников, что тоже является «палкой о двух концах». Таким образом, эти вторые «игроки» на информационном пространстве, у которых нет возможности содержать достаточный профессиональный штат, неизбежно остаются в проигрыше. Это положение называется информационным неравенством, что в нынешней ситуации российской науки [6] может иметь критические последствия для тех, кто «проигрывает» именно по информационным возможностям, а не по содержательности и качеству научной продукции.

Второй ключевой момент. Существует проблема роста неуточненных данных в РИНЦ, связанная в том числе и с неравенством информационных возможностей. Не уходя слишком далеко в технические детали, попытаемся объяснить, что имеется в виду, сделав акцент на некоторых аспектах проблем, с которыми сталкиваются научно-образовательные учреждения.

5. Уже сейчас иногда ставится вопрос о стоимости содержания таких информационных команд (особенно в крупных университетах) и о том, вписывается ли она в концепцию повышения эффективности научной деятельности [13]. Между тем пренебрежение к этим вопросам еще более гибельно.

А для последних сейчас одной из главных задач является забота о списках авторских публикаций и цитирований в РИНЦ, на основе которых во многом формируются статистические показатели, столь необходимые для заполнения отчетов, грантовых заявок и т.д.

Между тем оба этих списка (публикаций и цитирований) необходимо постоянно просматривать, «чистить», присоединять так называемые непривязанные и неидентифицированные публикации и ссылки, удалять дубли и пр., что делается либо самим автором, либо аффилированным представителем организации при помощи функций аналитической надстройки Science Index. Особенно большие проблемы здесь возникают у ученых с распространенными фамилиями, которые практически всегда имеют тезок (иногда даже полных тезок, работающих в сходных научных областях) и вынуждены регулярно удалять из своих профилей сотни чужих публикаций и ссылок. Если не делать это регулярно, то в нагромождениях чужих публикаций и цитирований постороннему невозможно будет разобраться. Эти ложные (чужие) ссылки и публикации будут появляться постоянно, и среди них могут затеряться принадлежащие самому автору ссылки и публикации. Часть функций могут выполнять здесь сами авторы, но очень часто они не следят за своими профилями, которые могут оказаться заброшенными.

Дублировать их функции могут представители организаций, которые также имеют право вносить новую информацию и корректировать уже существующую. И если исходить из задачи создания максимально полной и точной базы публикаций и цитирований сотрудников, в этой ситуации на их плечи может лечь непомерный объем работы[6]. Ведь, как мы уже сказали, возможность выполнять такую задачу зависит от прилагаемых усилий и ресурсов, которые далеко не бесконечны даже в крупных организациях (то самое пресловутое информационное неравенство). А если организации по каким-либо причинам вообще больше нет, ее информационные активы – базы, архивы, библиотечные фонды – были расформированы, разбросаны и пр., а работа с профилями сотрудников давно перестала вестись?

Между тем важно, чтобы эта работа была выполнена очень тщательно, потому что пропущенные прежние и вновь допущенные ошибки могут вкрасться в отчетность и затем привести к ошибочности других показателей, вычисляемых на их основе (например, публикации полного тезки, ошибочно

6. Необходимо пояснить, что во многих отчетных формах и грантовых заявках нужны показатели за последние пять лет, но для авторов полнота их публикационных и цитационных списков, выставленных публично и представляющих их научную деятельность в целом, является важнейшим моментом научной репутации и формирования некоторых показателей. Таким образом, работа с ними должна носить системный характер и быть достаточно квалифицированной.

попавшие в список публикаций автора, автоматически провоцируют и ошибку в вычислениях импакт-фактора в отчетах организации; наличие в списке публикаций, попавших туда из пристатейных списков литературы, а не внесенных вручную также может сказаться на показателях). То же самое относится к неточностям при рубрикации.

Даже на фоне устрожения правил и стандартов для журналов и формирования «ядра» лучших изданий, доступа к техническим сервисам для правки и внесения библиографических описаний, предоставляемых в рамках Science Index, объем неуточненной информации («непривязанных» публикаций и цитирований, «не идентифицированных» ссылок в авторских профилях) в базе РИНЦ продолжает и будет продолжать оставаться очень большим, что определяет и отношение к качеству предоставляемых Индексом данных[7]. Очевидно, что ряд рабочих приемов РИНЦ (SI для авторов и для организаций), возникших как попытка решить определенные проблемы, чреваты издержками, социальными в том числе.

Естественно возникает вопрос: но ведь если бы не было технических возможностей SI, то такие издержки были бы еще больше? Как это и было до появления самих этих возможностей.

Да, но, во-первых, почему эти издержки вообще должны существовать и почему это стало проблемой самого научного сообщества, которое должно ее решать по принципу «спасение утопающих – дело рук самих утопающих», выделяя на это средства из бюджета организаций или (как в случае авторов) просто затрачивая на это личное или рабочее время? Ведь речь все же идет о публичной базе национального масштаба, от данных которой, поставляемых частной компанией и используемых государственными организациями для принятия ответственных решений, зависят судьбы ученых и целых научных организаций.

Таким образом, нельзя не признать интенсивное влияние РИНЦ на информационную и публикационную культуру, рост информационных навыков ученых. Однако нельзя не замечать проблемности и неустойчивости той системы информационных отношений, в которую неизбежно включен сам РИНЦ и в формировании которой он принимает активное участие.

7. Согласно комментариям представителей РИНЦ, в целом процент неидентифицированных ссылок скорее уменьшается, чем увеличивается в масштабах всей базы данных. Способствовать этому призван готовящийся проект под рабочим названием «Великие ученые России». В рамках этого проекта будет создан отдел, который займется выверкой информации по этим авторам, идентификацией ссылок и добавлением новых или архивных публикаций [12].

Заключение

Влияние рейтинговой системы измерения научных достижений на информационное поле науки требует рассмотрения с точки зрения социальных и информационных рисков и издержек. Тем более если это происходит в условиях активно развивающегося, но пока несовершенного отечественного рынка научной информации в сочетании с бюрократизацией системы управления наукой, недостаточной информационной культурой многих ученых, а также неравенством ресурсов участников взаимодействия.

Какими могут быть пути улучшения ситуации? Как уже неоднократно отмечалось, в том числе руководством самого РИНЦ, наряду с количественными показателями должны учитываться и результаты независимой качественной оценки как инструмента измерения эффективности работы ученых, прежде всего гуманитариев и представителей социальных наук. Например, как отмечается в Лейденской декларации, именно в связи с этим в Австралии в 2010 г. была введена инициатива «Исследовательское превосходство для Австралии», которая делает акцент на качестве [11]. Не менее важен в этом отношении и опыт других развитых стран. Неизбежен и такой шаг, как ежегодный мониторинг качества индексированных журналов, введение определенных санкций против изданий, использующих нелегальные схемы. Впрочем, если судить по тематике выступлений на конференциях РИНЦ, на подходе много новых технологий для выявления различного рода заимствований, «накруток» и пр.

Средством предотвращения многих проблем, связанных с неадекватной формой отчетности, о которых здесь упоминалось, могла бы стать их предварительная экспертиза в РИНЦ. Должны быть широко задействованы в этой области и механизмы общественной экспертизы, общественные институты[8]. Примером тут может служить сайт Общества научных работников, а также деятельность таких общественных организаций, как Комиссия общественного контроля за реформой РАН, Конференция научных сотрудников РАН [6]. Не надо забывать и об активно действующих группах в социальных сетях (например, «Наукометрия и Research Evaluation», группа Института психологии РАН в Facebook), в которые входят эксперты по наукометрии, представители РИНЦ и просто научные сотрудники.

Поскольку широкое развитие наукометрического сегмента в информационной среде российской науки породило множество неоднозначных последствий, необходим всесторонний анализ связанных с этим социальных

8. Прекрасный пример задействования механизмов общественной экспертизы был продемонстрирован самим РИНЦ при отборе российских научных журналов для проекта RSCI на платформе WoS.

рисков и противоречий. Главное – «не перевернуть лодку», в которой мы все плывем, не нарушить (в ущерб национальной науке) хрупкий баланс интересов между основными действующими лицами – научно-образовательным сообществом, библиометрическими базами, органами управления наукой, экспертами, издателями.

Автор благодарит за помощь и консультации при работе над статьей П.Г. Арефьева, к.с.н. (НФПК), В.А. Глухова, к.т.н. (зам. ген. директора НЭБ), Е.И. Григорьеву (IT-Центр ИС РАН), С.М. Шабанову (зам. ген. директора, руководитель информационно-аналитического отдела НЭБ, eLIBRARY.RU).

Литература

1. Арефьев П.Г., Еременко Г.О., Глухов В.А. Российский индекс научного цитирования – инструмент для анализа науки // Библиосфера. – М., 2012. – № 5. – С. 66–71.

2. Григорьева Е.И., Глухов В.А. РИНЦ: Почему упал индекс Хирша // http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/4609/submission/original/4609-8545-1-SM.pdf

3. Еременко Г.О. eLibrary – курс на повышение качества контента // Университетская книга. – М., 2016. – № 3. – С. 62–68.

4. Еременко Г.О., Кокарев К.П. eLIBRARY.RU и РИНЦ в информационной структуре российской науки // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 1. – С. 146–154.

5. Маркусова В.А. Введение. К 50-летию Science Citation Index: История и развитие наукометрии // Руководство по наукометрии: Индикаторы развития науки и технологии / Акоев М.А., Маркусова В.А., Москалева О.В., Писляков В.В. – Екатеринбург, 2014. – 250 с.

6. Наумов А., Рубаков В. «Наука оказалась устойчивой системой». Что происходит с российской наукой спустя три года после реформы Академии наук // 08.05.2016 Радио Свобода, США // РИА Новости. – http://inosmi.ru/science/20160508/236453353.html

7. Открытое письмо Ученого совета Института философии РАН по поводу об изменении правил подсчета показателей ученых в РИНЦ // http://iph.ras.ru/16_06.htm

8. Резолюция совещания представителей гуманитарных факультетов вузов России «О совершенствовании системы оценки деятельности профессорско-преподавательского состава и научных работников» // http://www.socrat-online.ru/page/rezoljucija-soveshhanija-predstavitelej-gumanitarnyh-fakultetov-vuzov-rossii-o-sovershenstvovanii-sistemy-ocenki-dejatelnosti-professorsko-prepodavatelskogo-sostava-i-nauchnyh-rabotnikov

9. Обухова О.Л., Заикин М.Ю., Соловьев И.В. Библиографическая информационно-аналитическая система ИПИ РАН // Системы и средства информатики. – 2014. – Т. 24. – № 1. – С. 244–25.

10. Тихомиров И.А. «Наукометрия и полнотекстовая аналитика в российских реалиях». 171 заседание Московского городского семинара по науковедению // http://inion.ru/index.php?page_id=436&id=878&ret=435

11. Хикс Д., Вутерс П., Вальтман Л., Риике С. де, Рафолс И. Лейденский манифест для наукометрии (перевод Исэров А.А.) // Нанометр. Нанотехнологическое сообщество. – http://www.nanometer.ru/2015/07/31/naukometria_464938.html

12. Шабанова С. Научная электронная библиотека: Меняются правила, суть остается // http://www.national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=nauchnaya_elektronnaya_biblioteka_menyautsya_pravila_sut_ostaetsya. Опубликовано: 11.09.2016.

13. Шестакова М.А. «Наукометрические показатели в социально-гуманитарных науках: Основные проблемы» // 170 заседание Московского городского семинара по науковедению // http://inion.ru/index.php?page_id=436&id=878&ret=435

14. Nevolin I. Crowdsourcing opportunities for research information systems // Procedia Computer Science (в печ.) // http://dspacecris.eurocris.org/bitstream/11366/533/1/CRIS2016_paper_25_Nevolin.pdf

15. Thomson Reuters announces definitive agreement to sell its Intellectual Property & Science Business to Onex and Baring Asia for $3.55 billion // http://thomsonreuters.com/en/press-releases/2016/july/thomson-reuters-announces-definitive-agreement-to-sell-its-intellectual-property-science-business.html

П.М. Шульгин, О.Е. Штеле

НАСЛЕДИЕ ВЫДАЮЩЕГОСЯ УЧЕНОГО (К 190-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П.П. СЕМЁНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО)

Шульгин Павел Матвеевич – кандидат экономических наук, заведующий Центром комплексных региональных программ социально-культурного развития Высшей школы экономики.

Штеле Ольга Евгеньевна – кандидат географических наук, ведущий эксперт Центра комплексных региональных программ социально-культурного развития Высшей школы экономики.

Пётр Петрович Семёнов-Тян-Шанский (1827–1914) – выдающийся ученый, географ, ботаник, энтомолог, статистик, общественный и государственный деятель, бессменный вице-президент Императорского Русского географического общества, которое он возглавлял на протяжении 42 лет. Его путешествия на Тянь-Шань положили начало научному изучению Средней и Центральной Азии, за что в 1906 г. ученый получил почетную приставку к фамилии. В честь П.П. Семёнова-Тян-Шанского названы более 100 видов животных и растений, а также горы, ледники, проливы на разных континентах. Кроме Русского географического общества, ученый был почетным членом еще 73 научных обществ и организаций, действительным членом всех российских университетов.

Научное наследие П.П. Семёнова-Тян-Шанского, помимо монографий и статей, включает несколько собраний сочинений. В их числе: «Россия. Полное географическое описание нашего отечества» – 11 томов; «Живописная Россия», представляющее «подробное, всестороннее художественно-научное описание Российской империи и народов ее населяющих» – 19 томов; «Географо-статистический словарь Российской империи», в котором были собраны все сведения о географических названиях на территории страны – пять томов.

Деятельность ученого была исключительно многогранна: П.П. Семёнов-Тян-Шанский был активным деятелем крестьянской реформы, инициатором проведения первой переписи населения. Он был также выдающимся коллекционером, автором двухтомного труда «Этюды по истории нидерландской живописи». Замечательное собрание из 719 картин малых голландцев и более 3 тыс. графических листов было передано им в 1910 г. в дар Эрмитажу, а уникальная коллекция (более 700 тыс. экземпляров насекомых) подарена наследниками ученого Зоологическому музею.

В этом году исполняется 190 лет со дня рождения ученого, а в 2027 г. Россия будет отмечать 200-летие со дня рождения П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Этот юбилей, по нашему мнению, должен стать общенациональным событием, способствовать осознанию величия нашей страны, ее разнообразия и самобытности. Важнейшим мероприятием в подготовке этого юбилея будет создание музея-заповедника «Родина П.П. Семёнова-Тян-Шанского» на базе родовых имений, расположенных на границе Липецкой и Рязанской областей. Сегодня в стране нет музея, который достойно представлял бы масштаб личности этого выдающегося ученого. Музей-заповедник должен заполнить этот пробел, стать таким же центром культурного притяжения как «Михайловское» или «Ясная Поляна».

П.П. Семёнов-Тян-Шанский родился в усадьбе Рязанка Рязанской губернии (ныне – это Липецкая область). Усадьба на землях села Урусова была основана дедом ученого Николаем Петровичем в конце XVIII в. В усадьбе родились отец ученого Петр Николаевич Семёнов (1791–1832) – герой Бородина, известный поэт и драматург начала XIX в., его дяди: Николай Николаевич Семёнов (1796–1875) – Минский и Вятский губернатор, Михаил Николаевич Семёнов (1798–1859) – полковник Измайловского полка, Василий Николаевич Семёнов (1801–1863) – лицейский приятель А.С. Пушкина, поэт и переводчик. В старом усадебном доме в Рязанке, помимо самого П.П. Семёнова, родились его брат Николай Петрович Семёнов (1823–1904) – государственный деятель, поэт, переводчик, историк, ботаник, Наталья Петровна Семёнова (Грот) (1825–1899) – детская писательница, публицист, художница и автор интересных мемуаров [1].

В своем родовом имении П.П. Семёнов-Тян-Шанский жил до 1841 г. с небольшими перерывами и впоследствии часто гостил у брата. В соседнем селе Урусово сохранилась Никольская церковь, построенная отцом ученого, а вблизи нее – фамильный некрополь с захоронениями нескольких поколений семьи Семёновых и усадьба их родственников Буниных.

Вторая половина жизни П.П. Семёнова-Тян-Шанского связана с имением Гремячка (на территории современной Рязанской области, в 6 км от Рязанки). В 1875–1913 гг. семья Семёнова-Тян-Шанского каждое лето приезжала сюда.

Имение Гремячка была для нее местом для занятий наукой и углубленного изучения природы. С Гремячкой связаны первые шаги в науке многочисленного молодого поколения семьи Семёновых-Тян-Шанских, которая дала стране плеяду замечательных ученых: географов Вениамина Петровича и Михаила Дмитриевича, энтомолога Андрея Петровича, зоолога Олега Измаиловича, биолога Анастасию Михайловну и др.

В усадьбе Рязанка в настоящее время действует музей, посвященный памяти выдающегося ученого. Музейная экспозиция расположена в главном усадебном доме (открыта после завершения реставрационных работ в 1997 г.). Здесь практически сохранились все другие усадебные строения, однако значительная их часть находится в руинированном состоянии.

В имении Гремячка из обширного усадебного комплекса, в котором много лет жил и работал П.П. Семёнов-Тян-Шанский, сохранился каменный «Белый флигель», в настоящее время это объект культурного наследия федерального значения. Во флигеле расположен «Музей П.П. Семёнова-Тян-Шанского» (муниципальное учреждение культуры Милославского района).

В музеях представлены мемориальные предметы, принадлежавшие Петру Петровичу и членам семьи Семёновых-Тян-Шанских. В экспозициях находится часть энтомологической коллекции, горные породы, привезенные путешественником с Тянь-Шаня, многочисленные научные труды.

Между двумя усадьбами расположен природно-ландшафтный объект – овраг Зерка́лы. Он сыграл огромную роль в формировании личности Петра Петровича, в его увлечении природой и географией, в становлении направлений будущей профессиональной деятельности. В этом месте он учился наблюдать за ландшафтами («ландшафтные впечатления» – по его собственному выражению), начал собирать свои первые флористические и энтомологические коллекции, проводил геологические исследования. Здесь впервые пробудился его интерес к изучению природы в ее целостности и многообразии. «Налюбовавшись на два или три виденные мною в этот день водопада, заглянув на русла текущих в лабиринте оврагов ручьев, приблизившись по возможности к пересекавшим временную реку порогам и наконец увидав Зерка́ла главной долины, я пришел в такой неописанный восторг, что уже с тех пор ежедневно повторял свои экскурсии в течение целой недели. Мне казалось, что я открыл на окраине нашего поместья местность, никем не виданную и никому не доступную, но превосходящую красотою своей природы все, что я когда-либо видел до своего десятилетнего возраста. И действительно, эти ландшафты, впрочем, совершенно эфемерные в своем весеннем убранстве, остаются до сих пор почти недоступными для всех тех, кто был бы в состоянии оценить их красоту, так как никому не приходит в голову пробираться к ним в половодье, только для ландшафтных впечатлений. Но в моей памяти эти впечатления залегли так живо и глубоко, что я через пол-

века купил всю эту местность, занимающую свыше 30 десятин земли, в собственность и подарил ее самой тонкой художнице настроений – моей дочери, талантливой пейзажистке нашей родины» [3, с. 64].

Продолжая семейную традицию, его сын, выдающийся географ Вениамин Петрович Семёнов-Тян-Шанский посвящает Зеркáлам несколько статей, в которых рассматриваются вопросы геологического строения региона, а также характер и модели развития эрозионных процессов в южной части Рязанской губернии. Оценивая уникальность природного феномена, он предложил в 1920-х годах включить Зеркáлы в качестве ландшафтно-эрозионного заповедника в систему заповедников СССР, тогда это предложение не прошло. Но современный, пусть и не совсем точный статус Зеркáл как охраняемой природной территории, памятника природы регионального значения, можно рассматривать как реализованную экологическую инициативу В.П. Семёнова-Тян-Шанского.

В Рязанской области по соседству с Гремячкой находится село Мураевня. Селу и его окрестностям посвящено фундаментальное исследование П.П. Семёнова-Тян-Шанского «Мураевенская волость» [4], которое получило международное признание. Село славилось своими традициями оригинальной народной вышивки по выдергу (белым по белому), здесь сохранилась церковь Рождества Христова (1840), жилые каменные дома XIX в.

В имении Нарышкино (Красная Слободка) после вступления в брак в 1850 г. с известным ученым-филологом, профессором Я.К. Гротом в летнее время жила сестра П.П. Семёнова-Тян-Шанского – Наталья Петровна – известная писательница.

В Липецкой области по соседству с Рязанкой расположено старинное село Урусово с усадьбой, построенной прадедом ученого П.М. Буниным, Никольской церковью и фамильным некрополем рода Семёновых, деревянным усадебным домом Вагнеров. Позже усадьба Буниных перешла роду Кропоткиных; П.А. Кропоткин (1842–1921) – русский революционер, теоретик анархизма, географ и геоморфолог, историк, член Русского географического общества, неоднократно бывал в Урусове.

Недалеко от Рязанки сохранились остатки усадьбы Денисовка, усадьбы Подосинки-Архангельское, Семёновские выселки, Алмазовка – все эти места связаны с жизнью предков и родственников ученого, здесь он неоднократно бывал [1]. В этих местах выявлено более 20 археологических памятников, среди которых поселения и селища, датируемые эпохой бронзы до позднего Средневековья. В окружении мемориальных усадеб многочисленны интересные памятники природы (овраг Точилка, лес Хопер, балка Мшище и др.), связанные с детскими наблюдениями и последующими научными исследованиями П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Семь объектов имеют статус особо охраняемых природных территорий: парк в с. Рязанка, парк в с. Денисовка,

парк в с. Урусово, урочище Зеркала (липецкая сторона), урочище Зеркáлы (рязанская сторона), Уткино болото, урочище Дубняк.

Таким образом, в долине реки Рановы на территории современных Липецкой и Рязанской областей сохранился уникальный комплекс усадеб XIX – начала XX в. связанный с именем П.П. Семёнова-Тян-Шанского и других выдающихся представителей этого рода. Природно-ландшафтный комплекс реки Рановы, соединяющий эти усадьбы, с разнообразием животного и растительного мира, системой урочищ может считаться местом, где начала формироваться российская школа комплексных ландшафтных исследований.

Культурное наследие, связанное с именем П.П. Семёнова-Тян-Шанского и родом Семёновых, может стать основой формирования здесь интересного и привлекательного музейного центра. Другие ресурсы этой территории (природные, археологические, исторические, этнографические) позволят создать комплексный и перспективный для туристских и экскурсионных посещений музей-заповедник.

Здесь открываются возможности для географической «специализации» музея-заповедника, организации встреч географов, природоведов и краеведов, проведения фестивалей и дней «географического описания нашего Отечества». Эта территория может стать базовой для образовательной, просветительской и пропагандистской деятельности Русского географического общества.

Масштаб личности ученого и наличие объектов культурного наследия федерального значения позволяют говорить о федеральном статусе будущего музея-заповедника. Именно федеральный его статус обеспечит эффективное управление заповедной территорией, находящейся под административным управлением разных субъектов Федерации (подобные случаи уже имеют место, например в природоохранной практике).

Потенциальными ресурсами для формирования музея-заповедника служат: мемориальные места и территории бывших усадебных комплексов; населенные пункты со своей историей; памятники природы и живописный природный ландшафт.

Усадьба Гремячка, усадьба Рязанка, село Урусово и природно-мемориальное урочище «Овраг Зеркáлы» образуют содержательный и пространственный каркас территории музея-заповедника. Выявленная в результате исторических исследований и натурного проектного обследования территории система периферийных мест с памятниками культуры и природы, связанными с жизнью и деятельностью рода Семёновых, формируют насыщенную культурно-ландшафтную среду музея-заповедника. Наличие подобных объектов культурного и природного наследия способствуют созданию в перспективе нескольких музейных объектов (мемориальных усадеб, исторической экспозиции, этнографического музея, природоведческой экспози-

ции и др.), а также организации на территории музея-заповедника экологических маршрутов и троп, туристских маршрутов, небольших гостиниц для размещения посетителей. Именно подобная практика принята в настоящее время музеями-заповедниками, активно развивающими музейный потенциал, туристское обслуживание и добивающимися высоких показателей посещаемости.

Усадьба Рязанка – это основной мемориальный объект липецкой части музея-заповедника. Предпринятые в начале 1990-х годов реставрационные работы в главном усадебном доме завершились в 1997 г., в этом же году здесь был открыт музей. На площади более 500 м^2 располагается экспозиция, рассказывающая о жизни и деятельности Петра Петровича Семёнова-Тян-Шанского и других представителей фамилии.

Восстановление мемориального усадебного комплекса потребует следующих мероприятий: проведения ремонтных работ по главному усадебному дому; устройства отопления (для обеспечения круглогодичной работы музея); научной реставрации его интерьеров; изменения экспозиции; реставрационных работ в других усадебных строениях; реставрации усадебного парка.

После проведения указанных работ экспозиционные пространства в усадьбе Рязанка будут располагаться не только в главном доме, но и в других усадебных строениях, а сама восстановленная усадьба с парком станет своеобразным музеем под открытым небом.

Дополнительным потенциалом для развития музея-заповедника обладает комплекс исторической застройки собственно села Рязанка. В нескольких старинных домах предполагается разместить этнографическую экспозицию, рассказывающую о быте крестьян юга Рязанской губернии XIX – начала XX в., об исследованиях дочери ученого О.П. Семёновой-Тян-Шанской (концепцию этой экспозиции целесообразно построить на основе ее книги «Жизнь Ивана» [5]).

Сохранившийся каменный флигель усадебного дома в Гремячке является главным мемориальным объектом рязанской части музея-заповедника. С 1974 г. во флигеле открыт музей (сначала на общественных началах, а с 2005 г. – муниципальный), экспонируются личные вещи ученого, фотографии, книги, мебель, предметы быта. В Гремячке следует восстановить главный усадебный дом П.П. Семёнова-Тян-Шанского (деревянное одноэтажное здание на каменном фундаменте с террасами, размерами примерно 30 х 10 м), который долгое время был постоянным местом летнего пребывания ученого и его семьи, а также своеобразной базой для проведения географических и этнографических исследований окружающей территории. Интересно отметить, что П.П. Семёнов-Тян-Шанский работал здесь с материалами первой в России переписи населения.

Необходимо восстановить и другие усадебные строения (флигели, конюшню, баню и пр.), а также парк, фруктовые сады, пруд, тем более что имеется схема расположения усадебных объектов и известна планировка усадебного парка. После восстановления усадебного дома именно здесь будет расположена основная экспозиция, посвященная личности П.П. Семёнова-Тян-Шанского, его роли в развитии науки в России, создании школы географических и ландшафтных исследований, а также истории основных научных работ П.П. Семёнова-Тян-Шанского, в том числе его знаменитого труда «Россия. Полное географическое описание нашего отечества».

Следующим важным шагом в развитии проектируемого музея-заповедника станет формирование экспозиции «Парк ландшафтных впечатлений». Этот замысел будет реализован с помощью природно-ландшафтной экспозиции под открытым небом на базе природного урочища Зеркáлы. Урочище – не только памятник природы, но и место первых наблюдений и исследований ученого. Ландшафтная экспозиция должна отразить красоту малой родины, богатство природных впечатлений даже на небольшом участке родной земли. Здесь будет сделан акцент на уникальности и закономерной повторяемости местных пейзажей и видов, т.е. на том, что сам П.П. Семёнов-Тян-Шанский называл «ландшафтными впечатлениями». В рамках «Парка ландшафтных впечатлений» будет разработано несколько вариантов пейзажно-эстетических экскурсий, соответствующих типичным состояниям ландшафта Зеркáл в разные сезоны года: ранняя весна; зрелая весна; раннее лето; зрелое лето; ранняя осень; зрелая осень.

В селе Мураевня (Рязанская область) предполагается создание этнографической музейной экспозиции и центра народных художественных промыслов, продолжающего традиции, связанные с мураевенской вышивкой. Она сохранила старинные мотивы и технику исполнения, более присущие северорусским землям. Артель художественной вышивки, основанная в XIX в. дочерью Семёнова Тян-Шанского Ольгой Петровной, получала высшие награды на международных конкурсах. В 1902–1904 гг. по поручению Русского музея этнограф О.П. Семёнова-Тян-Шанская обследовала верховья реки Рановы, захватывающей смежные части Ранненбургского и Данковского уездов. Собранная ею в окрестных деревнях по поручению Русского музея этнографическая коллекция в настоящее время хранится в Российском этнографическом музее [2].

Еще одним из важных направлений развития музея-заповедника может стать организация представительского и информационно-образовательного центра Русского географического общества.

Создать центр намечается в селе Урусово (Липецкая область), сохранившем исторический ансамбль центральной части и мемориальные места, связанные с родом Семёновых. В сочетании с развитой инфраструктурой,

коммуникациями и железнодорожным сообщением село Урусово имеет хорошие перспективы развития в качестве базы Русского географического общества. Здесь могут проходить ежегодные научные чтения, краеведческие конференции, олимпиады, будут вручаться награды – медаль П.П. Семёнова-Тян-Шанского. Особое место в деятельности центра Русского географического общества должна занять Школа географических знаний, как общероссийский полигон школьных, студенческих и преподавательских занятий, как методический центр по изучению малой родины и патриотическому воспитанию.

Интересные проекты возможны и в других мемориальных усадьбах музея-заповедника. Так, в Денисовке может быть сформирована ландшафтная экспозиция, которая будет наглядно демонстрировать методы формирования особого русского феномена – усадебного парка как составной части усадебного комплекса, включающего здесь также каскад прудов. Сохранившееся деревянное здание усадьбы целесообразно отреставрировать, разместить в нем музейную экспозицию, посвященную Анне Петровне Буниной («русской Сафо», первой профессиональной российской поэтессе), и использовать для проведения поэтических праздников.

По всей территории музея-заповедника предполагается разработать систему пешеходных, велосипедно-пешеходных и транспортных экскурсий различного характера: познавательные, экологические и эколого-культурные, учебные. Будут составлены специальные учебные экскурсии географической и экологической направленности, в том числе на базе мест, с которыми были тесно связаны исследовательские работы П.П. Семёнова-Тян-Шанского и членов его семьи.

Создание музея-заповедника позволит увеличить количество реставрированных и приведенных в хорошее состояние объектов культурного наследия. Так, к 2027 г. здесь должно быть взято на государственную охрану, отреставрировано и восстановлено 27 памятников истории и культуры. На этой базе будет сформировано 15 выставочных и музейных объектов, включая ландшафтные экспозиции.

Деятельность музея-заповедника и связанное с ним развитие научно-просветительской сферы и сферы туризма способны обеспечить ощутимый экономический эффект. Создание системы музейных экспозиций, экскурсионных маршрутов и программ событийного туризма, а также строительство объектов для размещения туристов может увеличить посещаемость музея-заповедника к 2027 г. до 200 тыс. человек в год.

Численность будущих сотрудников музея-заповедника предположительно составит 180 человек. В отраслях, связанных с обслуживанием посетителей музея-заповедника (строительство и реставрация, сельское хозяйство, туризм и сфера услуг, транспорт), будет дополнительно создано еще 150–200 новых

рабочих мест. Усиление экономической активности станет важным источником доходной части бюджетов местных муниципальных образований, а деятельность музея-заповедника – движущей силой местного социально-экономического развития. Ожидаются позитивные изменения в образе и уровне жизни местного населения, повышение показателей его занятости. Некоторые сёла, ранее потерявшие значительную часть своего населения, будут восстановлены и выйдут из разряда депрессивных.

Итак, создание музея-заповедника «Родина П.П. Семёнова-Тян-Шанского» позволит сохранить уникальный для Российской Федерации объект культурного наследия и достопримечательного места; провести мемориализацию и музеефикацию наследия этого выдающегося российского ученого; создать информационно-образовательный и представительский центр Русского географического общества; а также стимулировать социально-экономическое развитие удаленных от центра Рязанской и Липецкой областей.

Литература

1. Богданов А.А. Усадьба Рязанка. Владельцы и их окружение // Исторический квартал. Вып. 5. – Липецк, 2015. – 200 с.

2. Жирова И.А., Иноземцева С.В., Смолеевская Е.Г. Мураевенская вышивка: Белая строчка на липецко-рязанском порубежье. – Липецк, 2012. – 60 с.

3. Семёнов-Тян-Шанский П.П. Детство и юность. – М., 2007. – 103 с.

4. Семёнов-Тян-Шанский П.П. Мураевенская волость (Данковского у. Рязанской губ.) // Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. – СПб., 1880.

5. Семёнова-Тян-Шанская О.П. Жизнь Ивана. Очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний // Записки Императорского географического общества. Т. XXXIX. – СПб., 1914. – 136 с.

ОБЗОРЫ. РЕФЕРАТЫ

Н.К. Меден

САМОПРОВОЗГЛАШЕННЫЕ ГОСУДАРСТВА ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА (По страницам немецких публикаций)

Меден Наталия Кирилловна – научный сотрудник Института экономики РАН, редактор журнала «Вестник МГИМО».

Ситуации вокруг самопровозглашенных государств постсоветского пространства – Приднестровской Молдавской Республики (ПМР), Нагорно-Карабахской Республики (НКР, Арцах), Абхазии (РА) и Республики Южная Осетия (РЮО) – целиком посвящен июльский 2016 г. выпуск «Исследований Фонда "Наука и политика"»[1] авторитетной экспертной организации, консультирующей правительство Германии[2].

Исследование многозначительно озаглавлено «Не заморожены!» (напомним, что все четыре государства принято относить к регионам «замороженных» конфликтов). Среди причин их возможного «размораживания» и прежде называли: изменение военного потенциала сторон; переход мелких боевых

1. Сабина Фишер – руководитель исследовательской группы «Восточная Европа и Евразия» в фонде «Наука и политика».

2. Помимо этой работы фонда стоит упомянуть публикации [18; 19]. Проектирование «ожидаемого будущего» осуществляется в тесном контакте немецких экспертов с американскими. В частности, в мае 2016 г. стартовал совместный проект фонд Маршалла (США) и берлинского Института европейской политики (стратегический партнер Европейской комиссии) «Германо-американский диалог по постсоветскому пространству». Цель проекта – анализ и координация европейской и американской политики по поддержке «трансформации на постсоветском пространстве на примере Молдавии». В ряду недавних совместных публикаций европейских и американских специалистов – сборник «Восточный вопрос: Россия, Европа и европейская серая зона» («The Eastern Question: Russia, the West, and Europe's Grey Zone», Center for Transatlantic Relations, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University und DGAP, 2016, 264 S.), издание которого осуществлено при поддержке фонда Боша.

столкновений в новое качество; смену политической власти конфликтующих сторон; перемены в соседних странах; изменение международного баланса сил [12, S. 25–26]. Украинский кризис, присоединение Крыма с последовавшими экономическими санкциями, по мнению авторов исследования, ограничивают возможности России по оказанию финансовой помощи самопровозглашенным республикам. Видимо, это обстоятельство в Германии считают ключевым для усиления влияния Запада и, в частности, Германии на эти государства.

Рассмотрение «четверки» как единого объекта означает, что немецкая сторона считает курс по отношению к ПМР, НКР, РЮО и РА частью своей российской политики. Более того, Россия прямо названа в исследовании стороной конфликтов – из-за ее военного присутствия и политического влияния. Причем в Нагорном Карабахе она действует опосредованно, через Ереван [7, S. 9].

Некоторые авторы[3] само существование этих республик рассматривают как геополитический проект России (так называемые «путинские конфликты»), основанный на ее неоимперских устремлениях. «Россия систематически погружает соседние страны (имеются в виду бывшие советские республики. – *Н. М.*) в конфликты, затяжные и парализующие, с сепаратистскими меньшинствами» [18]. В упомянутом исследовании фонда «Наука и политика» также повторяется утверждение, что Россия «инструментализирует конфликты» в интересах «ревизионистской политики на постсоветском пространстве» [7, S. 15–17], осуществляя «дозированную дестабилизацию». Между тем никто из немецких экспертов не упоминает ни о вкладе России в прекращение кровопролитной гражданской войны в Таджикистане (в 2008 г. об этом писал МакФарлейн [12]), ни о том, что в 1994 г. карабахский конфликт был остановлен благодаря посредничеству России, ни об обстоятельствах, в силу которых Россия была вынуждена оставить в Приднестровье воинские части бывшей 14-й армии.

Нынешний интерес немецкой стороны к «четверке» самопровозглашенных государств – одна из примет нового западного курса. Симптоматична недавняя версия о возможном включении Германии в число сопредседателей Минской группы. Российская сторона официально ее не подтверждала, но отметила активное участие ФРГ в реализации венских договоренностей между президентами Армении и Азербайджана [2]. Стоит добавить, что в Германию были приглашены и президенты обеих стран (визит С. Саргсяна состоялся в апреле, И. Алиева – в июне 2016 г.).

В прошлом Германия почти демонстративно самоустранялась от урегулирования «замороженных конфликтов». В публикации фонда это объясняет-

3. Штефани Вайс – сотрудник Брюссельского бюро фонда Бертельсманна.

ся тем, что немецкие политики не желали рисковать ухудшением отношений с Россией: «Такие государства, как Германия, Франция или Италия, были заинтересованы в первую очередь в развитии стратегического партнерства с Россией и поэтому сторонились более активных действий на российских "задворках"» [7, S. 91].

Линия на поддержку независимости государств постсоветского пространства была усилена в контексте политики соседства, разработанной Евросоюзом в начале 2000-х годов. Видный эксперт по германо-российским отношениям Х. Тиммерманн упрекал тогда европейских чиновников (и тогдашнего министра иностранных дел Германии Й. Фишера) в пренебрежении «региональным окружением России». Для ЕС неприемлемо, считал он, чтобы связующим звеном между Западом и бывшими советскими республиками оставалась Россия. Тиммерманн отмечал, что в отношениях с этими республиками Евросоюз, в отличие от США, делает акцент не на сфере безопасности, а только на экономической и демократической модернизации [16].

Одним из эпизодов в истории немецкого участия в урегулировании конфликтов на постсоветском пространстве стал Мезербергский меморандум 2010 г., где были зафиксированы взаимные обязательства российского президента и германского канцлера, принятые по итогам переговоров. Россия согласилась добиться от властей Приднестровья возобновления переговоров по схеме 5+2[4], Германия обещала содействовать созданию координационного механизма между ЕС и Россией в сфере безопасности. Но, в отличие от России, Германия своего обещания не выполнила, сославшись на позицию других стран Евросоюза. По словам С.В. Лаврова, меморандум был попыткой наладить более или менее «равноправный диалог в сфере политики и безопасности», провал которой связан с правилом солидарности, действующим в Евросоюзе [1]. Между тем немецкий эксперт по российской внешней политике Ш. Майстер[5] ссылается на Мезербергскую инициативу как иллюстрацию к своему утверждению, будто Россия никогда не была способна по-настоящему понять, что такое Европейский союз [11, S. 75].

Только по Нагорному Карабаху Германия выступает в качестве самостоятельного посредника, будучи членом Минской группы. Но посредничество в данном конфликте представляет для немецкой стороны особую трудность, поскольку, руководствуясь соображениями энергетической безопасности, Германия дорожит отношениями с Азербайджаном. В настоящее

4. Пять посредников – ОБСЕ, ЕС, Россия, Украина, США + 2 стороны конфликта – Молдавия и Приднестровье.

5. Штефан Майстер – руководитель Программы по России, Восточной Европе и Центральной Азии в Центре Р. Боша по изучению Центральной и Восточной Европы Немецкого общества внешней политики.

время эта страна занимает седьмое место среди поставщиков нефти в Германию; объем взаимной торговли превышает 3 млрд долл., что на порядок больше товарооборота с Арменией.

В марте 2016 г. Евросоюз принял «пять руководящих принципов политики по отношению к России» [13], два из которых могут быть истолкованы как имеющие отношение к самопровозглашенным государствам:

– декларировано стремление к укреплению отношений с восточными партнерами ЕС и «другими соседями» – к этой категории, очевидно, относятся и государства непризнанной странами Евросоюза «четверки» (второй принцип);

– выражена готовность к избирательному взаимодействию с Россией в областях, представляющих интерес для Евросоюза (четвертый принцип).

Таким образом, с одной стороны, провозглашается линия на укрепление связей с обеими сторонами конфликтов (т.е. не только с самопровозглашенными республиками, но также с Молдавией, Грузией, Арменией и Азербайджаном), с другой – на сотрудничество с Россией в поисках путей урегулирования. При этом самопровозглашенные государства могут быть использованы и как рычаг давления на Россию, и как объект «избирательного» сотрудничества. Подобная двойственность весьма характерна для современного подхода Германии к отношениям с Россией.

Со своей стороны российская дипломатия возлагает известные надежды на двустороннее сотрудничество, рассматривая ФРГ в качестве «своего ключевого партнера не только в европейских делах, но и в решении глобальных проблем современности, включая урегулирование конфликтов…» [1].

Германия как партнер в урегулировании конфликтов

Признание готовности Германии к новой международной ответственности прозвучало еще на Мюнхенской конференции по безопасности 2013 г. На практике этот курс начал осуществляться еще до 2013 г., о чем свидетельствует вовлечение страны в урегулирование конфликтов в различных, в том числе географически удаленных, регионах мира (участие в переговорах по ядерной программе Ирана в Сирии, Мали и т.д.).

Но главное внимание уделяется соседним регионам в духе традиционной для Германии восточной политики (в широком понимании). В первые годы после объединения отношения с ельцинской Россией носили доброжелательный характер, впрочем, с оттенком покровительственности, коробившей непривычных к этому дипломатов советского времени[6]. Период правления

6. См.: Терехов В. Холодный блеск фортуны. – М., 2012. – 432 с.

красно-зеленой коалиции не без оснований считается самым плодотворным в истории двусторонних отношений после окончания холодной войны. Тогда же Германия сделала серьезную заявку на новую роль на мировой арене, выразившуюся в числе прочего в активном вмешательстве в югославские события. Внешнеполитическая стратегия кабинетов А. Меркель характеризуется возвратом к традиционному для ФРГ следованию принципам атлантической солидарности, что сказалось при урегулировании косовского конфликта[7].

Германское внешнеполитическое ведомство заявляет, что к настоящему времени «заметно выросли ожидания», связанные с участием Германии в предотвращении кризисов [8].

По словам министра иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайера, лучше «осторожно, целенаправленно и гибко инвестировать в мир и стабильность, нежели быть вынужденным вмешаться поздно или слишком поздно» [там же].

В рамках политики предотвращения кризисов немецкая дипломатия намеревается: оказывать помощь в демократизации общества и осуществлении наблюдения над выборами; содействовать укреплению государственности; выступать в качестве мирного посредника [там же].

Таким образом, провозглашаемое немецкое кредо урегулирования конфликтов – мирное посредничество. Стремление к мирным способам урегулирования в противовес силовым соответствует нормам международных отношений и Основному закону ФРГ (ст. 26.1). В реальности применяются и военные средства. Привлечение авиации бундесвера к операции Deliberate Force (1995) стало первым после окончания Второй мировой войны прецедентом использования Вооруженных сил Германии за границей. Не участвуя в иракской войне 2003 г., ФРГ предоставляла союзникам свои военные базы и развединформацию. В настоящее время Германия косвенно вовлечена в военный конфликт на территории Ирака и Сирии[8].

Согласно опросам, большинство немцев высказываются против поставок оружия в «горячие точки» и еще категоричнее – против потенциальной отправки туда немецких военных. Тем не менее еще не было прецедента,

7. См. подробнее: Меден Н.К. Роль Германии в признании и становлении независимого Косова // Косово: Прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. С.А. Романенко, Б.А. Шмелев, Р.С. Гринберг. – СПб.: Алетейя, 2012. – С. 168–179.

8. В частности, несмотря на действующий запрет экспорта оружия в страны, на территории которых ведутся боевые действия, в 2014 г. принято решение об отправке курдским подразделениям пешмерга нелетальных видов военных грузов на общую сумму 70 млн евро. В том же 2014 г. правительство постановило отправить в Ирак инструкторов (в настоящее время 150 человек) для обучения бойцов пешмерга; незначительные контингенты пешмерга обучаются в самой Германии. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что отправка инструкторов проведена по просьбе правительства Ирака, без обращения за мандатом ООН.

чтобы парламент заблокировал запрос правительства на выдачу такого мандата (по действующим правилам, необходима предварительная процедура голосования в бундестаге). На начало сентября 2016 г. численность немецких военных в составе зарубежных миссий бундесвера составляла чуть менее 3 тыс. человек, в том числе максимальный контингент – 1300 военнослужащих – в Косове. Улучшение качества и наращивание масштаба (до 15 тыс. военнослужащих) участия бундесвера в совместных военных акциях НАТО – одна из целей последней реформы бундесвера[9]. Так что в случае изменения немецкой концепции урегулирования существует материальная база для полноценного участия в военном урегулировании.

Роль посредника в идеале предполагает непредвзятое отношение к сторонам конфликта. В реальности достичь этого весьма затруднительно. Позитивное отношение к самопровозглашенному и не признанному государству Германия демонстрирует в кипрском урегулировании. Главный дипломатический шаг в этом направлении – ноябрьский 2015 г. визит Ф.-В. Штайнмайера в Никосию, в ходе которого произошла встреча с президентом и министром иностранных дел Республики Кипр и президентом Турецкой Республики Северного Кипра М. Акынджи. Министр иностранных дел Северного Кипра Эмине Чолак сделала следующее признание: «…нам нужна поддержка иностранных партнеров. В особенности таких ключевых стран, как Германия» [17]. В апреле 2016 г. Акынджи с докладом «Последняя попытка моего поколения объединить страну» выступал в Германии на конференции, организованной фондом Эберта (СДПГ).

Официально германская сторона поддерживает контакты с представителями турецкой общины, но фактически имеются в виду контакты с руководителями республики. Чтобы избежать дипломатических осложнений, их должность указывается с помощью эвфемизмов, например вместо «президент Турецкой Республики Северного Кипра» – «лидер этнической группы туроккиприотов», вместо «министр иностранных дел Турецкой Республики Северного Кипра» – «избранный представитель этнической группы туроккиприотов по иностранным делам». (Визиты в Германию «избранных представителей» не получают широкого освещения в прессе.) В мае 2015 г. тогдашний министр иностранных дел Северного Кипра Э. Нами непосредственно после визита в Анкару отправился в Берлин на встречу с высокопоставленными правительственными чиновниками, на которой обсуждался вопрос о возобновлении переговоров по объединению Кипра. В августе 2014 г. Нами был принят в турецко-германской Торгово-промышленной палате, где его приветствовали члены президиума и наблюдательного совета

9. См. подробнее: Меден Н.К. Реформа бундесвера // Современная Германия. Экономика и политика. Под ред. В.Б. Белова. – М., 2015. – С. 539–571.

палаты и посол Германии на Кипре, а также Генеральный консул Турции в Берлине, председатель турецкой общины Германии и представитель Северного Кипра в Германии. Тем самым за Турцией фактически признается право курировать внешнеэкономические связи Северного Кипра. В феврале 2012 г. министр экономики Северного Кипра возглавлял делегацию непризнанной республики на берлинской ярмарке Fruit Logistica. В том же 2012 г. немецкая делегация под руководством государственного министра МИДа[10] Михаэля Георга Линка провела в Никосии переговоры с тогдашним президентом Северного Кипра Дервишем Эроглу; по информации представителя Северного Кипра, беседа способствовала укреплению доверительных отношений «между двумя странами». Офисы представителя Северного Кипра имеются в Берлине – с 2012 г., в Мюнхене – с 2009 г.

Напрашивается (конечно, весьма условная) аналогия между Турецкой Республикой Северного Кипра и Приднестровской Молдавской Республикой. В обоих случаях самопровозглашенные республики не имеют дипломатического признания со стороны Германии; западные державы, включая Германию, выступают за воссоединение самопровозглашенных республик соответственно с Кипром и Молдавией; в обоих случаях Германия не несет формальных обязательств, связанных с осуществлением посреднической роли (в формате 5+2 она присутствует как одна из стран ЕС). Для сравнения: визит Штайнмайера в Кишинев и Тирасполь состоялся менее чем через год после упомянутой поездки в Никосию, в июне 2016 г. Подчеркивалось, что в Тирасполе Штайнмайер находился не в качестве министра иностранных дел ФРГ, а как представитель страны, председательствующей в ОБСЕ. Этот визит дал повод к появлению некоторых саркастических публикаций центральных газет о Приднестровье[11]. Невозможно вообразить, чтобы центральная пресса напечатала интервью с руководством ПМР (подобно интервью Э. Чолак). Еще меньше можно представить себе работу в Германии представительств любой из стран «четверки».

Однако на определенном уровне контакты Германии с самопровозглашенными республиками все же поддерживаются. В Нагорном Карабахе немецкий дипломат Герберт Зальбер в ноябре 2014 г. – через четыре месяца после своего назначения спецпредставителем Евросоюза по Закавказью – встречался с министром иностранных дел Арцаха. Тогда же, осенью 2014 г., двое депутатов бундестага (члены ХДС) посетили республику и вели переговоры с ее руководством. Наиболее тесные связи налаживаются с Приднест-

10. Должность, соответствующая заместителю министра.

11. Например, газета «Süddeutsche Zeitung» называла Приднестровскую Республику «Абсурдистаном». – http://www.sueddeutsche.de/politik/osze-mission-absurdistan-in-transnistrien-1.3101774

ровьем, чему в начале 2016 г. способствовала подготовка к визиту Ф.-В. Штайнмайера. В частности, состоялась встреча с руководством ПМР посла в ФРГ Молдавии, которую сопровождал представитель фонда Эберта М. Лобелиус. В Тирасполе побывали немецкие парламентарии, среди них – председатель Германо-молдавского форума[12] Фриц Фельгентрой.

В духе упомянутого выше «четвертого принципа» взаимоотношений ЕС с Россией некоторые немецкие эксперты считают полезным создать «островки сотрудничества», которые способствовали бы восстановлению взаимного доверия: «Важнейшая задача заключается сегодня в том, чтобы предотвратить дальнейшее ухудшение общей ситуации, приглушить и стабилизировать отдельные конфликты и предотвратить появление новых» [20, S. 3]. В. Цельнер рассматривает ситуацию вокруг «четверки» как «экзистенциальный кризис» в отношениях между Россией и Западом, который несет риск «общеевропейского конфликта между Россией и НАТО» [там же, S. 2]. Поэтому «было бы важно, по крайней мере, найти вместе с Россией “modus vivendi”» [19]. Напротив, Ш. Майстер убежден, что «Россия и ЕС не смогут в ближайшем будущем найти никакого modus vivendi» даже в тех сферах, где их интересы совпадают [11, S. 73].

Неэффективность усилий по достижению мира некоторые авторы объясняют тем, что географически удаленные игроки, как, например, ЕС, крупнейшие западноевропейские страны и Соединенные Штаты, испытывают слабый интерес к региону и урегулированию имеющихся там конфликтов» [12, S. 25]. Эгберт Ян[13] полагает возможным применить к Южной Осетии и Абхазии опыт урегулирования кипрской и палестинской проблем [6, S. 17]. Но, как известно, обе проблемы до сих пор не решены.

Практический опыт разрешения этнотерриториальных конфликтов скорее приносит разочарования. Дипломатическое признание самопровозглашенных государств (как в случае с Эритреей, Южным Суданом или Косовом) отнюдь не дает гарантий устойчивого демократического развития. Но и принуждение к «сожительству» в границах одного государства (Босния и Герцеговина или Метохия) не принесло ощутимых благ населению этих стран; латентный конфликт приобретает новые формы уже на государственном уровне.

12. Форум был создан в 2009 г. (в год старта «Восточного партнерства») в целях продвижения демократизации в Молдавии. Такого рода двусторонние форумы – распространенная форма международных контактов по линии НКО. Существуют, к примеру, германо-украинский, германо-грузинский, германо-кипрский форумы.

13. Профессор Э. Ян – историк, работающий во Франкфуртском университете. С конца 1960-х годов специализируется на изучении проблем Восточной Европы и СССР.

Немецкий эксперт Н. Дуглас[14] предполагает, что Запад будет готов изменить свою позицию в случае, если Россия выведет воинские контингенты из Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии [10]. Однако вывод воинского контингента чреват «оттаиванием» конфликта [12, S. 26]. Боевые действия в Нагорном Карабахе, имевшие место в апреле 2016 г., дали тому наглядный пример. Из этих событий Азербайджан может сделать вывод о преимуществах военной силы перед бесплодным переговорным процессом, в связи с чем встает вопрос о введении в Нагорный Карабах международного миротворческого контингента [14]. Эксперты фонда «Наука и политика» предлагают дислоцировать там «независимую, преимущественно гражданскую миссию по поддержанию мира» [7, S. 98].

Предлагается и «косовский сценарий»: международное признание, причем не обязательно всей «четверки». Так, в 2008 г. высказывалось предположение, что Запад мог бы признать РА и РЮО при условии, что Россия признает Косово [6].

«Антикосовский сценарий» применительно к Нагорному Карабаху предложил депутат бундестага М. Хауптманн[15] (ХДС) в апреле 2016 г.: «…сейчас совершенно очевидно, что “пережидание и замораживание конфликта” – это не приемлемый путь. Поэтому нужен решительный ответ со стороны международного сообщества, чтобы оказать давление на Россию и Армению, вернув Нагорный Карабах Азербайджану» [9]. Очевидно, что подобный подход не только далек от нейтральности, но и весьма конфронтационен по отношению к России.

Исследователи фонда «Наука и политика», исходя из того, что в настоящее время Евросоюз «наряду с Россией – важнейшие внешние игроки в регионе соседства» [7, S. 89], предлагают западному сообществу активизировать политику по двум направлениям:

– *европеизация* – (распространение демократических норм);

– *прямое участие*, включающее работу международных форматов урегулирования, а также расширение отношений с самопровозглашенными государствами на политическом уровне (но без дипломатического признания), в социально-экономической и культурной областях.

Прежде европеизация, считают авторы, не принесла ощутимых результатов в урегулировании конфликтов [7, S. 95–96]. Демократические процессы в Грузии не способствовали отказу Южной Осетии и Абхазии от требования государственной независимости. Приписывая общественные настроения в этих республиках действию российской пропаганды, авторы предлагают

14. Надя Дуглас – сотрудник Университета им. Гумбольдта (Берлин).

15. Марк Хауптманн – участник комиссии бундестага по внешней политике и подкомиссии по мирному предотвращению кризисов.

усилить идеологическое влияние Евросоюза, чтобы «ослабить ментальную привязку населения к России» [7, S. 97]. Такая задача, по их мнению, особенно актуальна применительно к Приднестровью, где ожидают положительного воздействия европеизации от присоединения ПМР к соглашению об ассоциации между Молдавией и Евросоюзом. Присоединение делает необходимым новый формат взаимодействия с ПМР – 2+1 (Молдавия и Приднестровье + Евросоюз), который надо в полной мере использовать для прогресса по линии *прямого участия*. Формат 5+2 продемонстрировал свою неэффективность в решении проблемы политического статуса, он отягощен конфликтом между Россией и Украиной и, по мнению авторов, дискредитирован самой Россией, нарушившей принципы ОБСЕ. По этим причинам указанный формат не может обеспечить политического решения конфликта, однако отказываться от него не следует ради урегулирования практических вопросов, а также привлечения России к мерам взаимного доверия [7, S. 98].

В Южной Осетии и Абхазии акцент должен делаться на мерах «прямого участия», поисках дипломатически приемлемой формы присутствия представительств международных организаций. (Напомним, что в апреле 2012 г. Министерство иностранных дел Абхазии объявило руководителя EUMM А. Тышкевича persona non grata за отказ признать независимость республики. По той же причине в 2015 г. власти Абхазии воспрепятствовали открытию в Сухуми представительства ЕС.) Несмотря на эти инциденты, считают немецкие эксперты, именно Абхазия должна находиться в фокусе усилий по развитию контактов (в здравоохранении, образовании, энергетике), поскольку здесь имеются «лучшие предпосылки для восприятия политики прямого участия». В будущем «демонстрационный эффект» может распространиться на Южную Осетию [7, S. 99–100].

В Нагорном Карабахе фонд предлагает не только использовать, но и активизировать переговорный формат Минской группы, а в перспективе созвать международную конференцию, как планировалось изначально. Деэскалации конфликта могло бы способствовать размещение международного миротворческого контингента. «Центральную роль в деэскалации и стабилизации положения вокруг Нагорного Карабаха играет Россия» [7, S. 101]. Однако кооперация с ней возможна лишь при следующих условиях: Россия должна согласиться, что у нее нет монополии на разрешение конфликтов на постсоветском пространстве, а также прекратить поставки оружия обеим сторонам конфликта, тем более в качестве сопредседателя Минской группы.

Литература

1. Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе открытия российско-германской Летней школы «Пути развития энергетического сектора. Современные вызовы», Екатеринбург, 15 августа 2016 года. – http://www.mid.ru/web/guest/meropriyatiya_s_uchastiem_ministra/-/asset_publisher/xK1BhB2bUjd3/content/id/2392315

2. Интервью российского сопредседателя Минской группы ОБСЕ, посла по особым поручениям МИД России И.В. Попова агентству «Интерфакс», 7 июня 2016 года. – http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/2304599

3. Программа председательства в ОБСЕ. – http://www.germania.diplo.de/contentblob/4694784/Daten/6202771/oszebroschuere.pdf

4. Aktionsplan «Zivile Krisenprävention, Konfliktlösung und Friedenskonsolidierung». – http://www.auswaertiges-amt.de/cae/servlet/contentblob/384230/publicationFile/4345/Aktionsplan-De.pdf

5. Dehdashti R. Internationale Organisationen als Vermittler in innerstaatlichen Konflikten // Die OSZE und der Berg-Karabach-Konflikt (1992–1998). – Frankfurt / New York, 2000. – 488 S.

6. Jahn E. Neue Perspektiven für die «eingefrorenen Konflikte» im Südkaukasus durch die «Europäische Nachbarschaftspolitik»? – Frankfurt-am-Main, 2015. – 17 S.

7. Fischer S. (Hg.) Nicht eingefroren! // SWP-Studie. – Berlin, Juli 2016. – 107 S.

8. Grundlagen der Krisenprävention. – http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Friedenspolitik/Krisenpraevention/1_Grundlagen/Grundlagen_node.html

9. Hauptmann ruft im Konflikt um Berg Karabach zu Besonnenheit auf. – http://www.mark-hauptmann.de/inhalte/2/aktuelles/128520/hauptmann-ruft-im-konflikt-um-berg-karabach-zu-besonnenheit-auf/index.html

10. Mehr OSZE wagen // Bundeswehr aktuell. – 2016. – N 8. – S. 3.

11. Meister S. Bedingt lernfähig // Internationale Politik. – 2016. – N 4. – S. 73–79.

12. MacFarlane S. Eingefrorene Konflikte in der ehemaligen Sowjetunion – der Fall Georgien/Südossetien // OSZE-Jahrbuch. – Baden-Baden, 2008. – 476 S.

13. Remarks by High Representative / Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council Bruxelles, 14.03.2016. – https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/5490_en

14. Simão L. The Nagorno-Karabakh redux // Alert, 2016. – N 28. – http://www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_28_Nagorno_Karabakh.pdf

15. Steinmeier F.-W. Mehr Sicherheit für alle in Europa – Für einen Neustart der Rüstungskontrolle // Frankfurter Allgemeine Zeitung, 26.08.2016. – http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Interviews/2016/160826_BM_FAZ.html

16. Timmermann H. Strategische Neuakzentierungen gegenüber Russland // Russlandanalysen, 2004. – N 21.

17. Vorbild Deutschland // Tagesspiegel, 22.02.2016. – http://www.tagesspiegel.de/politik/zypern-auf-dem-weg-zur-wiedervereinigung-vorbild-deutschland/12997096.html (Интервью министра иностранных дел Северного Кипра.)

18. Weiss S. Putins eingefrorene Konflikte // Berliner Republik, 2014. N 6. – http://www.b-republik.de/aktuelle-ausgabe/putins-eingefrorene-konflikte

19. Zellner W. Kooperation in Zeiten der Krisen. Kriterien eines Stabilitätsrahmens für Europa // Internationale Politik und Gesellschaft, 21.04.2015. – http://www.ipg-journal.de/rubriken/aussen-und-sicherheitspolitik/artikel/kooperation-in-zeiten-der-krise-881/

20. Zellner W. Perspektiven einer kooperativen europäischen Ordnung und die OSZE // Russland-Analysen, 22.04.2016. – N 314. – S. 2–5.

НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТЬ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ: ГИПОТЕЗЫ НЕМЕЦКИХ ЭКСПЕРТОВ
(Реферативный обзор)

Группа исследователей – сотрудников Германского института международной политики и безопасности (Берлин) подготовила доклад, посвященный современным тенденциям внешней политики России. Подача материалов построена как ряд гипотетических сценариев. Публикация вызвала широкий резонанс (в том числе в Интернете). После ее выхода в свет уже произошли некоторые события в мировой политике, которые не «вписались» в предлагаемые сценарии: например, неожиданный итог президентских выборов в США.

Подготовка подобной работы была обусловлена, как подчеркивают ученые, «непредсказуемостью и неожиданностью» российской внешней политики в последние годы. «Москва, похоже, тактически использует свою непредсказуемость для того, чтобы в практической плоскости перехватывать инициативу» [Fischer, Einleitung, S. 5], отмечается во вступительной статье к сборнику.

В ней (авторы – ***Сабине Фишер и Маргарете Кляйн***) подчеркивается, что, начиная с 2013 г., в российской внешней политике присутствуют многочисленные неожиданные повороты, граничащие с риском и способные привести к непредсказуемым последствиям для европейской и международной безопасности. «Трудно оценить действия России во внешней политике еще и потому, что соответствующие процессы принятия решений не прозрачны и происходят без открытого обсуждения в стране» [Fischer, Einleitung, S. 5]. В связи с этим принимаемые российским руководством решения бывают молниеносными, не согласованными с зарубежными партнерами, не получившими одобрения внутри страны.

Понятно, что события в Украине или в Сирии не возникли ниоткуда. В их основе лежало развитие, которое длительное время в должной мере не замечали ни эксперты, ни политики в Германии, Евросоюзе или даже в России. И все же, как считают руководители проекта, серьезные причины этой проблемы кроются в игнорировании восточноевропейских исследований на Западе. «Экспертная оценка развития Восточной Европы со стороны Евросоюза систематически упразднялась на институциональном уровне в течение прошедших лет. В этих условиях оказалось невозможным интенсивно изучать политические процессы в России и во всем регионе» [с. 5]. К тому же в определении тематики исследований большую роль играет политическая конъюнктура. Например, российско-

грузинский военный конфликт 2008 г. и события в Крыму весной 2014 г. пришлись на финансовый и институциональный кризисы внутри ЕС, а также «арабскую весну». Эти масштабные события оттеснили Восточную Европу из общественного и политического восприятия, в результате чего растущее напряжение в отношениях России и Запада было замечено слишком поздно.

Кроме того, политика Германии и ЕС часто зиждется на иллюзорном и ошибочном восприятии происходящего. «Цветные революции» 2000-х годов на постсоветском пространстве различались и интерпретировались по шаблонам: «демократический vs недемократический»; «прозападный vs пророссийский». Это приводило к политике, не способной реагировать дифференцированно на возникающие проблемы в отдельных государствах региона. А между тем геополитическое напряжение в Восточной Европе становилось все глубже. «В конечном счете Евросоюз из-за внутренних разногласий был долгое время не в состоянии проводить упреждающую и последовательную политику в этом регионе» [Fischer, Einleitung, S. 7].

В сборнике рассматриваются 11 вариантов развития событий, которые могут произойти в ближайшие годы в различных регионах мира. Особое внимание обращено на четыре фактора, которые накладывают отпечаток на внешнюю политику России. Это – внешнеполитические интересы России и их восприятие, инструменты внешней политики, взаимозависимость, условия и ограничения действий.

Все статьи объединены в четырех тематических блоках: 1) ЕС – Европа; 2) другие регионы; 3) проблемы Интернета, энергетики и безопасности; 4) Евразия.

Среди стран Евросоюза для анализа выбраны две страны – Франция и Германия: первая в контексте отношения Кремля к предстоящим в мае 2017 г. выборам президента; вторая как объект дискредитации со стороны Москвы.

Лиана Фикс и Роня Кемпин отмечают, что подготовка к президентским выборам во Франции, начавшаяся с регионального уровня в 2015 г., показала рост влияния Национального фронта. Республиканцы и социалисты определились со своими кандидатами значительно позже. Марин Ле Пен уже в октябре 2015 г. представила серьезную выборную программу. Как указывается в статье, ее партия получила кредит свыше 25 млн евро от Первого Чешско-Российского банка [Fix, S. 15], что позволило НФ продолжить активную кампанию и улучшить свои оценки по результатам опросов. Незадолго до рождественских праздников 2016 г. французское бюро российской радиостанции «Спутник» озвучило документы, которые должны были серьезно повлиять на предвыборную борьбу. Речь шла о тайных договоренностях социалистов с представителями НФ выступить сообща против ведущих кандидатов от Республиканской

партии. Во втором туре праймериз Марин Ле Пен завоевала второе место, уступив лишь Алену Жюппе, которого считали тогда наиболее вероятным будущим президентом Франции.

Немецкие эксперты полагают, что парламентские выборы 2017 г. продемонстрируют слабость французских левых и разочарование избирателей в республиканцах – «ветеранах», за которых снова не хотят голосовать. Таким образом, вопреки всем прогнозам Национальный фронт станет сильнейшей партией в Национальном собрании Франции. Для Партии республиканцев и нового президента союз с Ле Пен представится единственно возможным вариантом [Fix, S. 15–16].

Попытка России повлиять на исход выборов во Франции определяется, по мнению экспертов, двумя первоочередными задачами. Во-первых, это попытка ослабить способность стран ЕС принимать и осуществлять решения. Во-вторых, Москва стремится «похоронить» трансатлантические отношения. С этой целью Кремль поддерживает те политические силы в Европе, которые работают над данной повесткой дня, независимо от того, представляют они левые или правые партии. Арсенал средств довольно обширен: «от финансовой помощи и экономического воздействия до политической дискредитации и мобилизации меньшинств», а также использования институтов культуры в качестве «мягкой силы» [Fix, S. 16]. Для российской стороны особый интерес представляет правоконсервативный лагерь Франции, поскольку он открыто симпатизирует Москве. «Таким образом, России нужны незначительные средства – например, кампании по дезинформации или дискредитации посредством СМИ… для того, чтобы повлиять на соотношение политических сил во Франции и ходе выборов 2017 г.» [Ibid].

Сюзан Стюарт – автор статьи, посвященной российско-германским отношениям, довольно подробно описывает возможный сценарий развития этих отношений. Она считает, что основными причинами роста враждебности со стороны Москвы являются введение санкций (которые могут быть продлены и в 2017 г.) и усиление сопротивления внутри ЕС строительству «Северного потока-2».

В этих условиях российские СМИ показывают неспособность Германии решить проблему беженцев, отмечают усиление влияния праворадикальных сил, которое таит в себе опасность прихода к власти фашистских партий. Эта тема развивается в контексте высказываний «некоторых российских немцев, которые жалуются, что их безопасность и права не гарантированы» [Stewart, S. 20].

Автор обращает внимание на то, что в Германии активизировала свою деятельность, созданная в 2013 г., партия «Единство», которую возглавляет руководитель фракции российских немцев в бундестаге Дмитрий Ремпель. Партия развивает достаточно широкие связи с соотечественниками

в России. К примеру, летом 2016 г. в Крыму были проведены «Олимпийские игры российских немцев». Поддерживаемые Россией, представители «Единства» все сильнее вовлекают российских немцев в политику и общественную жизнь Германии, делает вывод С. Стюарт.

Эксперт предполагала (это было еще до выборов Трампа президентом США), что в марте 2017 г. Кремль даст старт «кампании мира», в ходе которой будет доказываться, что «определенные силы» желают начала третьей мировой войны. При этом акцент будет сделан на том, что эта угроза исходит от США и Германии. США – потому, что они стремятся к мировому господству; Германии – потому, что та развязала Вторую мировую войну и никогда не отказывалась от стремления к военному могуществу. Кульминацией предполагаемой кампании может стать «мирная конференция», которая состоится в мае, спустя день после Военного парада в Москве по случаю Дня победы. К этому мероприятию российской стороной будут привлечены многочисленные немецкие антифашистские силы. Не исключено, что будут попытки провести параллельные мероприятия в Германии, в том числе в Магдебурге партией «Альтернатива для Германии» (АдГ). Помимо этого, в России будут опубликованы многочисленные интервью с выжившими участниками Второй мировой войны, в течение года в кинотеатрах будут показывать фильмы соответствующей тематики.

Весной и летом 2017 г. Москву посетят многочисленные немецкие бизнесмены и политики, в большинстве своем в качестве туристов, для которых будут организованы встречи с влиятельными российскими персонами. Возможно, некоторые туристы проведут свои отпуска в Крыму. Экстраполяция событий включает в себя празднование в октябре 2017 г. дня рождения Владимира Путина с приглашением бывших немецких политиков высшего эшелона и знаменитостей. «Звездой вечера станет российская немка, исполнительница шлягеров, которая споет для Путина немецкие и русские песни» [Stewart, S. 22]. Эти и другие подобные мероприятия будут рассчитаны на то, что немцы, посетившие Россию (скорее всего члены партии АдГ), после возвращения в Германию организуют протестные демонстрации, главной темой которых станет политика Германии и ЕС в отношении России, в том числе санкции.

По мнению С. Стюарт, российские политики имеют склонность персонализировать международные отношения, поэтому они сделали Ангелу Меркель ответственной за антироссийскую политику. При этом со стороны России предпринимаются попытки углубить существующие в самой Германии противоречия в вопросах российской политики. С этим связываются ожидания того, что можно дискредитировать федерального канцлера, укрепить связи с дружествен-

ными России силами в Германии, скорректировать ее нынешний внешнеполитический курс. В конечном счете это означает, что Евросоюз должен проводить политику, отвечающую интересам Кремля. Для осуществления такой стратегии годятся любые действующие фигуры: от политических партий разного толка до активистов из числа российских немцев, делает вывод автор.

Стюарт обращает внимание на то, что в разных сегментах немецкого общества есть известные персоны, готовые эксплуатировать российские политические цели, поскольку они обещают им выгоды. Кроме того, часть населения ФРГ находится под влиянием настроений солидарности с Россией, что меньше всего связано с ее внутренним развитием, а скорее объясняется внешними факторами, а также проблемами собственной социализации. Этим тенденциям можно лучше всего противостоять, если говорить откровенно о имеющихся социально-экономических слабостях самой Германии, «выносить на обсуждение и осуждать проблематичные российские действия и кампании» [Stewart, S. 24]. Вести неприятный диалог в нынешней ситуации менее опасно, чем вообще не обращаться друг к другу, даже если такой разговор осложняет сотрудничество в краткосрочной перспективе, считает автор.

Душан Рельжич полагает, что в настоящее время Россия ставит Сербию перед выбором: либо стать ее сателлитом, либо заложницей в отношениях России с Западом. В течение 2016 г. первые лица российского государства неоднократно встречались с премьер-министром Сербии Александром Вучичем, пытаясь склонить его к более прочным двусторонним отношениям. Известно, что в феврале 2016 г. сербский премьер подписал соглашение с НАТО, которое регулирует дипломатический статус представителей Альянса в Сербии и дает стране финансовые преимущества. Москва также хотела бы заключить подобный договор с Белградом, однако это стремление не находит отклика у сербского правительства. Его представители объясняют это тем, что такой договор не является необходимым условием «европейского будущего Сербии» [Reljic, S. 27].

В давлении на Сербию Россия может использовать свое право вето в ООН на признание Косова, т.е. снять его, если Белград не прекратит сближение с ЕС и НАТО. По этому вопросу в сербском обществе нет консолидированного мнения. 40% пророссийски настроенных депутатов парламента грозят вынести требования смены внешнеполитического курса на уровень уличных протестов. В случае такого развития событий Вучич, пытаясь остаться у власти, может возглавить движение за смену курса, но он едва ли останется главой правительства и партии. «При новых выборах усилится пророссийская фракция в такой степени, что без нее невозможно

будет сформировать новое правительство» [Reljic, S. 28].

В этом случае ситуация в Сербии и на Западных Балканах вновь станет нестабильной, а политическое значение России для Южной Европы возрастет больше, чем когда-либо после окончания холодной войны. Если подобный расчет России на превращение Сербии в своего сателлита не реализуется, то для Москвы останется вариант сделать эту страну «заложницей в бартерной торговле». В этом случае Западу будет предложено смириться с «аннексией» Крыма.

Вместе с тем исследователь отмечает, что Россия уже не в состоянии распространять свою военную мощь на придунайские страны и Адриатику после постоянного расширения НАТО с 2004 г. Основные российские инструменты влияния в этом регионе становятся все менее действенными. Это – «мягкая сила», зависимость от российских источников энергии и природного газа и наконец опасения, что Сербия может отказаться от претензий на Косово ради возможности вступить в Евросоюз.

О возможных действиях России на японском направлении пишет ***Александра Сакаки***. Она не исключает возможности того, что РФ договорится с Токио о Курильских островах и заключит с Японией мирный договор.

Россия очень заинтересована в налаживании двусторонних отношений с этой страной. В условиях ухудшения отношений с Европой, США и НАТО Москва ищет новых партнеров, чтобы уменьшить международную изоляцию России. С этой целью она активизировала свои контакты с Китаем. Улучшение отношений с Токио могло бы принести пользу для российской политики в Азии в целом. «Если России удастся сильнее диверсифицировать свои отношения с Азией и таким образом вновь расширить автономность собственных действий, то она подойдет ближе к своей цели – стать признанной в качестве “Евро-Тихоокеанской державы”» [Sakaki, S. 36].

Однако такой сценарий несет в себе риск ухудшения российско-китайских отношений. Поэтому Кремль может попытаться наладить более тесную кооперацию с Китаем. Основная опасность для международной политики состоит в том, что Москва может попытаться, используя Токио, расколоть G7.

В статье ***Азаде Замирирада*** анализируется политика России на Ближнем Востоке. После того, как США вывели в 2011 г. свои наземные войска из Ирака, позиции России усиливаются, она вытесняет США как ключевого партнера этой страны. Автор предполагает, что весной 2018 г. (истекает срок договоренностей с США) иракские политики могут отказаться от союза с Вашингтоном и заключить с Россией двустороннее соглашение по безопасности. В этом случае «Москва обеспечит иракской центральной власти поддержку в сфере логистики, политики безопасности и военных технологий

в борьбе с Исламским государством и возвращение утраченных иракских территорий» [Zamiridad, S. 39]. В соответствии с договоренностями будут предоставлены не только российские системы вооружения, но и обучение иракских сил безопасности по борьбе с терроризмом, совместные военные учения, а также возможность использовать иракские военные аэродромы. «Посредством новой кооперации Россия усилит свое присутствие в сфере политики безопасности на иракской земле. Расширяющееся пространство для действий Москва использует для создания геополитического коридора, который протянется от Сирии до Ирака» [ibid]. Под углом зрения существующих санкций против России и неурегулированного кризиса в Украине Москва использует свое растущее значение на Ближнем Востоке как «рычаг» в соответствующих переговорах.

Более того, весьма вероятно заключение в 2018 г. политического «квази-альянса» четырех стран – России, Ирана, Ирака и Сирии, основу которого составит российско-иранское сотрудничество [Zamiridad, S. 41]. Но, по мнению эксперта, это не будет общий четырехсторонний договор. Скорее можно говорить о свободном тактическом союзе, в котором каждая из сторон станет использовать его по необходимости в целях политического сотрудничества и координации. Для России это не связано с большими финансовыми затратами, поскольку стратегически она будет базироваться в районах, прежде занятых американцами.

В третьем разделе представлены статьи экспертов по проблемам Интернета, энергетики и безопасности. Здесь описываются такие гипотетические варианты, как создание Китаем, Россией и Индией сети «EurasiaNet», выход России из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности в ответ на развертывание американской системы ПРО в Европе, отмена монополии «Газпрома» на экспорт газа.

В работе ***Марселя Дикова*** подчеркивается, что совместный проект Китая, России и Индии по созданию новой сети к концу 2018 г. может расколоть всемирный Интернет на две части. Это обусловлено различными техническими и правовыми стандартами, а также политическими условиями. Вероятно, Россия начнет создавать открытые сетевые структуры на своей огромной территории с помощью китайского аппаратного обеспечения. Тем самым будет постепенно ослабевать интернет-связь Европы с Россией.

Летом 2018 г. российский президент может сделать заявление о том, что «его страна в кооперации с Китаем ликвидирует технологический разрыв, существовавший с Западом, и при этом начнет вводить собственные стандарты и инфраструктуру» [Dickow, S. 48]. Россию и Китай объединит стремление к большей технологической независимости, особенно от США. Вследствие этого в отдельных

регионах мира будут все больше изменяться транспортные потоки пакетов данных, например путем введения цифровых водяных знаков. В результате происходящих технологических изменений обмен данными станет все больше концентрироваться на уменьшенных контактах, которые можно будет легко контролировать. Кроме того, новая сеть позволит сделать Интернет инструментом целенаправленной информации.

Оливер Майер рассматривает возможный вариант изменения позиции России по вопросу контроля над ядерными вооружениями. В ответ на наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе российская сторона заявила, что это угрожает ее «высшим интересам», поэтому она (в соответствии со статьей XV Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности) может заявить о своем выходе из него. Россия предупреждает, что после заявления о выходе и обусловленного договоренностями срока в шесть месяцев она намерена разместить новое оружие средней дальности сначала на кораблях Балтийского флота, а позднее – крылатые ракеты в районе Калининграда и в западных областях России. «НАТО могла бы избежать такой эскалации, если бы заморозила свои дальнейшие планы по ракетному вооружению, следовательно, не вводила в действие вторую базу ПРО в Польше, как было запланировано, до конца 2018 г.» [Maier, S. 52]. Одновременно Москва предлагает НАТО провести переговоры о «подлинной кооперации между равноправными партнерами».

По мнению исследователя, существует ряд факторов, которые заставляют Россию модернизировать свой ядерный арсенал: расширение НАТО и ее приближение к российским границам; военное отставание России от Запада; набирающие силу Иран, Индия и Пакистан на южных рубежах РФ. Таким образом, ядерная программа служит своего рода «гарантом независимости, средством устрашения Запада и инструментом влияния на дискуссии внутри НАТО» [Maier, S. 53].

Москва намерена в ближайшие годы подготовить для развертывания около пяти различных типов берегового стратегического оружия. Новые системы носителей для такого оружия должны позволить обойти системы ПРО США и НАТО.

Для Германии и Альянса российский выход из Договора будет означать серьезные последствия. Появится непосредственная угроза новой гонки вооружений в Европе, возрастет опасность применения ядерного оружия. Внутри НАТО могут начаться дебаты о гонке вооружений и о том, сможет ли Альянс выдержать это давление. В свою очередь Россия попытается усилить свой военный потенциал и «отколоть» Европу от США. Обострение ситуации вокруг Договора о контроле над ядерными вооружениями вызовет обсуждение странами – членами НАТО вопроса о возможной реакции на

«провокационные действия Москвы» [Maier, S. 55].

В статье ***Кирстена Вестфаля*** речь идет о предполагаемом отказе Москвы в 2017 г. от монополии «Газпрома» на экспорт газа, что будет означать появление на европейском рынке других российских производителей – «Роснефти» и «Новатека». Такая либерализация экспорта через газопровод позволит проложить дополнительную ветку «Северного потока-2» через Балтийское море.

В 2021 г. будут введены в эксплуатацию еще два трубопровода. В том случае, если к этому времени будет подключен кабель и начнется эксплуатация независимыми компаниями с правом собственности, из России через «Северный поток» можно будет ежегодно импортировать более 65 млрд $м^3$ газа. «Российские экспортеры газа, такие как “Роснефть” и “Новатек”, завоюют последовательно рыночные ниши в Европе» [Westfahl, S. 57]. Положение на рынке окажется благоприятным, поскольку европейские месторождения газа в Германии, Нидерландах, Великобритании и Дании к 2020 г. будут быстро истощаться. К тому же сократятся экспортные возможности Норвегии, обусловленные повышением стоимости новых геодезических изысканий в Норвежском и Баренцевом морях.

До 2025 г. российские экспортеры газа заполнят прежде всего сегменты рынка европейских компаний. В свою очередь, «Газпром» будет защищать свои сильные позиции на рынке, обеспеченные низкой стоимостью производства и долгосрочными договорами. После того как к этому сроку поставки жидкого природного газа на мировой рынок сократятся, российским компаниям удастся повысить совокупную долю своего участия на европейском рынке далеко за 50% [Westfahl, S. 61].

Путем либерализации экспорта можно будет улучшить ситуацию с доходами в российском госбюджете. Кроме того, так могла бы быть обеспечена поддержка элит и «уравновешены противоречивые интересы экономической элиты в ближайшем окружении Путина».

Такой сценарий развития вовлечет и страны Евросоюза (во всяком случае, отдельные страны) в отношения с новыми российскими поставщиками газа. Но в политическом отношении возникнет вопрос о происхождении российских компаний и «дирижировании их деятельностью из кремлевских кабинетов» [Ibid]. Встанет вопрос о том, что хотя формально российский природный газ поставляется на рынок многими фирмами, но они должны принадлежать лицам из ближайшего окружения Путина, а их договоры одобрены Министерством энергетики. Разговоры о «независимых» концернах могут ввести в заблуждение. По мнению Вестфаля, российское руководство ставит четкую цель – держать стабильными экспортные цены и в этом отношении избегать соревнования между российскими экспортерами газа.

Возможные изменения политики России по отношению к Казахстану и Таджикистану – тема статьи ***Себастиана Шика***. В его сценарии центральное место занимает уход Назарбаева и выборы нового президента. Он пишет: «В случае внезапной смерти президента Назарбаева в феврале 2021 г. политическая элита Казахстана расколется на два лагеря» (Schiek, S. 65). Оказавшись под международным давлением, Астана будет вынуждена провести выборы. Согласно сценарию, предвыборную кампанию активно ведет вымышленный «харизматичный кандидат Мухтар Кунанбай», получивший широкую поддержку благодаря националистическим и антироссийским лозунгам. Москва официально объявляет себя защитницей всех русских и русскоязычных жителей Казахстана, получивших незадолго до этого более десятка тысяч российских паспортов. После победы Кунанбая в 40 районах Северного Казахстана, населенных в значительной мере этническими русскими, начинают действовать «отряды самообороны». Одновременно Россия перебрасывает в аэропорт Кустаная спецназ, стягивает войска к границе и начинает широкомасштабные маневры по вторжению в Казахстан.

Происходящие события провоцируют массовые демонстрации протеста в Таджикистане. Они направлены не только против российского военного присутствия в стране, но и против режима, который изображается «марионеткой Москвы». Наряду с усилением охраны правительственными войсками границ и столицы в отдельных регионах страны появляется «квазинезависимая милиция», все активнее действуют местные лидеры. «В результате Россия сталкивается с антироссийскими идеологиями и движениями сразу в двух государствах на своих “задворках”» [Schiek, S. 69].

Оппозиционные движения в Центральной Азии такой направленности будут иметь далеко идущие последствия для соотношения сил в регионе. Не допустить такой сценарий мог бы общий диалог между государствами Центральной Азии, Россией, Китаем и Евросоюзом, который обеспечит безопасность и стабильность на Новом Шёлковом пути, заключает автор.

Франциск Смолник предполагает, что весной 2017 г. станут более активными контакты между официальной Москвой, североосетинским Владикавказом и южноосетинским Цхинвалом. Главными конкурентами в борьбе за посты «главы государства» и «спикера парламента» республики станут Анатолий Бибилов и Леонид Тибилов. Чтобы показать свою лояльность Москве, оба кандидата выступят с предложением провести референдум о присоединении республики к России. В президентских выборах 2017 г. победит Леонид Тибилов, который будет стремиться интегрировать Южную Осетию в состав Российской Федерации. В случае формального вхождения в РФ этой территории

произойдет объединение с Северной Осетией, таким образом появится «Республика Осетия-Алания» [Smolnik, S. 71] как часть Российской Федерации.

Дискуссия о референдуме станет одной из составных частей избирательной кампании, которая будет более агрессивной, чем во время предыдущих выборов. Если 2011–2012 гг. были отмечены политическим кризисом, то в 2017 г. есть угроза его эскалации. Эксперт полагает, что в этот период проявится острая конкурентная борьба между различными группировками за политическое и финансовое влияние в регионе. К вражде элит добавится растущая фрустрация населения, обусловленная низкими зарплатами, высокой стоимостью жизни и растущей безработицей. Положение станет критичным (не в последнюю очередь) из-за военной реформы, проводимой после заключения договора о союзе с Россией. В результате сокращения южноосетинской армии многие военные лишатся своих должностей и хорошо оплачиваемой работы. Недовольный электорат, в руках которого сосредоточилось значительное число оружия, таит в себе взрывную силу.

И все же, как считает автор, референдум состоится в конце весны 2017 г., и предложенные изменения в Конституции будут одобрены большинством южноосетинских жителей, имеющих право голоса. «Они передадут всю полноту власти “главе государства” с тем, чтобы тот обратился к Кремлю с просьбой о приеме Южной Осетии в состав Российской Федерации» [Smolnik, S. 75].

Ф. Смолник считает, что стремление России объединить Северную и Южную Осетии свидетельствует не столько о желании компенсировать историческую несправедливость (речь идет о событиях 1920 г.), сколько о «ситуативной реакции российского руководства на ряд требований, с которыми оно столкнулось на Кавказе за последние несколько месяцев» [Smolnik, S. 76].

В начале 2017 г. участятся сообщения о новом росте насилия на Северном Кавказе, предположительно со стороны исламистов. Для российского руководства тяжелая социально-экономическая ситуация во всем регионе это не только локальная проблема. Православная Северная Осетия уже долгое время рассматривается большинством политиков как «якорь стабильности» на Северном Кавказе. В российском геополитическом дискурсе всему Северному Кавказу отводится ключевая роль в обеспечении гарантий для территориальной целостности России. «Москва опасается того, что политический кризис на юге может распространиться на Северную Осетию, тем самым ситуация в целом будет дестабилизироваться». Включение Северной Осетии в состав РФ должно успокоить ситуацию и предотвратить появление возможных сепаратистских настроений в некоторых северокавказских республиках.

Авторы заключительной статьи – ***Сабине Фишер и Маргарете***

Кляйн исходят из предположения, что в условиях продолжающегося экономического кризиса Владимир Путин объявит о реформировании правительства. Новое правительство провозгласит «глубокие экономические реформы»: либерализацию, разгосударствление и диверсификацию российской экономики. Будут предприняты попытки возобновить сотрудничество с ЕС. Одновременно внешняя политика России станет еще более националистической и жесткой, включая кампании дезинформации относительно Франции и Германии. Будет нарастать напряжение в отношениях с ближайшими соседями, прежде всего с Украиной и Грузией. Кремль усилит военные контрмеры как ответ на Варшавский саммит НАТО, будут выдвинуты требования к атлантическому альянсу отказаться от третьей фазы введения системы ПРО [Fischer, Klein, S. 81].

Отмечается такая особенность нынешней России, как возрастающее переплетение внутренней и внешней политики. Поэтому исследователи считают вполне возможным, что после «перетасовки» в правительстве из России будут исходить двойственные сигналы в адрес отдельных европейских стран и Евросоюза в целом. Ввиду этого рассматриваются две трактовки будущего. Первая – «продолжение стратегической амбивалентности», при которой на политику влияют, с одной стороны, так называемые силовики, с другой – ориентированная на реформы технократическая элита. Причем по основным внешнеполитическим вопросам их позиции совпадают. Вторая трактовка – «конфликт элит». Этот сценарий возможен в том случае, если в вопросах внешней политики технократы займут принципиально иную позицию, чем силовики. Они попытаются вновь усилить свое влияние на процесс принятия внешнеполитических решений через контакты с западными политиками. Возможна и комбинация этих двух сценариев. Не исключено, что из «прежнего разделения труда между обеими группировками разовьется конфликт элит, поскольку невозможно достичь договоренностей по интересам с обеих сторон на длительную перспективу» [Fischer, Klein, S. 83].

В любом случае, заключают авторы, Германия и Евросоюз окажутся перед выбором принятия собственных решений. При жесткой реакции на политику России можно лишиться перспективы «возможного просвета» в будущих взаимоотношениях. В случае дифференцированных ответов на амбивалентные сигналы Москвы будет утрачена внутренняя согласованность политики западных стран и тем самым основа для решительных действий в отношении России.

Литература

1. Dickow M. Das EurasiaNet – oder wie das Internet zerbrach // Denkbare Uberraschungen: Elf Entwicklungen, die Russlands Aussenpolitik nehmen konnte. – B., 2016. – S. 47–51.

2. Fischer S., Klein M. Einleitung: Denkbare Uberraschungen in der russischen Aussenpolitik // Ibid. – S. 5–14.

3. Fischer S., Klein M. Russland nach den Duma-Wahlen: Reformorientierte Regierung und nationalistische Aussenpolitik // Ibid. – S. 80–84.

4. Fix L., Kempin R. Rechtsruck in Paris: Der Kreml und die französischen Wahlen // Ibid. – S. 15–19.

5. Meier O. Russlands Rückzug aus der nuklearen Rüstungskontrolle // Ibid. – S. 52–56.

6. Reljic D. Russland stellt Serbien vor die Wahl: Satellit oder Faustpfand // Ibid. – S. 27–32.

7. Sakaki A. Durchbruch im Kurilen-Streit zwischen Japan und Russland // Ibid. – S. 33–38.

8. Schiek S. Konfrontation im «Hinterhof»: Russland greift militarisch in Kasachstan und Tadschikistan ein // Ibid. – S. 65–70.

9. Smolnik Fr. «Republik Ossetien – Alania»: Zusammenschluss Nord und Südossetiens in der Russischen Föderation // Ibid. – S. 71–79.

10. Westfahl K. Das Gasprom-Exportmonopol fällt // Ibid. – S. 57–64.

11. Zamiridad A. Russland löst die USA als Sicherheitspartner des Irak ab // Ibid. – S. 39–46.

Л.Н. Шаншиева

Радвани Ж., Лярюэль М.

РОССИЯ. МЕЖДУ СТРАХАМИ И ВЫЗОВАМИ

RADVANYI J., LARUELLE M.
La Russie. Entre peurs et défis.
Paris: Armand Colin, 2016. – 240 p.

Жан Радвани – видный специалист по России, профессор парижского Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO), директор Центра «Европа – Евразия» при этом высшем учебном заведении. Марлен Лярюэль – профессор Института европейских, российских и евразийских исследований при Университете им. Джорджа Вашингтона (Вашингтон).

«Россия внушает страх, отмечается в предисловии. Один из американских президентов не сомневался в том, что СССР это “империя зла”. Украинский кризис придал этому определению злободневность, на этот раз оно применяется в отношении России». «Одни говорят о “вредоносной державе”, другие о “генетическом бессилии” России в отношении демократии». «Россия эпохи Путина вызывает недоверие, ее имидж никогда не был таким негативным», – считают авторы [с. 5]. Они подчеркивают, что, с одной стороны, Россия не перестает вызывать подозрения из-за своего поведения. С другой стороны, по мнению некоторых исследователей, Россия охвачена страхом. Последние 25 лет после распада СССР, страна, ее элиты, ее общество озабочены целым рядом негативных факторов. Это – тревога по поводу демографического и экономического упадка, угроза вероятного внешнего вторжения, которая оживила прежнее ощущение «осажденной крепости». Стремительно открывшись миру во времена Бориса Ельцина, страна показывает теперь, что она не готова к глобализации.

Подвергшаяся перекрестным притязаниям со стороны Запада, выигравшего холодную войну, и слишком динамично развивающегося Китая, Россия не прекращает спор о своей идентичности: европейской, азиатской или же извечного моста, «Третьего Рима» между Востоком и Западом. Зажатая между реформаторскими надеждами и опасениями по поводу либерального общества, часто изображаемого как аморальная и порочная модель, страна выглядит как стремящаяся уйти в новую изоляцию.

Для названия глав издатели подобрали следующие провокативные названия: 1) «Россия, больная от своего пространства»; 2) «Тревожная идентичность убывающего населения»; 3) «Фрагментированное и травматизированное российское общество»; 4) «Российский политический режим между поис-

ком консенсуса и сдвигом к авторитаризму»; 5) «Экономика: Русский синдром?»; 6) «Между Европой и Азией: Головокружение двуглавого орла»; 7) «Россия в мире: Осажденная крепость или новая закрытость?»

Негативное изображение России имеет давнюю историю, замечают авторы. Это огромное государство всегда вызывало беспокойство. Хотя русское общество глубоко европейское по своей истории и культуре, оно имеет отличительные особенности. В качестве примера авторы ссылаются на романы Достоевского, симфонии Шостаковича и пьесы Чехова. В настоящее время Россия не оставляет наблюдателей равнодушными к ее идеологическому и политическому выбору, который вызывает либо притяжение, либо отторжение.

Такое отношение к России во Франции проявилось еще до знаменитых писем маркиза Де Кюстина. Никто иной как Стендаль после посещения Смоленска замечал в своем письме к Феликсу Фору от 24 августа 1812 г.: «В этом океане варварства нет ничего, что отвечало бы моей душе! Все грубо, грязно, неприятно физически и морально» [с. 6]. Когда речь заходит о русской душе, то обращаются к сентенции Федора Тютчева: «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить». Бесчисленные аналитики готовы подписаться под этим упрощением, когда они сталкиваются с непостоянством и непонятностью политики Москвы, полагают Радвани и Ларюэль [с. 6].

Авторы считают, что по отношению к российской действительности не работают те подходы социальных наук, которые применимы к государствам в других частях мира, и особенно не подходят они к анализу того, что происходило со страной в последнее время. После плохо контролируемых перемен периода перестройки, начатой Горбачёвым, последовали распад СССР в результате неудавшегося путча августа 1991 г., политический кризис и второй путч 1993 г., а также три серьезных экономических кризиса 1998, 2008 и 2014 гг. [с. 7]. Для правящих элит страны и под влиянием массмедиа, контролируемых государством, также и для большой части населения привычным сегодня стало параноидальное представление об окружающем мире. Смешение восхищения и боязни, заинтересованности и непонимания возникло под воздействием противоречивой действительности и безмерной открытости миру за последние 30 лет. Российская экономика живет по большей части благодаря внешней торговле с опорой на избыточные природные ресурсы, что делает ее зависимой от мировых цен и ее торговых клиентов. Россия показала себя неспособной после окончания советской эпохи модернизировать промышленность и поэтому во многом зависит от заграницы в том, что касается поставок большой части технологического оборудования, в котором она нужда-

ется. Ее элиты систематически отправляют своих детей учиться на Запад, лечатся и отдыхают там, несмотря на то что публично они критикуют западный образ жизни.

В последние годы легитимность главных опор режима – президент и его администрация, армия, ФСБ, Министерство внутренних дел, православная церковь, несмотря на то что их значение внешне укрепилось, подвергались критике, хотя временами и недостаточной. В начале своего третьего срока в марте 2012 г. В. Путин предпринял усиленные меры по укреплению центральной власти – в его понимании, главного фактора восстановления российской державы. Но могут ли эти меры придать стране позитивную динамику? Украинский кризис 2013–2014 гг. показал, что все противоречия значительно усилились.

Многие наблюдатели считают, что российский президент обратился к советскому наследию, от которого никогда не отказывались. Однако комплексный анализ нынешней эволюции приводит к иным выводам. Многие осевые черты путинской политики – склонность к подчинению или нейтрализации соседних государств, роль Москвы во главе нового похода по защите своих ценностей и норм от деградирующего Запада – не могут быть объяснены без исторической преемственности, имеющей давние корни. Вместе с тем следует учитывать экономические, социальные и культурные особенности страны. Наряду с «авторитарной девиацией», которую не нужно недооценивать, можно наблюдать усиление неолиберальной практики, которая очень далека от советской модели, пишут авторы. «Россия интенсивно глобализировалась, во взаимодействии с Европой и одновременно с Китаем, в сцеплении с исламским миром, и многие двусмысленные явления и парадоксы точно отражают данную открытость страны миру» [с. 8].

В первой главе авторы раскрывают свой тезис о том, что Россия не здорова потому, что занимает огромное пространство. Такое государство, «седьмая часть света» площадью в 17 098 246 км^2, казалось бы, должно быть достаточным для своих жителей. Но «аннексия Крыма после поспешно проведенного референдума 16 марта 2014 г.» и заявления В. Путина о защите «русского мира», сделанное во время церемонии его официального присоединения 18 марта, подтвердили, что российские руководители все еще не признали границы, образовавшиеся после распада СССР в декабре 1991 г. Во второй раз в течение десятилетия, после признания независимости сепаратистских регионов Абхазии и Южной Осетии в 2008 г., российский президент отступил от обязательств, принятых на себя Б. Ельциным, об уважении территориальной целостности и неприкосновенности границ государств, возникших после распада СССР [с. 9–10].

Все это авторы называют «постимперским синдромом». Они цитируют Н. Нарочницкую, которая

«основала находящийся в Париже Институт демократии и сотрудничества»: «Россия немыслима без имперского мышления. Она не может быть ничем иным, кроме как империей. Мы должны иметь великую политику, великую национальную идею…» [с. 10]. Но какой может быть империя без доминирования над территориями, находящимися за пределами национальной метрополии?

Для демонстрации неравномерности заселения территории РФ, разницы в экономическом положении и доходах граждан авторы публикуют две сравнительные таблицы положения в 2012 г. десяти наиболее развитых регионов РФ (Москвы и Московской области, Тюменской области, Башкортостана, Самарской области, Пермского края и др.), а также десяти самых слаборазвитых регионов – от Курганской и Ивановской областей до северокавказских республик, Чукотки, Калмыкии, Республики Алтай [с. 24]. Вклад регионов в общую экономику очень неравноценен – от 26,1% (вклад в общенациональный ВВП Москвы и области), 8,2 – Тюмени вместе с Ханты-Мансийским и Ямало-Ненецким автономными округами, 5,9% – С.-Петербурга и области. Наряду с этим – 0,29% Курганской области, 0,28% Ивановской области или 0,2% Чеченской Республики, 0,19% Республики Северная Осетия, и всего по 0,1% Карачаево-Черкесии, Тувы, Ингушетии, Калмыкии, Республики Алтай. Заметной является и разница в доходах на душу населения, даже в наиболее развитых регионах: в Москве и области она составляет в пересчете на евро 14 675, в Тюмени – 31 290, в Петербурге и области – 8500, Екатеринбурге – 7630, Краснодаре – 6022 [с. 24].

К истории России последних трех десятилетий авторы обращаются в четвертой главе [с. 77–102]. В их трактовке хронологически этапы этой истории соответствуют следующим разделам: «От идеи “Европа – наш общий дом” к делегитимизации либерализма, 1989–1993 гг.»; «В поиске политического консенсуса, 1994–2000 гг.»; «Путин I: “вертикаль власти”»; «Путин II: “вызов цветных революций”»; «Дмитрий Медведев: либеральные скобки?»; «Путин III: “возврат к консерватизму”».

Вводя в текст книги определения «путинская логика», «путинизм» как особое мировоззрение, авторы замечают, что на нынешнем этапе, разумеется, можно обращаться к ностальгии по Советскому Союзу и по царской империи, без разбора определяя в качестве наиболее значимых героев национальной истории Ивана Грозного, Петра Великого, Николая II, Столыпина, Ленина или Сталина. Можно признать православие государственной религией, оправдывать извечность государственных институтов или заявлять о религиозном разнообразии в стране. Можно признать Россию страной этнических русских, находящихся в постоянной борьбе за выживание с национальными меньшинствами, или же заявлять о мультикультурной гармонии

страны, впасть в полнейший изоляционизм или воспевать усилия России по созданию многополярного мира вместе со своими союзниками. Можно апеллировать к возрождению панславизма и к единению православных братьев-славян, к евроазиатскому посылу в направлении тюркско-монгольского мира, или к «русскому миру» в направлении русской диаспоры, искать для себя модель в лице Византийской империи или современного Китая, иронизируют Радвани и Лярюэль [с. 195].

Кто командует и кто изготавливает эту идеологическую продукцию? Президентская администрации функционирует как «черный ящик» с минимальной утечкой информации о том, как принимаются решения. За кулисами этого стоят такие деятели, как Волошин или Сурков. Путин и Медведев много раз говорили о «цивилизационном коде» России, о России как отличающейся от других цивилизации, культурных и моральных основах русского общества, но это все – «умышленно расплывчатая терминология» [с. 196].

В конце концов, заключают авторы, Россия развивается в международном контексте: постоянство или непостоянство ее нынешних идеологических исканий, ее колебания между изоляционизмом и интеграцией, между положением осажденной крепости или новым крестовым походом, во многом вызваны одновременной эволюцией других крупных акторов международной политики. Следует учитывать, какое равновесие установится между Китаем и Соединенными Штатами, и будет ли успешен или не успешен Европейский союз. От того, какой вид примет это будущее равновесие, зависит и будущее России. В этом отношении западные державы несут свою долю ответственности: их политика может усилить российские тенденции к сохранению своих страхов и маний, или же, напротив, способствовать решению стоящих перед Россией проблем с помощью нового цикла сотрудничества, в результате которого мир станет более стабильным [с. 215].

В.П. Любин

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА SUMMARIES

АННОТАЦИИ СТАТЕЙ ТЕКУЩЕГО НОМЕРА
Summaries

В.П. Булдаков. 1917 год: Лица, личины и лики революции
V.P. Buldakov. 1917: Faces, Guises and Faces of the Revolution

Ключевые слова: Россия, революция, революционное лидерство, бунт, утопии, психология толпы.

Keywords: Russia, revolution, revolutionary leadership, rebellion, utopia, crowd psychology.

Автор показывает, что современные представления о революции заметно примитивизировались в силу излишней увлеченности историков политической историей и, особенно, фигурами ее главных акторов, якобы действующих совершенно самостоятельно. Показано, что вопреки распространенным убеждениям, поведение ведущих фигур революционного процесса зависело от настроений масс, обладающих дополитическими представлениями о возможностях правящей элиты. Автор делает вывод, что основные лидеры пытались безуспешно втиснуть реалии революции в свои собственные представления о ее «правильном» развитии. В конечном счете они стали жертвой собственного непонимания настроений и устремлений масс.

The author shows that the modern ideas of revolution became primitive due to the fact that historians get excessively involved in political history and especially its main actors who supposed to act absolutely independently. It is shown that opposing popular beliefs, the behavior of the leading figures of revolutionary process depended entirely on the mood of masses with its pre-political idea of the ruling elite power. The conclusion is that the main leaders tried unsuccessfully to adjust the realities of the revolution to their own ideas of its «right» development. Eventually they became a victim of their own misunderstanding of sentiments and aspirations of masses.

В.А. Ковалёв. Есть у революции начало? (Статья 1-я)
V.A. Kovalev. Is There the Beginning of Revolution? (Article 1)

Ключевые слова: Россия, революция, контрреволюция, политический режим, кризис, оппозиция.

Keywords: Russia, revolution, counterrevolution, political regime, crisis, the opposition.

Статья посвящена проблеме факторов и акторов революционной ситуации, в частности проблем революции в России. Разбираются вопросы консолидации правящего режима, оппозиции, глубинных основ протеста, положения населения и внешнего вмешательства.

The article deals with factors and actors of revolutionary situation, the revolution in Russia in particular. Issues on the ruling regime consolidation, opposition, the profound reasons of the protest, the population status and the external interference are also studied.

С. Дудаков. Ульянов-Ленин. Штрихи к портрету
S. Dudakov. Ulyanov-Lenin. Touches to the Portrait

Ключевые слова: Ленин, ленинизм, харизматичность, выдержка, обаяние, демократичность в общении, беспощадность к врагам идеи, воля, сила убеждения.

Keywords: Lenin, leninism, charisma, endurance, personality, democratic communication, the ruthlessness of the enemies of the idea, the will, the power of belief.

В статье сделана попытка выяснить причины огромного влияния Ленина на окружающих; приведены характеристики его личности некоторыми знавшими Ленина современниками.

The author tries to find the roots of Lenin’s vast impact on people around him; enclosed is the description of Lenin’s personality given by some of his contemporaries.

М.И. Воейков, Г.В. Анисимова. Социально-экономическое неравенство: Российские тенденции

M.I. Voeykov, G.V. Anisimova. Socio-Economic Inequality: The Russian Trends

Ключевые слова: социально-экономическое неравенство, экономический рост, сбережения, государственная политика.

Keywords: socio-economic inequality, economic growth, savings, public policy.

Анализируется динамика социально-экономического неравенства в России в советский и современный периоды. Показано, что сегодня чрезмерная дифференциация населения по уровню материального благосостояния препятствует экономическому росту, ведет к сокращению потребительского спроса, обострению социальных проблем. Обоснована необходимость эффективной государственной социально-экономической политики, способствующей преодолению необоснованного неравенства.

The article analyzes the dynamics of socio-economic inequality in Russia in the Soviet and modern periods. Today the exceeding differentiation of population by the material welfare level impedes economic growth, reduces consumer demand and aggravates social problems. The article grounds the evidence in effective state social and economic policy necessary to overcome the unfair inequality.

Н.Ю. Ахапкин. Российский рынок труда в 2014–2016 гг.: Устойчивость без развития

N.Yu. Akhapkin. The Russian Labour Market in 2014–2016: Stability without Development

Ключевые слова: безработица, рабочая сила, рынок труда, экономический рост.

Keywords: unemployment, labour force, labour market, economic growth.

В статье анализируется состояние российского рынка труда в 2014–2016 гг. Исследованы структура рынка труда и основные показатели региональных рынков труда. Дается оценка перспектив развития и возможностей структурной модернизации рынка труда.

The article analyzes the state of the Russian labour market in 2014–2016. The labour market structure and the main indicators of regional labour markets are studied. The prospects of development and structural modernization of the labour market are considered in the article.

А.С. Ким, Е.Ю. Довгополов. Этнический национализм в массовом сознании постсоветской России

A.S. Kim, E.Yu. Dovgopolov. Ethnic Nationalism in Mass Consciousness of the post-Soviet Russia

Ключевые слова: этнический национализм, демографическая этнополитика, этнос, массовое политическое сознание.

Keywords: ethnic nationalism, demographic ethnic policy, ethnicity, mass political consciousness.

Анализируются последствия советской этнической политики, в условиях формирования этнического национализма, его распространение в массовом политическом сознании современного российского общества.

The article studies consequences of the Soviet ethnic policy in conditions of forming ethnic nationalism and spreading it in mass political consciousness of modern Russian society.

Л.С. Косикова. Проблемы взаимодействия евразийской и европейской интеграций

L.S. Kosikova. Interaction of the Eurasian and European Integrations

Ключевые слова: евразийская интеграция, европейская интеграция, ЕАЭС, ЕС, новый регионализм, Большая Евразия, «восточные партнеры» ЕС и двухвекторная интеграция, взаимодействие региональных интеграционных процессов на разных уровнях.

Keywords: Eurasian integration, European integration, Eurasian economic Union, the EU, the new regionalism, the Great Eurasia, the EU «Eastern partners» and the two-sided integration, the interaction between regional integration processes on different levels.

Анализируются объективные предпосылки взаимодополнения и гармонизации экономического сотрудничества в Европе и на постсоветском пространстве в рамках концепции «Большой Евразии», или евразийской континентальной интеграции. Выявлены особые интересы государств – участников проекта «Восточное партнерство» в развитии двухвекторной интеграции.

The author analyzes objectives for mutual complementation and harmonization of economic cooperation in Europe and on the post-Soviet area in the concept of the «Great Eurasia» or the Eurasian continental integration. Particular concern of states – participants of the «Eastern partnership» project – in developing the two-sided integration is outlined.

И.С. Синицина. Международная трудовая миграция населения в Центральной и Юго-Восточной Европе
I.S. Sinitsina. The International Labour Migration of Population from Central and South-Eastern Europe

Ключевые слова: страны Центральной и Юго-Восточной Европы, международная трудовая миграция, «утечка мозгов», дефицит рабочей силы, денежные переводы.

Keywords: countries of Central and South-Eastern Europe, international labor migration, brain drain, shortage of labour force, money transfers.

В статье рассматриваются этапы развития миграции из стран ЦЮВЕ на запад, главным образом в страны ЕС-15; основные факторы и направления миграций из стран ЦЮВЕ, состав мигрантов, воздействие финансово-экономического кризиса на миграционный отток трудовых ресурсов, а также экономические последствия миграции для стран ЦЮВЕ.

The article studies the stages of migration expansion from countries of Central and South-Eastern Europe to the West, mainly to the EU-15 countries; the main causes and migration directions from countries of Central and South-Eastern Europe, migrants structure, the impact of financial and economic crisis on migration outflow of labour force, economic consequences of migration for countries of Central and South-Eastern Europe.

С.Г. Арбузов. Тенденции развития Украины в период 2007–2015 гг.
S.G. Arbuzov. Tendencies of Ukraine Development during 2007–2015

Ключевые слова: затяжной кризис украинской экономики, причины кризиса, низкий уровень политической стабильности, деиндустриализация, уменьшение инвалютных доходов, ошибки Национального банка, девальвация гривны.

Keywords: the prolonged crisis of the Ukrainian economy, the grounds of the crisis, the low level of political stability, de-industrialization, reduction of foreign exchange revenues, the slips of the National Bank, UAH devaluation.

В статье анализируется затяжной кризис украинской экономики после распада СССР и традиционных хозяйственных связей; рассматриваются причины кризиса, попытки органов власти и управления преодолеть его.

The article analyzes the prolonged crisis of the Ukrainian economy after the collapse of the USSR and traditional economic relations; the grounds of the crisis, attempts of the authorities and administration to overcome it are examined.

Н.И. Бубнова. Новая администрация США: Военно-политические вызовы
N.I. Bubnova. The New US Administration: Military-Political Challenges

Ключевые слова: Трамп, США, Россия, российско-американские отношения, НАТО, Сирия, Иран, терроризм, киберугрозы.

Keywords: Trump, USA, Russia, the Russian-American relations, NATO, Syria, Iran, terrorism, cyber threats.

В статье анализируются заявления по конкретным проблемам международной повестки дня и первые практические шаги президента Трампа, рассматриваются новые возможности в российско-американских отношениях.

The paper analyzes President's Trump first practical steps and statements on specific issues of international agenda, as well as the new prospects of Russian-American relations.

А.Г. Донгаров. Советско-финляндская война 1939–1940 гг.
A.G. Dongarov. The Soviet-Finnish War of 1939–1940

Ключевые слова: проблемы безопасности Ленинграда, советско-финляндские переговоры, «майнильский инцидент», Финляндская Демократическая Республика, дипломатические действия, мирный договор.

Keywords: security problems of Leningrad, the Soviet-Finnish negotiations, «Mainila incident», the Finnish Democratic Republic, diplomatic actions, peace treaty.

В статье освещаются предыстория, обстоятельства и причины советско-финляндской войны 1939–1940 гг., ход предшествовавших ей переговоров сторон; итоги конфликта и его урегулирование.

The article provides the background, circumstances and causes of the Soviet-Finnish war of 1939–1940, the course of the preceding negotiations of the parties; the outcome of the conflict and its settlement.

С.Ю. Малышева, А.А. Сальникова. Межэтническая кооперация: Казань последних советских десятилетий
S.Yu. Malysheva, A.A. Salnikova. Inter-ethnic Cooperation: Kazan of the Last Soviet Decades

Ключевые слова: мультикультурализм, Республика Татарстан, татарская модель межнациональных отношений, «советский народ», результаты анкетирования в Казани.

Keywords: multiculturalism, Republic of Tatarstan, the Tatar model of inter-ethnic relations, «the Soviet people», the results of questioning in Kazan.

В статье показано, что Казань представляет собой регион толерантного сосуществования представителей различных народов и профессий. Здесь на протяжении десятилетий сохраняется модель межкультурного взаимодействия и кооперации двух ведущих этнических групп республики – татар и русских.

The article shows that Kazan is a region of tolerant coexistence of representatives of various nations and professions. For decades the model of cultural interac-

tion and cooperation between the two leading ethnic groups of the Republic – the Tatars and the Russians – is preserved here.

М.А. Положихина. Электронное правительство: Опыт Запада и России

M.A. Polozhikhina. E-government: Experience of the West and Russia

Ключевые слова: электронное правительство, рейтинг развития электронного правительства ООН, электронное правительство в России, риски электронного правительства, проблемы развития электронного правительства.

Keywords: e-government, the UN e-government evolution, e-government in Russia, risks of e-government, problems of e-government evolution.

Концепция «электронного правительства» постепенно превращается в качественно новую форму организации государственного управления. В России определенный прогресс в формировании электронного правительства сопровождается новыми рисками, а дальнейшее его развитие требует решения ряда проблем как теоретического, так и прикладного характера.

The idea of «electronic government» is steadily transformed into a new form of public administration. In Russia, certain progress in forming e-government is accompanied by new risks and its further evolution depends on the solution of both theoretical and applied matters.

М.Е. Соколова. Риски всеобщей наукометризации для информационной сферы науки

M.E. Sokolova. Risks of the Total Scientometrics for Information Sphere of Science

Ключевые слова: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), индексы научного цитирования, информационная среда науки, рейтинги, библиометрические методы.

Keywords: Russian science citation index (RSCI), science citation index, the information environment of science, ranks, bibliometric techniques.

Рассматривается ряд негативных последствий «всеобщей наукометризации» для информационной среды российской науки, в частности информационное неравенство для научно-образовательных организаций, работающих с сервисами РИНЦ, наличие в его базе больших объемов неверифицированной информации.

The author studies negative consequences of «the total scientometrics» for the information environment of Russian science, such as information inequality for scientific and educational organizations working with RSCI, which database contains a large amount of unverified information.

П.М. Шульгин, О.Е. Штеле. Наследие выдающегося ученого (К 190-летию со дня рождения П.П. Семёнова-Тян-Шанского)

P.M. Shulgin, O.E. Shtele. The Heritage of the Outstanding Scientist (To the 190th Anniversary Since the Birth of P.P. Semenov-Tyan-Shansky)

Ключевые слова: П.П. Семёнов-Тян-Шанский, музей-заповедник, Русское географическое общество.

Keywords: P.P. Semenov-Tyan-Shansky, Museum-Reserve, the Russian geographical society.

В статье дана характеристика историко-культурного и природного наследия мемориальной территории на границе Липецкой и Рязанской областей, где провел детство выдающийся российский ученый Петр Петрович Семёнов-Тян-Шанский. Сформулированы рекомендации по развитию здесь мемориального и природно-ландшафтного музея-заповедника.

The article presents the description of historical, cultural and natural heritage of the memorial area on the border of Lipetsk and Ryazan regions, where the outstanding Russian scientist P.P. Semenov-Tyan-Shansky spent his childhood and the ways to create memorial and natural landscape Museum-Reserve.

К сведению авторов

Требования к рукописям, поступающим в журнал «Россия и современный мир»

Рукописи принимаются в виде компьютерной распечатки (междустрочный электронный интервал 1,5, соответствующий машинописному интервалу 2; кегль 14; гарнитура Times New Roman); к распечатке прилагается дискета, текст на которой должен иметь те же параметры. Допустимо предоставление вместо дискеты флэшки для переноса файла в компьютер редакции (флэшка возвращается автору).

Объем публикуемых рукописей не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. электронных знаков с пробелами) и может зависеть от рубрики и жанра рукописи (статья, сообщение, заметка и т.д.). В отдельных случаях возможно согласование объема с редакцией.

В «шапке» рукописи сначала ставятся инициалы и фамилия автора; с новой строки – заголовок. Обязательно предоставление сведений об авторе на первой странице рукописи после заголовка. Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты даются на первой странице в подстрочнике.

Исследовательские статьи, основанные на использовании более трех источников, сопровождаются алфавитными и пронумерованными списками литературы, в которых каждый источник, независимо от количества ссылок на него в тексте, имеет один номер; ссылки на него даются в тексте в скобках, где фигурируют этот номер и, через запятую, та страница(ы), к которой отсылается читатель; если в одном месте в тексте необходима отсылка к нескольким источникам, их номера указываются в одних скобках через точку с запятой. При использовании литературы на русском и иностранных языках сначала указываются русскоязычные источники, а затем иноязычные с одной сплошной нумерацией.

В так называемом подстрочнике могут помещаться авторские примечания (комментарии, разъяснения, оценки, сравнения и т.д.) в виде имеющих сплошную нумерацию сносок. Если в такого рода сносках упоминаются письменные источники, они оформляются точно так же, как и в тексте (номер и страницы в скобках). В подстрочнике помещаются также ссылки на архивные документы с общей нумерацией с примечаниями.

Источники из Интернета помещаются в списке литературы, если известны автор и / или название источника; «глухие» ссылки на Интернет даются в подстрочнике наряду с примечаниями и с общей нумерацией.

Опубликованные источники описываются следующим образом: фамилия автора, инициалы, название публикации, место и год публикации, общее количество страниц (для изданий книжного типа) или те страницы, на которых помещена публикация (для статей в журналах и сборниках). Примеры: 1) Иванов И.И. Проблемы науки. – М., 2010. – 250 с.; 2) Петров П.П. К вопросу о… // Россия и современный мир. – М., 2011. – № 4. – С. 5–25; 3) Сидоров С.С. Еще раз о… // Сборник статей… / Отв. ред. Иванов И.И. – М., 2012. – С. 7–27.

Рекомендуем всем авторам ознакомиться с правилами оформления научного аппарата, взяв в руки последние номера нашего журнала!

ЗА ПУБЛИКАЦИЮ МАТЕРИАЛОВ ПЛАТА НЕ ВЗИМАЕТСЯ.
ГОНОРАРЫ НЕ ВЫПЛАЧИВАЮТСЯ

Рукописи принимаются
в электронном и печатном виде, объемом до 1 п.л.

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел.: +7(925) 517-3691
E-mail: inion@bk.ru

Россия и современный мир № 1 – 2017 (94)

Верстка Н.М. Власова

Корректор
О.П. Дормидонтова

Гигиеническое заключение № 77.99.6.953.П.5008.8.99
от 23.08.1999г.
Подписано к печати 20.03.2017 г.
Формат 70x100/16
Бум. офсетная № 1
Печать офсетная
Цена свободная
Усл. печ. л. 21,0 Уч.-изд. л. 15,7
Тираж 870 экз. Заказ № 42

Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский пр-кт, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

042(02)9